

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1875.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЛХХVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1875.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія.

Сношенія Россіи съ Европейскими держа-
вами предъ отечественною войною 1812

года. . . . . А. Н. Попова.

Политическое устройство Германской импе-
ріи. Часть вторая. . . . . А. Д. Градовскаго.

Болгаре и Русь на Азовскомъ Поморьѣ. . Д. Н. Иловайскаго.

Ванскія надписи и значеніе ихъ для исто-
ріи передней Азіи . . . . . К. П. Патканова.

Критика и библіографія:

Старше италянскіе монастыри. *I codici e le arti a*

Monte-Cassino, per D. Andrea Garavita 3 vv.

Codex diplomaticus Cavensis, I-й томъ. . . . А. Веселовскаго.

А. Котляревскаго. Книга о древностяхъ и исторіи По-
морскихъ Славянъ въ XII вѣкѣ. Прага. 1874.

Ею же. Древности права Балтійскихъ Славянъ. Часть

первая. Прага. 1874 . . . . . В. П. Ламанскаго.

Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ.

Владимира Соловьева. Москва. 1874. . . . М. И. Владиславлева.

Новости иностранной ученой литературы.

Бѣлгородская учительская семинарія . . . С. Бовровскаго.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) низшія учи-
лища.

Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л — ра.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

БОЛГАРЕ И РУСЬ НА АЗОВСКОМЪ ПОМОРЬѢ ¹⁾.

I.

Гуны-Волгаре въ Тавридѣ и на Тамани.—Сосѣдство съ Херсономъ, Боспоромъ и Готіей. — Первый христіанскій князь у Таврическихъ Болгаръ. — Дѣйствіе Византійской политики.

Въ IV вѣкѣ по Р. Хр. почти прекращаются извѣстія о самостоятельномъ Боспорскомъ царствѣ, существовавшемъ на обѣихъ сторонахъ Керченскаго пролива; а въ концѣ X вѣка на тѣхъ же мѣстахъ, по нашимъ лѣтописямъ, является *русское* Тмутраканское княжество. Откуда взялось это княжество, и какія были судьбы Боспорскаго края въ теченіе періода, обнимающаго пять или шесть вѣковъ? На эти вопросы доселѣ не было почти никакого отвѣта. Въ предыдущемъ своемъ изслѣдованіи мы указали, что послѣ изгнанія Остѣ-Готовъ изъ южной Россіи часть Болгаръ, именно Кутургурь, двинулась за ними и заняла страну между Днѣпромъ и Дунаемъ, а другая часть, то-есть, Утургурь, осталась на обѣихъ сторонахъ Азовскаго моря и въ восточной части Крыма (см. *Русскій Архивъ* 1874 г.

¹⁾ Настоящее изслѣдованіе, съ нашей точки зрѣнія, можетъ быть разсматриваемо какъ введеніе въ русскую исторію, начало которой такъ долго было затемнено господствомъ норманской школы и ея яко-бы научными выводами. Что касается до современныхъ представителей этой школы, то къ сожалѣнію, тѣ изъ нихъ, отъ которыхъ можно было ожидать болѣе логичи и болѣе добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, уклонялись отъ борьбы. Уже самый фактъ этого уклоненія не говоритъ въ пользу ихъ теорій. Но если ихъ рѣчь впередъ, то мы всегда рады доброму противнику. Въ предыдущемъ изслѣдованіи мы, по возможности, опредѣляли народность Болгаръ (*Русскій Архивъ* 1874 г. № 7), а въ настоящемъ указываемъ ихъ связь съ начальной русскою исторіей, и между прочимъ, стараемся опредѣлить другія темныя народности, имѣвшія тѣсное отношеніе къ этой исторіи, именно—Хазаръ и Аваръ.

№ 7). Эти Утургуры на сѣверѣ, по замѣчанію Прокопія, граничили съ безчисленными племенами Славянскихъ Антоу; но не одни Славяне были ихъ сосѣдами на сѣверѣ: нѣтъ сомнѣнія, что въ степяхъ Азовско-Черноморскихъ кочевали въ то время остатки настоящихъ Гунновъ, то-есть, племена Угорскія. На югѣ, кромѣ Херсонскихъ Грековъ, сосѣдилъ съ ними небольшой остатокъ Готовъ Тетракситовъ, которые заняли горную область южнаго Крыма, известную подъ именемъ Дори. Благодаря горамъ, эти Готы отстояли себя отъ окончательнаго истребленія со стороны Болгаръ Утургуровъ. По словамъ Прокопія, они послѣ отчаянной войны заключили союзъ съ своими врагами, но очевидно, союзъ не совсѣмъ искренній: Готы отстаивали себя не однимъ оружіемъ, но и хитрою политикой. Они отдались подъ покровительство Византіи; отправляя къ Юстиніану I посольство съ просьбой о назначеніи имъ новаго епископа, они, какъ мы видѣли, совѣтовали императору поддерживать распри между варварами, то-есть, между Кутургурами и Утургурами. Но поддержаніе подобныхъ распрей и безъ того было обычною политикою Византіи. Во время нашествія Кутургуровъ на имперію въ 551 году, когда по просьбѣ Юстиніана Сандилъ, князь Утургуровъ, пошелъ на своихъ родичей, онъ присоединилъ къ своему войску 2.000 Тетракситовъ. Отсюда можно заключить, что послѣдніе, признавая надъ собою протекторатъ Византіи, въ то же время играли иногда роль подручниковъ и по отношенію къ своимъ сильнымъ сосѣдамъ Болгарамъ Утургурамъ.

Итакъ, въ первой половинѣ VI вѣка, мы встрѣчаемъ утургурскія поселенія примыкающими къ Азовскому морю съ его восточной, южной и отчасти западной стороны. Средоточіемъ ихъ являются преимущественно берега пролива, то-есть, главная часть древняго Веспорскаго царства, которому они, очевидно, нанесли окончательный ударъ. На восточной сторонѣ пролива они завладѣли Фанагорійскимъ или Таманскимъ островомъ и его городами, которые, какъ известно, вели свое происхожденіе отъ древнихъ греческихъ поселенцевъ. Завоеванія эти, по обычаю варваровъ, сопровождались разрушеніемъ и опустошеніемъ. Прокопія называетъ два города, именно Кипы и Фанагорію, которые были разрушены варварами; но и другіе, менѣе значительные города, конечно, подверглись той же участи. По крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи мы видимъ, что здѣсь только одинъ пунктъ получилъ нѣкоторое значеніе въ исторіи; это Таматарха или Тмутраканъ нашихъ лѣтописей, очевидно, возникшая на мѣстѣ разоренной Фа-

нагоріи. На другой сторонѣ пролива находилась бывшая столица Боспорскаго царства, Пантикапея, у византійскихъ писателей извѣстная болѣе подъ именемъ Боспора. Этотъ знаменитый городъ, благодаря своимъ укрѣпленіямъ, нѣкоторое время оборонялъ себя отъ напора Гунновъ Утургуровъ; наконецъ, чтобы не попасть въ руки варваровъ, онъ поддался Византіи. Подчиненіе это, по словамъ Прокопія, относится ко времени императора Юстина I; „а до того времени Боспориты управлялись собственными законами“ (De Bell. Pers. L. I, сар. 12). Нѣтъ сомнѣнія, что варвары пытались завладѣть всѣмъ Таврическимъ полуостровомъ; однако Византія успѣла отстоять отъ нихъ не только Херсонесъ и Пантикапею, но и нѣкоторые укрѣпленные пункты на восточномъ берегу, каковы Гурзуфъ и Алустонъ (ихъ называетъ Прокопій; по были, вѣроятно, и другіе, которыхъ онъ не называетъ, напримѣръ, Сугдея). За исключеніемъ такихъ пунктовъ, восточное побережье Таврики, по словамъ Прокопія, было занято варварами, и преимущественно Гуннами, то-есть Болгарами Утургурами (De B. Goth. L. IV, с. 18).

Главная причина, почему остановились успѣхи Болгаръ, и они не могли овладѣть всѣмъ Таврическимъ полуостровомъ, заключалась, конечно, въ томъ, что они не имѣли единства. Борьба съ Остѣ-Готами, очевидно, соединила ихъ; но по окончаніи этой борьбы, они снова раздѣлились и распались на отдѣльные роды, находившіеся подъ управленіемъ своихъ мелкихъ князей. Тогда не замедлила вознѣмѣть свое дѣйствіе обычная политика Византіи—сдерживать сосѣднихъ варваровъ, посявая между ними раздоры (наслѣдованное отъ древняго Рима: divide et impera). Императоры заключали отдѣльные союзы съ князьями варваровъ противъ ихъ же соплеменниковъ; осыпали ихъ подарками; а относительно наиболѣе сильныхъ князей эти подарки нерѣдко обращались въ постоянные или ежегодные, такъ что имѣли видъ дани. Иногда византійской политикѣ удавалось поставить этихъ варваровъ въ вассальныя къ себѣ отношенія. Византія пользовалась ихъ силами въ своихъ внѣшнихъ войнахъ; то-есть; нанимала ихъ дружины въ свою службу. Первое упоминаніе о наймѣ болгарскихъ дружинъ на Таврическомъ полуостровѣ относится также ко времени императора Юстина I. Прокопій въ своей *Персидской войнѣ* (L. I, с. 12) разказываетъ слѣдующее: Гургень, князь кавказской Иверіи, угрожаемый Персидскимъ царемъ Кабадомъ, обратился съ просьбой о помощи къ императору Юстину. Тогда послѣдній отправилъ въ Боспоръ Киммерійскій съ большою суммою денегъ.

патриція Проба, который долженъ былъ нанять войско изъ Гунновъ, *обитавшихъ между Херсономъ и Боспоромъ*. Пробъ исполнилъ свое порученіе; и Юстинъ часть этого войска отправилъ съ другимъ военачальникомъ въ Лазику на помощь Гургеню. Особенно видную роль играли болгарскія наемныя дружины въ войнахъ Византіи во времена Юстиніана I. Велизарій не мало былъ обязанъ имъ своими успѣхами въ Азій, Африкѣ и Италіи. Эти дружины вербовались въ странахъ приазовскихъ и придунайскихъ, слѣдовательно, между обѣими вѣтвями Болгарскаго народа, Кутургурами и Утургурами.

Для укрощенія варваровъ на помощь Византіи вскорѣ явится могущественный союзникъ, греческая религія. Византія ревностно исполняла свое высокое призваніе на востокъ—распространять христіанство. Отчасти по духу грековосточной церкви, отчасти по недостатку матеріальныхъ средствъ, она въ этомъ отношеніи составляла совершенную противоположность съ западною или Латинскою имперіей, которая со времени Карла Великаго вводила христіанскую религію между языческими племенами преимущественно силою меча. Византія же болѣе дѣйствовала проповѣдью и притомъ проповѣдывала на языкѣ туземцевъ; кромѣ того, она старалась привлекать къ христіанству варварскія племена блескомъ своей цивилизаціи, особенно великолѣпіемъ своего церковнаго обряда, красотою храмовъ, дорогими подарками, привѣтливымъ обхожденіемъ и т. п. Извѣстны наши лѣтописныя преданія о томъ, какъ Греки, при заключеніи договора съ Олегомъ, показывали русскимъ посламъ свои храмы и царскія палаты, и какъ потомъ послы Владиміра были поражены великолѣпіемъ Софійскаго собора и патриаршаго служенія. Но подобное гостепріимство не было оказано только Русскимъ; это была обычная политика Византіи по отношенію къ сосѣднимъ языческимъ народамъ. Различіе въ латинскомъ и греческомъ способахъ распространять христіанство имѣло своимъ главнымъ послѣдствіемъ и то обстоятельство, что народы, принявшіе вѣру отъ Византіи, получили Священное Писаніе на родномъ языкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ начала развиваться и своя собственная письменность; тогда какъ народы, обращенные западными миссіонерами и признавшіе свою духовную зависимость отъ Рима, получали латинское богослуженіе и латинскую письменность. Извѣстно также, что и начало національной нѣмецкой письменности, то-есть, переводъ священнаго писанія на готскій языкъ, который приписываютъ Ульфилѣ, епископу IV вѣка, принадлежитъ именно восточной половинѣ Римской имперіи, а не западной.

Первое упоминаніе о христіанствѣ между Таврическими Болгарами относится къ тому же знаменитому царствованію Юстиніана I. Начало же христіанской проповѣди на Таврическомъ полуостровѣ восходитъ къ I вѣку по Р. Хр. Преданіе говоритъ, что апостолъ Андрей изъ Синопа пріѣзжалъ въ Херсонъ и здѣсь проповѣдывалъ христіанство. Затѣмъ во времена Траяна прославился своею апостольскою дѣятельностію сосланный сюда Римскій епископъ св. Климентъ, который и былъ здѣсь утопленъ по приказанію императора за свою проповѣдь. Христіанство, впрочемъ, медленно возросло и укрѣплялось на полуостровѣ и должно было выдерживать упорную борьбу съ эллино-скиескою религіей. Послѣдователи его принуждены были скрывать свое богослуженіе въ пещерахъ и катакомбахъ. Но со времени Константина Великаго появились здѣсь открытыя христіанскіе храмы, и успѣхи проповѣди пошли быстрѣе. Впрочемъ, христіанство и эллино-скиеское язычество и послѣ того долго еще жили рядомъ въ этихъ главныхъ пунктахъ. Въ Херсонесѣ христіанство восторжествовало ранѣе; а на Восторѣ оно, по всей вѣроятности, окончательно утвердилось только съ присоединеніемъ къ Византійской имперіи, то-есть, въ первой половинѣ VI вѣка. Въ это же время христіанская проповѣдь начинаетъ проникать и въ среду сосѣднихъ Гунновъ-Болгаръ. Кромѣ вліянія Херсона и Востора, на нихъ могъ, конечно, дѣйствовать и примѣръ сосѣднихъ Готовъ-Тетракситовъ. Извѣстно, что христіанская религія распространилась между Готами первоначально въ формѣ аріанской ереси; къ этой эпохѣ принадлежитъ дѣятельность ихъ епископа Ульфилы и переводъ Священнаго Писанія на готскій языкъ. Получили ли христіанство таврическіе Готы отъ своихъ аріанскихъ соплеменниковъ, или непосредственно изъ сосѣдняго Херсона—въ точности неизвѣстно; но послѣднее имѣетъ болѣе вѣроятности. Въ первой половинѣ VI вѣка у нихъ встрѣчаемъ уже собственнаго епископа. По поводу его смерти и готскаго посольства въ Константинополь, Прокопій замѣтилъ слѣдующее: „Были ли эти Готы когда-либо аріанской секты, подобно прочимъ аріанскимъ народамъ, или какой другой—я не могу утверждать“. Отсюда прямое заключеніе, что въ его время они были православными; да иначе они не обращались бы къ Юстиніану съ просьбой о назначеніи имъ новаго епископа. Слѣдовательно, Таврическіе Болгаре съ разныхъ сторонъ соприкасались православному населенію, и византійское вліяніе не замедлило отразиться на нихъ въ дѣлѣ религіи.

Вскорѣ послѣ воцаренія Юстиніана I, именно въ 528 году, князь

Гунновъ, сосѣдникъ съ Веспоромъ, по имени *Гордасъ*, лично отправился къ императору для заключенія съ нимъ союза и для принятія святаго крещенія. Императоръ былъ его воспріемникомъ отъ купели и почтилъ его многими дарами. Въ свою очередь князь обѣщался охранять отъ варваровъ римскія владѣнія, особенно городъ Веспоръ, и кромѣ того, доставлять извѣстное количество рогатаго скота; слѣдовательно, въ сущности онъ призналъ себя вассаломъ и данникомъ Византіи. Императоръ послалъ еще нѣкоторое количество войска подъ начальствомъ военныхъ трибуновъ для защиты Веспора отъ Гунновъ и для собиранія съ нихъ означенной дани рогатымъ скотомъ. „Въ этомъ городѣ“, прибавляютъ византійскіе историки, — „происходила значительная торговля Римлянъ съ Гуннами“¹⁾. Приведенное свидѣтельство представляетъ для насъ несомнѣнную важность. Впервые, самое прозвище гунскаго князя, Гордъ или Гордай, обнаруживаетъ, что дѣло идетъ о Болгарахъ славянскихъ или такъ называемыхъ Гуннахъ-Утургурахъ. Въ вторыхъ, путешествіе Горда въ Византію — и конечно, съ значительною свитою — указываетъ на морскія плаванія таврическихъ Гунновъ, слѣдовательно, подтверждаетъ ихъ славянскій, а не угро-тюркскій характеръ. Въ исторіи нашего христіанства князь Гордъ является предшественникомъ русской княгини Ольги, которая, почти по тому же поводу предпринимала плаваніе въ Византію. Слѣдовательно, ко временамъ Ольги подобныя путешествія вошли уже въ нѣкоторый обычай у восточныхъ Славянъ.

Но этотъ первый христіанскій князь таврическихъ Болгаръ имѣлъ печальную судьбу, по извѣстію тѣхъ же византійскихъ лѣтописей. Когда Гордъ воротился въ свою страну, то онъ началъ не только открыто исповѣдывать новую религію, но и принялся истреблять языческіе идолы, которымъ поклонялись Болгары; а тѣ, которые были сдѣланы изъ серебра и золота, онъ приказывалъ расплавлять. По язычество было еще очень крѣпко въ народѣ, и уничтоженіе идоловъ возбудило его къ мятежу. По всей вѣроятности, къ религіозной ревности присоединилось еще и неудовольствіе на князя за вассальное подчиненіе Византіи и за обязательство платить ей дань. Мятежники убили князя и преемникомъ ему поставили его брата Моагера.

¹⁾ Θεοφανῆς, Анаσταсій и Кедренъ. Замѣчательно, что, по извѣстію тѣхъ же историковъ, около того же времени принялъ крещеніе отъ императора Юстиніана князь Придунайскихъ Геруловъ Гретисъ съ своими приближенными и обязался почти тѣми же условіями (Мет. Рор. I. 430). Очевидно, ко всѣмъ сосѣднимъ варварамъ Византія прилагала одинакіе политическіе приемы.

Вслѣдъ затѣмъ, опасаясь ищенія со стороны Римлянъ, занимавшихъ Боспоръ, они внезапно напали на этотъ городъ и избили византійскій гарнизонъ съ трибуномъ Далматіемъ. Но Болгары на этотъ разъ не долго владѣли Боспоромъ. Императоръ отправилъ противъ нихъ и моремъ, и сухимъ путемъ многочисленныя войска, набранныя „изъ Скивовъ“ (слѣдовательно, главнымъ образомъ, изъ Славянъ). Очевидно, онъ рѣшился употребить большія усилія, чтобы смирить таврическихъ Болгаръ и упрочить свою власть въ такомъ торговомъ и стратегическомъ пунктѣ, каковъ былъ Киммерійскій Боспоръ. Усилія его увѣнчались успѣхомъ. Варвары, устрешенные вѣстью о приближеніи сильнаго войска, покинули городъ, и Византійцы окончательно въ немъ утвердились. По видимому, Боспориты или Пантикапейцы, признавши надъ собою верховную власть императора Юстиніана I, чтобы имѣть зациту отъ варваровъ, до этого времени еще сохраняли тѣнь своего самоуправленія; а теперь они должны были подчиниться византійскимъ начальникамъ. Тогда же, вѣроятно, и были возстановлены Юстиніаномъ обветшавшія стѣны Боспора; императоръ, по словамъ Прокопія, укрѣпилъ его преимущественно передъ другими своими городами въ Тавридѣ ¹⁾.

Упомянутыя событія относятся къ первой, то-есть, блестящей эпохѣ Юстиніанова царствованія, которое отличалось энергическою, многостороннею дѣятельностію государя и громкими подвигами его легионовъ. Не то видимъ во вторую половину этого царствованія (явленіе довольно обычное въ исторіи; для сравненія достаточно напоминить Людовика XIV). Когда Юстиніанъ устарѣлъ, упала его энергія; вмѣстѣ съ тѣмъ возросли, конечно, подозрительность и ревность къ людямъ, выдвигавшимся своими талантами и заслугами; на мѣсто

---

¹⁾ Что дѣйствительно Византійцамъ только въ это время удалось окончательно подчинить себѣ Боспоръ, видно изъ слѣдующаго извѣстія Прокопія въ его «Персидской войнѣ» (L. II. Cap. 3). Въ 540 году Армяне, отпавшіе отъ союза съ Византіею и перешедшіе на сторону Персовъ, жаловаясь Персидскому царю на Юстиніана, между прочимъ говорили, что онъ, «пославши войско на Боспоритовъ, подчиненныхъ Гуннамъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ ихъ городъ, на который не имѣлъ никакого права». Судя по этимъ словамъ и по той легкости, съ какою Болгары захватили городъ и истребили византійскій гарнизонъ, можно предложить вопросъ: не сами ли Боспориты или Пантикапейцы помогали имъ въ этомъ случаѣ? Можетъ быть, у нихъ была антивизантійская партія, недовольная образомъ дѣйствія Византіи. Не надобно также забывать, что въ данную эпоху населеніе этого города было болѣе варварское, нежели эллиническое.

ихъ получили вліяніе люди неспособные въ государственномъ отношеніи, но умѣвшіе тонко льстить. Историкъ Агаѣй говоритъ, что упадокъ дѣятельности особенно былъ замѣтенъ въ военномъ дѣлѣ, которое не замедлило прійти въ разстройство: вмѣсто 645.000, которые должны были находиться подъ знаменами по положенію, армія византійская въ это время едва насчитывала 150.000 человѣкъ для защиты своихъ предѣловъ, и эти войска были разбросаны на весьма отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, именпо: на Дунаѣ, въ Италіи, Испаніи, Нумидіи, Египтѣ, на персидской границѣ и на восточномъ берегу Чернаго моря. Это обстоятельство, конечно, не замедлило отразиться на отношеніяхъ имперіи къ сѣвернымъ варварамъ, и преимущественно, на отношеніяхъ къ обѣимъ вѣтвямъ Болгарскаго народа, то-есть, Кутургурамъ и Утургурамъ. Первые усилили свои набѣги на имперію; тѣтпн были тѣ многочисленныя укрѣпленія, которыми Юстиніанъ покрылъ берега Дуная. Болгаре массами вривались въ Мизію и Тракію и особенно пользовались для своихъ нашествій тѣмъ временемъ, когда Дунай замерзалъ.

Въ эту-то вторую эпоху своего царствованія Юстиніанъ усилилъ обычные пріемы византійской политики по отношенію къ варварамъ; онъ откупался золотомъ отъ враговъ, а также золотомъ пріобрѣталъ себѣ между ними союзниковъ и вооружалъ однихъ варваровъ на другихъ. Самые значительныя вторженія Кутургуровъ, какъ извѣстно, произошли въ 551 и 559 года. Хотя оба раза эти варвары подверглись нападенію своихъ единоплеменниковъ Утургуровъ, однако ихъ междоусобія не могли вознаградить императора за тѣ бѣдствія и опустошенія, отъ которыхъ страдала имперія, и никакія крѣпости, никакіе союзы не могли замѣнить сильныхъ и хорошо устроенныхъ легионовъ, которые должны были бы охранять ея сѣверные предѣлы. Въ союзѣ съ Византіею въ эту эпоху снова усиливается восточно-болгарское племя, то-есть, Утургуры. Таврическіе и Таманскіе Болгаре составляли только часть этого племени; жилища другихъ его вѣтвей, по видимому, простирались тогда на западъ приблизительно до Дуѣира, гдѣ онѣ соприкасались съ землями Кутургуровъ. Между тѣмъ какъ у послѣднихъ изъ числа вождей выдвигался особенно Заберганъ, во главѣ утургурскихъ князей является въ то время Сандилъ (по нашему мнѣнію то же, что Судило или Судиславъ). Прокопій замѣчаетъ, что это былъ мужъ, одаренный замѣчательнымъ разумомъ, большою твердостью духа и весьма опытный въ военномъ дѣлѣ (De B. G. I. IV, с. 18). Подъ его начальствомъ Утургуры взяли верхъ надъ сво-

ими соплеменниками и заняли отчасти ихъ земли; такимъ образомъ нѣкоторыя ихъ вѣтви отодвинулись далѣе на западъ. Вражду между собою, Болгарскія племена въ то же время по нѣкоторымъ признакамъ приходили въ столкновенія и съ другими Славянскими народами, особенно съ многочисленными племенами Антовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Болгаръ. Кромѣ того, они, безъ сомнѣнія, сталкивались и вели частыя войны съ Угорскими ордами, кочевавшими въ степяхъ Приазовскихъ. Растяженіемъ болгарскихъ вѣтвей и ихъ взаимными распрями вскорѣ воспользовались другіе варвары, напавшіе съ востока. Мы говоримъ о Хазарахъ и Аварахъ.

Но что это были за варвары, и къ какой семьѣ народовъ они принадлежали?

II.

Обычными мнѣніи о Хазарахъ.—Пришлый турецкій элементъ и туземный хазаро-черкесскій.—Двойственный составъ Аварскаго народа изъ Угровъ и Черкесъ.—Отношенія къ Антамъ и Болгарамъ.

Если обратимся къ начальнымъ судьбамъ Хазаръ, то относительно ихъ найдемъ въ историческихъ сочиненіяхъ такую же путаницу понятій, какую нашли по отношенію къ Волгарамъ. Мы видѣли, что исторію Болгаръ обыкновенно начинаютъ съ половины VII вѣка, то-есть, со времени Куврата и мнимаго ихъ раздѣленія между его сыновьями, подъ предводительствомъ которыхъ они будто бы разошлись на разныя стороны. При этомъ упускалось изъ виду весьма простое обстоятельство, а именно, что Болгаре за долгое время выступили на историческое поприще, уже давно развѣтвились на разныя части (Кутургурь, Утургурь, Ульгинзуры и пр.) и заняли большое протяженіе земель (См. *Русскій Архивъ* 1874 г. № 7). То же недоразумѣніе по недостатку исторической критики повторилось и относительно Хазаръ. Исторію послѣднихъ обыкновенно начинаютъ со времени императора Ираклія, когда они являются его союзниками въ войнѣ съ Персидскимъ царемъ Хозросомъ, то-есть, съ 626 года, и къ этому именно времени приурочиваютъ извѣстіе византійскихъ писателей Оеофана и Никифора о томъ, что Хазары пришли изъ „внутренней Бериіи“ или „Берзели“. Безъ всякой проверки повторялось свидѣтельство тѣхъ же писателей, что Хазары только во второй половинѣ VII вѣка наложили дань на часть Болгаръ, которая осталась за Азовскимъ моремъ, или на удѣлъ Батбая, старшаго Кувратова сына. А между тѣмъ почти за 60 лѣтъ до упомянутаго союза съ Иракліемъ

болѣе ранніе византійскіе писатели повѣствуютъ о вторженіи въ Европу новыхъ завоевателей, именно Турокъ, пришедшихъ изъ-за Каспійскаго моря и покорившихъ нѣкоторые народы юго-восточной Европы, въ томъ числѣ и Болгаръ Утургуровъ. Замѣчательно, что въ данномъ случаѣ вводили въ заблужденіе тѣ же писатели, которые баснословятъ о Болгарахъ, то-есть, Ософанъ и Никифоръ; у нихъ впервые встрѣчается и самое названіе *Хазаръ*. Впрочемъ вмѣстѣ съ тѣмъ они называютъ ихъ и „восточными Турками“.

Извѣстно, что народность Хазаръ до сихъ поръ составляетъ вопросъ въ европейской исторіографіи. Нѣкоторые писатели считаютъ ихъ народомъ турецкимъ или татарскимъ, большинство относитъ къ финнскому семейству и считаетъ соплеменниками Угровъ; третьи называютъ ихъ предками Черкесовъ (Сумъ, датскій ученый прошлаго столѣтія); четвертые, наконецъ, считали ихъ Славянами (Венслингъ). Сличивъ по возможности разныя извѣстія объ этомъ народѣ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ.

Около половины VI вѣка произошло второе великое движеніе Урало-Алтайскихъ народовъ на восточную Европу. (Первое было произведено въ IV вѣкѣ Гуннами, народомъ угорскаго поколѣнія). Начало этого втораго движенія восходитъ впрочемъ къ половинѣ V вѣка; судя по извѣстію Приска, византійскаго писателя того же вѣка, какой-то закаспійскій народъ потѣснилъ Аваръ и другія приволжскія и прикавказскія племена. (*Excerpta de Legationibus*). Затѣмъ въ теченіе почти ста лѣтъ византійскіе историки молчатъ объ этомъ народѣ, пока въ VI вѣкѣ онъ не выступилъ, подъ именемъ Турокъ, въ качествѣ поваго завоевателя юго-восточной Европы. Около этого времени въ средѣ кочевниковъ алтайскихъ и сѣвернаго Туркестана, по всей вѣроятности, произошли тѣ же перевороты, которые въ XII вѣкѣ совершились въ средѣ родственныхъ имъ и еще далѣе къ востоку обитавшихъ татаро-монгольскихъ ордъ, то-есть, возвышеніе какого-либо ханскаго рода и объединеніе подъ его верховенствомъ значительной части турецкихъ племенъ. А слѣдствіемъ этихъ переворотовъ были такіе же движенія на югъ и на западъ. Въ южныхъ областяхъ Аму и Сыръ-Дарьи нѣкогда процвѣтала греко-бактрійская цивилизація, и существовали еще богатые промышленные города. На югъ распространеніе турецкаго владычества, по видимому, не пошло далѣе Туркестана, потому что встрѣтило отпоръ со стороны сильнаго въ то время Персидскаго государства. Но на западъ отъ Каспійскаго моря Турки не нашли ни одного организованнаго противника, а

только разноплеменные народы, раздѣленные на мелкие владѣнія и враждебные другъ другу; а потому ихъ завоеванія вскорѣ распространились отъ Каспійскаго моря до Кавказа и береговъ Азовско-Черноморскихъ. Завоеванія эти перешли за Кавказъ и проникли до Арменіи; но и въ той сторонѣ они столкнулись съ тѣми же Персами. Хотя Турки дѣлились на разные орды, подъ управленіемъ особыхъ хановъ, однако первое время всѣ онѣ подчинялись великому хану, жившему въ Туркестанѣ. Это единство продолжалось не долго. Тутъ мы встрѣчаемъ то же самое явленіе, которое видимъ впоследствии въ исторіи татаро-монгольскаго ига. Турки, поселившіеся между Каспійскимъ и Азовскимъ морями, въ VII вѣкѣ составили особый хаганатъ, средоточіемъ котораго сдѣлался потомъ городъ Итиль, лежавшій на нижнемъ теченіи рѣки Итиля, то-есть, Волги. Этотъ хаганатъ съ городомъ Итилемъ былъ прямымъ предшественникомъ Золотой орды съ ея столицею Сараемъ. Съ VII же вѣка онъ сдѣлался извѣстенъ преимущественно подъ именемъ царства Хазарскаго. Турки хазарскіе, подчинивъ себѣ многіе города и осѣдлыя населенія, и сами сдѣлались народомъ полуосѣдымъ. А тѣ орды, которыя въ своемъ движеніи съ востока остановились въ степяхъ Яицкихъ и Волжскихъ, продолжали вести свой прежній кочевой образъ жизни; онѣ встрѣчаются потомъ въ исторіи подъ разными именами, преимущественно Печенѣговъ и Узовъ или Кумановъ (Половцевъ). Печенѣги сдѣлались извѣстны своими набѣгами на Хазарское царство, основанное ихъ соплеменниками.

Итакъ, Хазарское царство основано собственно турецкимъ племенемъ; въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Но почему же оно стало называться Хазарскимъ? Было ли принесено это имя изъ Средней Азіи турецкими завоевателями, или оно было туземное?

Оно принадлежало не пришлымъ Туркамъ, а туземному прикавказскому народу.

Не восходя ко временамъ болѣе отдаленнымъ, въ которыхъ можно найти это имя, укажемъ на двухъ писателей V вѣка: армянскаго историка Моисея Хоренскаго и греческаго ритора Приска. Моисей Хоренскій упоминаетъ о нашествіи на армянскія владѣнія Хазаровъ, народа, обитавшаго на сѣверной сторонѣ Кавказскихъ горъ, и это нашествіе относитъ въ концу II или началу III вѣка по Р. Х. (см. въ переводѣ Эллиса, стр. 134). Государя Хазаровъ Моисей Хоренскій называетъ *хаканомъ*, словомъ, которое вообще означаетъ у него вла-

дыку (ibid. 309) ¹⁾. Греческій современникъ армянскаго историка Приска говоритъ о скискомъ народѣ Акацирахъ или Кацирахъ, обитавшемъ за Азовскимъ моремъ около Кавказскихъ горъ. По его словамъ, этотъ народъ управлялся многими князьями; старшій изъ нихъ, по имени Куридахъ, находясь въ распрѣ съ другими, призналъ Аттилу судьей этихъ распрѣй и помогъ Гуннамъ подчинить себѣ народъ Акацирскій. Хотя зависимость эта окончилась при сыновьяхъ Аттилы, но подобно сосѣднимъ Болгарамъ, Акациры съ того времени причислялись византійскими писателями къ народамъ гуннскимъ. Вѣроятно, это былъ тотъ же храбрый и сильный народъ, который у Прокопія, то-есть, въ VI вѣкѣ, является подъ именемъ Ефталитовъ или *Бѣлыхъ Гунновъ*. Они играли важную роль въ войнахъ Византійцевъ съ Персами, большею частію какъ союзники первыхъ. Бѣлыми эти Гунны, по объясненію Прокопія, назывались потому, что отличались отъ другихъ Гунновъ бѣлымъ цвѣтомъ кожи и красивою наружностію. Слѣдовательно—ясно, что это не были настоящіе Гунны или Угры, а принадлежали къ туземнымъ народамъ, то-есть, къ семьѣ индоевропейской, или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, къ группѣ Мидо-Сарматской, къ которой должно причислить почти всѣ народы кавказскіе до появленія между ними гуннскихъ и турецкихъ завоевателей. Рядомъ съ именемъ Ефталитовъ или Бѣлыхъ Гунновъ у писателей VI вѣка встрѣчается и ихъ собственное, народное имя, какъ то показываетъ Иорнандъ. Въ своемъ описаніи Скиои онъ упоминаетъ храброе племя Акацировъ, которыхъ помѣщаетъ сосѣдями Болгаръ, хотя, очевидно, не имѣетъ точнаго представленія объ ихъ географическомъ положеніи. Итакъ, Кациры или Казиры было одно изъ черкесскихъ племенъ. Какъ въ V столѣтіи они, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, подпали подъ иго Аттилы, такъ въ VI вѣкѣ, по той же самой причинѣ, они сдѣлались добычею турецкихъ завоевателей. По словамъ Менандра, какой-то знатный Ефталитъ, по имени Катуйлъфъ (имя, очевидно, не гуннское), мстя своему государю за безчестіе жены, предалъ своихъ соплеменниковъ Туркамъ. Это произошло въ 560-хъ годахъ.

Вслѣдъ затѣмъ Турки покорили и другіе прикавказскіе народы;

---

¹⁾ Г. Эминъ притомъ совершенно справедливо выражаетъ сомнѣніе въ турецкомъ происхожденіи этого слова. Очевидно, титулъ «хаканъ» или «хаганъ» существовалъ у народовъ прикавказскихъ прежде пришествія туда турецкихъ завоевателей.

между прочими принуждены были платить имъ дань и азовско-черноморскіе Болгаре или Утургуры, ослабленные внутренними раздорами и удаленіемъ на западъ значительной части своего племени. У византийскихъ писателей VIII и IX вѣка завоеватели этихъ народовъ являются иногда подъ своимъ названіемъ Турокъ; но преимущественно они именуются Хазарами, то-есть, на нихъ перешло имя покореннаго ими черкесскаго народа Хазаровъ. Слѣдовательно, то, что мы привыкли разумѣть подъ словомъ Хазиры или „Хазары“, въ періодъ приблизительно отъ VII до XI вѣка, не представляло собственно одного опредѣленнаго племени. Это было государство, составленное изъ разныхъ народностей. Тутъ находились, во первыхъ, истинные Турки, пришедшіе изъ-за Каспійскаго моря, потомъ племена мидосарматскія или черкесскія, нѣкоторая часть восточно-славянскихъ народовъ и нѣкоторыя орды гуннскія или угорскія, кочевавшія въ степяхъ Нижней Волги и Дона. Кромѣ того, въ городахъ этого царства разсѣяно было значительное количество еврейскаго населенія. Довольно продолжительное существованіе Турецко-Хазарскаго государства способствовало, конечно, нѣкоторому смѣшенію этихъ народовъ и ихъ языковъ; по всей вѣроятности, здѣсь зарождались новые, переходныя типы. Но прочной и однородной національности здѣсь не выработалось; это отчасти и объясняетъ намъ, почему впоследствии Хазарское государство сошло со сцены, не оставивъ никакого опредѣленнаго этнографическаго типа въ исторіи. Существованіе различныхъ племенъ, не слившихся въ одинъ народъ, объясняетъ намъ и то замѣчательное разнообразіе религій, которое мы встрѣчаемъ здѣсь въ эпоху процвѣтанія Хазарскаго государства. По нѣкоторому родству языковъ, по образу жизни и близкому сосѣдству турецкіе завоеватели, поселившіеся, главнымъ образомъ, около Нижней Волги, по всей вѣроятности, наиболѣе тяготѣли къ народамъ Угорскаго или собственно Гуннскаго племени. Но они неизбежно подверглись влиянію болѣе одаренныхъ и болѣе развитыхъ народностей славянскихъ и особенно кавказскихъ. Послѣдній элементъ, очевидно, взялъ верхъ надъ всѣми другими съ тѣхъ поръ, какъ пришлые Турки отдѣлились отъ своихъ среднеазиатскихъ соплеменниковъ и составили особое государство. Посредствомъ своихъ женщинъ хазарскій или черкесскій элементъ повліялъ смягчающимъ образомъ, конечно, и на самый вѣншній типъ турецкихъ завоевателей.

Одновременно съ Турко-Хазарскимъ государствомъ, выступаетъ на историческое поприще другой народъ завоевателей, Авары. Хотя

народность" и исторія Хазаръ до сихъ поръ остаются не выясненными, и извѣстія о нихъ очень мало разработанными критически, однако на ихъ счетъ европейская исторіографія имѣетъ уже довольно богатую литературу. Назовемъ труды Стриттера, Сума, Лерберга, Френа, Доссона, Языкова, Григорьева, Дорна, Вивьспъ-де-сень-Мартена, Бруна, Хвольсона и др. Но что, кромѣ извлеченій Стриттера изъ византійскихъ историковъ, имѣемъ мы для исторіи и этнографіи Аваръ? Венелинъ въ своей не оконченной (исходившей отъ предвзятой идеи) монографіи объ Обрахъ справедливо замѣтилъ: „Если перелистуемъ каталогъ всѣмъ историческимъ изслѣдованіямъ, то найдемъ, что *Обры* или Авары почти совершенно забыты, вмѣстѣ съ ихъ имперіей, не смотря на то, что почти всякій изыскатель, или компиляторъ историческихъ сочиненій, больше или меньше спотыкается объ Аварскую имперію или объ Обрскій народъ“ (*Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей русскіихъ* 1847 г. № 3). А между тѣмъ этотъ народъ свирѣпствовалъ въ средней и восточной Европѣ въ продолженіе 250 лѣтъ!

Не вдаваясь въ особое изслѣдованіе объ Авахъ, мы предложимъ относительно ихъ нѣсколько своихъ замѣчаній и соображеній, предоставляя будущему окончательное рѣшеніе этого темнаго вопроса.

Объ Авахъ существуютъ такіа же разнообразныя мнѣнія, какъ о Хазарахъ. Господствующимъ изъ этихъ мнѣній можно назвать то, которое отождествляетъ ихъ съ Гуннами, слѣдовательно, относитъ къ племенамъ угро-финскимъ. Мнѣніе это основано на томъ, что часть византійскихъ писателей иногда какъ-бы смѣшиваетъ Аваръ съ Гуннами; особенно же подобное смѣшеніе замѣтно у важнѣйшихъ латинскихъ или западно-европейскихъ лѣтописцевъ VI — VIII вѣковъ, каковы Иорнандъ, Григорій Турскій, Фредегарій и Павелъ Діаконъ. Но такъ какъ средневѣковые историки этого періода вообще очень щедрны на имя Гунновъ и сообщаютъ его иногда самымъ разнообразнымъ народамъ, то подобное доказательство требуетъ еще подтвержденія.

Первый изъ Византійцевъ, упоминающій объ Авахъ, былъ Прискъ, писатель V столѣтія. По поводу упомянутого нами выше движенія каспійскихъ народовъ (Турокъ) онъ говоритъ, что потѣпленные ими Авары обрушились на Савировъ, а послѣдніе — на другіе гуннскіе народы. Затѣмъ византійскіе извѣстія молчатъ объ Авахъ до второй половины VI вѣка, то-есть, до завоеванія Турками странъ, лежащихъ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями. Тогда Авары, не

желая сносить турецкое иго, вступили въ переговоры съ императоромъ Юстиніаномъ I и просили у него земель для поселенія, обѣщая охранять его имперію отъ вѣнскихъ враговъ. Императоръ, по видимому, былъ доволенъ ихъ предложеніемъ, надѣясь посредствомъ этихъ новыхъ варваровъ сдерживать Болгаръ, угнетавшихъ сѣверныя провинціи имперіи. Какъ бы то ни было, значительная часть Аварскаго народа изъ-за Дона и Азовскаго моря перешла на сѣверную сторону Дуная въ Паннонію. Но тутъ скоро оказалось, что Византійская имперія приобрѣла себѣ сосѣда еще болѣе спирѣнаго и опаснаго, чѣмъ Болгаре. О переговорахъ съ византійскимъ правительствомъ и переходѣ Аваръ въ Паннонію повѣствуетъ въ особенности Менаандръ, писатель конца VI и начала VII вѣка. Изъ того же писателя мы видимъ, что Турки смотрѣли на Аваръ, ушедшихъ на Дунай, какъ на своихъ бѣглыхъ рабовъ и требовали отъ преемника Юстиніанова, Юстинна II, чтобъ онъ не давалъ убѣжища въ своихъ земляхъ ихъ испокорнымъ подданнымъ. Но обстоятельства въ то время не мало покровительствовали этимъ новымъ завоевателямъ средней Европы, а именно: съ одной стороны—слабость имперіи и ея отношенія къ Болгарамъ, а съ другой—взаимныя отношенія германскихъ народовъ, побудившія Лангобардовъ искать союза Аваръ противъ Гепидовъ.

Затѣмъ, обращу вниманіе изслѣдователей на извѣстіе младшаго современника Менаандрова, Теофилакта Симокаты. По его словамъ, новые завоеватели, поселившіеся на Дунаѣ въ Панноніи, были не настоящіе Авары. Онъ говоритъ, что эти *Псевдоавары* принадлежали собственно къ племени Огоръ, которое обитало около рѣки Тиль (Атсъ или Волга), и что часть этого племени по именамъ двухъ своихъ древнихъ князей называлась *Варъ* и *Хунни*. Когда, убѣгая отъ Турокъ, они приблизились къ Сабирамъ, послѣдніе приняли ихъ за Аваръ и почтили дарами. Тогда Варъ и Хунни, замѣтивъ эту счастливую для себя ошибку, начали уже сами выдавать себя за Аваръ. „Пбо“, прибавляетъ Теофилактъ,—„изъ всѣхъ скинскихъ народовъ Авары отличаются наибольшою даровитостію“ (*Theophilacti Historiarum lib. VII*). Въ этомъ извѣстіи скрывается, конечно, какое-либо недоразумѣніе, но должна быть и нѣкоторая доля правды. Несомнѣнно то, что во времена Теофилакта паннонскіе Авары назывались отчасти *Варъ*, отчасти *Хунни* (или сложнымъ, искусственнымъ словомъ *Вархонити*, какъ иногда находимъ у Менаандра). Но что такое имя „Варъ“ какъ не то же „Аваръ“ (какъ Тиль вмѣсто Атсъ)? Слѣдовательно, этотъ народъ состоялъ собственно изъ Аваръ и Гун-

новъ. Оеофилактъ называетъ ихъ Псевдоаварами, и говоритъ, что они принадлежали къ племени Огоръ; въ послѣднемъ мы можемъ узнать Угровъ. Позволимъ себѣ предложить догадку, что къ Уграмъ принадлежала именно та часть народа, которая называлась „Хунни“, и этихъ Гунновъ дѣйствительно можно было назвать Псевдоаварами, но что другая часть, то-есть, „Варъ“, была настоящими Аварами. Однимъ словомъ, мы усматриваемъ два различные элемента въ томъ народѣ, который подъ именемъ Аваръ долгое время господствовалъ на Дунаѣ.

На эту догадку, главнымъ образомъ, навелъ насъ разказъ Константина Багрянороднаго о хазарскомъ племени Кабарахъ или Каварахъ. Въ своемъ сочиненіи „объ управленіи имперіей“ (гл. 39 и 40) Константинъ разказываетъ, что Кабары составляли нѣкогда одно изъ племенъ казарскихъ, потомъ возмущились и произвели междоусобную войну, но были побѣждены. Тогда часть Кабаръ ушла къ Уграмъ, соединилась съ ними и поселилась сначала въ той странѣ, которую (во время Константина) занимали Печенѣги. Эта часть Кабаръ, соединясь съ семью угорскими колѣнами, составила восьмое колѣно, которое въ войнахъ первенствовало надъ другими своею храбростію. Оно доселѣ (то-есть до времени Константина) сохранило между паннонскими Уграмъ свое особое нарѣчіе.

Константинъ не говоритъ, когда именно происходило приведенное сейчасъ событіе, то-есть, переселеніе Кабаръ съ Кавказа въ южно-русскія степи. Исторіографія обыкновенно приурочивала его къ IX вѣку, такъ же какъ и начало угорской династіи Арпада, о которомъ тутъ же баснословитъ Константинъ. Вообще, этотъ писатель представляетъ драгоценный источникъ во многихъ отношеніяхъ, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ эпохѣ ему современной. Но сего извѣстія о временахъ прошедшихъ иногда сбивчивы и легендарны. Мы не всего онъ заботился о хронологіи. Между прочимъ у него говорится, что Угры находились въ вассальной зависимости отъ Хазаръ *три года*, пока хазарскій каганъ рѣшилъ поставить имъ собственнаго царя. Тутъ очевидная ошибка. Если считать со времени основанія Турками Хазарскаго государства до появленія Арпада, то выйдетъ не три, а триста лѣтъ. Далѣе, въ тѣхъ же извѣстіяхъ заключается и слѣдующее противорѣчіе. Если Угры были зависимы отъ хазарскаго хагана, то какъ могли уйти къ нимъ Кабары, убѣжавшіе отъ той же зависимости? Соображая всѣ обстоятельства, мы выводимъ такое заключеніе: Константинъ, повѣствующій о возмущеніи

Кабарь, переселеніи ихъ изъ Прикавказья на западъ и соединеніи съ Уграми, въ сущности воспоминаетъ о тѣхъ же событіяхъ, о которыхъ говорятъ Менаандръ и Ософилактъ по отношенію къ Аварамъ, то-есть, что часть ихъ ушла изъ Хазаріи, спасаясь отъ иѣа пришедшихъ Турокъ. Эти писатели взаимно одинъ другаго пополняютъ и поясняютъ. Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что Авары и Кавары или Кабары суть одинъ и тотъ же народъ, принадлежавшій къ хазарскому или черкесскому семейству. (Имена ихъ и доселѣ живутъ на Кавказѣ, гдѣ встрѣчаемъ и Аваръ и Кабаръ или Кабардинцевъ). Въ степяхъ азовско-днѣпровскихъ Авары соединились съ нѣкоторыми угорскими ордами, которыхъ соплеменники, оставшіеся между Волгой и Дономъ, также какъ и кавказскіе Хазары, подпали зависимости Турокъ. Теперь намъ попятно, почему Аваръ, завоевавшихъ Паннонію, Ософилактъ называетъ Псевдоаварами, иначе племенами Варъ и Хунни. Онъ только ошибся по отношенію къ племени Варъ, которое было то же, что Аваръ; но Хунни были дѣйствительно не аварское, а угорское племя. Константинъ, который ясно свидѣтельствуетъ о присутствіи черкесскаго элемента посреди паннонскихъ Угровъ, сохранявшаго свои отличія еще въ его время, говоритъ, что эти Угры (которыхъ онъ именуетъ Турками) нѣкогда назывались *Савартіасфали* (*Σαβάρτοιχαφάλοι*), чѣмъ еще болѣе подтверждаетъ нашу догадку о присутствіи хазарскаго элемента у паннонскихъ Аваръ. Приведенное названіе справедливо считаютъ искаженіемъ сложнаго слова, составленнаго изъ двухъ именъ: Савиры и Эфталиты. Последнее имя, по всей вѣроятности, какъ мы уже говорили, обозначало у нѣкоторыхъ писателей Хазаръ; а Савиры или Савары у Византійцевъ ипогда называются и Авары. (У Иорнанда вмѣсто Авиры въ нѣкоторыхъ спискахъ также стоятъ Савиры). Слѣдовательно, Угры, завоевавшіе Паннонію во второй половинѣ IX вѣка, повторили то же самое, что сдѣлали ихъ предшественники Авары съ помощью ихъ соплеменниковъ во второй половинѣ VI вѣка. Конечно, далеко не всѣ Аваро-Угры были истреблены Франками и Болгарами, разрушившими ихъ государство въ началѣ VIII вѣка. Остатки ихъ, безъ сомнѣнія, облегчили потомъ новое завоеваніе Панноніи Уграми (какъ остатки Гунновъ Аттилы, по всей вѣроятности, облегчили завоеваніе ея Аварами). Притомъ, движеніе изъ-за Азовскаго моря и Дона Угровъ и хазарскихъ Аваръ не ограничилось VI вѣкомъ; по нѣкоторымъ признакамъ оно продолжалось и послѣ того ¹⁾.

¹⁾ Ософилактъ Симоката сообщаетъ, что во времена императора Маврикія

Не даромъ черкесское или хазарское племя отличалось своею наружностію, характеромъ и языкомъ посреди Угровъ еще въ X вѣкѣ, то-есть, въ эпоху Константина. (Не даромъ и лучшее, самое почитаемое, войско у нихъ стало называться *хусары*, то-есть, хасары или хазары). По этому поводу обратимъ вниманіе на извѣстіе русской лѣтописи, которая дѣлитъ Угровъ на *Бѣлыхъ* и *Черныхъ*. Подъ Бѣлыми Уграми обыкновенная историографія разумѣла только Хазаръ; но по смыслу лѣтописи это названіе съ такою же вѣроятностію можно отнести и къ Аварамъ¹⁾. Теперь, когда мы предполагаемъ, что настоящіе Хазары и Авары принадлежали къ одному и тому же черкесскому племени, и что это племя въ соединеніи съ истыми Уграми дѣйствовало и въ южной Россіи, и на Дунаѣ, теперь намъ понятно, откуда произошло названіе Бѣлыхъ Угровъ, и въ какомъ отношеніи они находились къ Чернымъ, то-есть, настоящимъ Уграмъ.

Итакъ, Аварскій народъ, пришедшій на Дунай во второй половинѣ VI вѣка, состоялъ, по нашему мнѣнію, изъ двухъ элементовъ: хазарскаго или черкесскаго и угорскаго или собственно гуннскаго. Во главѣ этого союза, очевидно, находился черкесскій элементъ, болѣе даровитый и храбрый, хотя, можетъ быть, и менѣе многочисленный. По извѣстію Менаандра, часть Аваръ, ушедшая на западъ отъ турецкаго ига, будто бы заключала въ себѣ до 200.000 человекъ; число это, по всей вѣроятности, преувеличено. Замѣчательно, что та же двойственность типа, какую мы находимъ въ государствѣ, основанномъ

турецкій каганъ окончательно покорилъ племя Огоръ (или Угровъ), при чемъ число избитыхъ Угровъ простиралось будто бы до 300.000, такъ что трупы ихъ были разсыяны на разстояніи четырехъ дней пути. Послѣ того часть Угровъ удалилась къ дунайскимъ Аварамъ и присоединилась къ нимъ въ числѣ 10.000 человекъ.

¹⁾ «Посекъ придоша Угри Бѣли, наслѣдиша землю Словѣнску (то-есть, Дунайскихъ Славянъ); сѣбо Угри начаша быти при Иракліи цари, иже находити на Хоздроя царя Персидска». (Въ войнѣ Ираклія съ Хозроемъ равно участвовали и Авары, и Хазары). Бѣлые Угры или Хазаро-Аварскій народъ у Русскихъ позднѣе встрѣчается подъ общимъ именемъ кавказскихъ горцевъ или *Черкесовъ*; это послѣднее имя восходитъ ко временамъ глубокой древности (кавказскіе Черкеты или Черкеты у Страбона). Извѣстіе Константина Багрянороднаго о переселеніи Кабаръ въ западное Черноморье объясняетъ намъ, откуда вышло въ послѣдствіи именованіе южно-русскихъ казаковъ *Черкесами*. (См. по этому поводу любопытныя соображенія профессора Бруна въ *Записк. Од. Общ. Ист. и Др.*, т. V). И самое названіе казаки, вопреки всѣмъ попыткамъ объяснить его изъ татарскихъ языковъ, есть, конечно, то же, что Хазары съ его вариантами: Касахи у Константина Багрянороднаго и Касоги въ нашей лѣтописи.

Авары на Дунаѣ, встрѣчается и въ государствѣ собственно Хазарскомъ, то-есть, около Кавказа. Пришлие Турки, заимствовавъ ими отъ туземцевъ Хазаръ, въ послѣдствіи хотя и смѣшались съ ними отчасти, но очевидно, не успѣли совершенно слиться съ ними въ одинъ народъ и выработать новый этнографическій типъ. Объ этой двойственности ихъ типа свидѣлствуютъ арабскія извѣстія X вѣка. Такъ, у Истахри говорится, что одни Хазары назывались Кара-Джуръ и были цвѣта столь же смуглаго, что казались черными, другіе же были блѣлы, прекрасны и стройны (См. *Мордтмана* Das Buch der Länder von Istachri. 105). Ибнъ-Даста замѣчаетъ, что воины хазарскаго вице-царя (иша) „красивы собою“, и что они „одѣты въ прочныя брони“ (*Хвольсона* Извѣстія о Хазарахъ и пр. 18). О чистомъ турецко-татарскомъ племени никакъ нельзя было сказать, что оно красиво, блѣло и стройно; это извѣстіе относилось, конечно, къ туземнымъ Хазарамъ, то-есть, къ Черкесамъ, между тѣмъ какъ весьма смуглая, некрасивая часть Хазаръ принадлежала къ настоящему Татарскому племени. О присутствіи этого некрасиваго татарскаго элемента между Хазарами свидѣлствуетъ и слѣдующее извѣстіе Симеона Логоѣта: Однажды государственный секретарь сообщилъ императору Михаилу III, что патріархъ Фотій проповѣдуетъ о двухъ душахъ въ человѣкѣ, и что служители поэтому требуютъ двойнаго содержанія. Императоръ, разсмѣявшись, сказалъ: „Такъ вотъ чему учить эта хазарская рожа!“

Наконецъ, принадлежность Аваръ къ Хазарскому или Черкесскому племени подтверждается и общимъ у нихъ титуломъ кагана или хакана, — титуломъ, который, какъ мы замѣчали, не встрѣчается ни на сѣверѣ у Финновъ, ни на востокѣ у Татаръ, а первоначально упоминается у народовъ прикавказскихъ.

При своемъ движеніи изъ-за Азовскаго моря на западъ, Авары и Угры должны были неизбежно столкнуться съ южно-русскими Славянами, извѣстными въ тѣ времена подъ общимъ именемъ Антовъ. Хотя послѣдніе были многочисленны и храбры, но они въ тѣ времена еще не успѣли объединиться усиліями Днѣпровской Руси и управлялись своими мелкими князьями или своими шумными вѣтами. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, осѣдлое населеніе, разсѣянное на большомъ пространствѣ и не имѣющее для своей защиты многихъ крѣпкихъ городовъ, съ трудомъ можетъ устоять противъ пришлыхъ ордъ, дѣйствующихъ подвижными и плотными массами; однако Славяне по всѣмъ признакамъ оказали мужественное сопротивленіе. Теофилактъ не даромъ называлъ Аваръ самымъ изворотливымъ

изъ скифскихъ народовъ. Дѣйствительно, въ своей дальнѣйшей исторіи, особенно въ своихъ отношеніяхъ къ Византіи, они являются довольно ловкими политиками и даже своего рода дипломатами,—чѣмъ помимо храбрости и объясняются ихъ первые успѣхи и завоеванія. Источники только мимоходомъ упоминаютъ о ихъ столкновеніяхъ съ Антами. А именно, Менаандръ разсказываетъ, что когда Авары начали своими набѣгами опустошать земли Антовъ, послѣдніе отправили къ нимъ одного изъ своихъ старшинъ Мезаміра для выкупа плѣнныхъ. Мезаміръ, человекъ тщеславный и рѣчистый, началъ вести переговоры высокомернымъ тономъ. Тогда нѣкто Котрагегъ, находившійся въ союзѣ и дружбѣ съ Аварами, далъ аварскому кагану такой совѣтъ: „Этотъ человекъ пользуется у своего племени большимъ значеніемъ и можетъ вывести въ поле столько людей, сколько захочетъ; надобно его убить, и тогда смѣло нападай на ихъ земли“. Авары послушались этого совѣта, и презрѣвъ обычай, охраняющіе особу посла, убили Мезаміра. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ они еще свободнѣе опустошали земли своихъ сосѣдей, брали большую добычу и уводили толпы плѣнныхъ. Это извѣстіе Менаандра бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія Аваръ къ южно-русскимъ Славянамъ въ VI вѣкѣ. Упомянутый Котрагегъ есть, конечно, то же, что Котрагъ; а это слово, какъ извѣстно, было одно изъ видовыхъ названій болгарскаго племени: Котраги или Котригуры въ то время обитали въ Черноморьѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ. Подъ именемъ Котрага тутъ разумѣется, конечно, одинъ изъ князей или знатныхъ людей этого племени. Упомянутый совѣтъ намекаетъ на обычное явленіе, то-есть, на раздоры и усобицы славянскихъ народовъ. Между Болгарами и Антами шла, очевидно, мелкая вражда изъ-за земель или изъ-за добычи и плѣнныхъ (то-есть, рабовъ). Авары, конечно, ловко пользовались этою враждою для своихъ цѣлей.

Относительно Антовъ изъ византійскихъ источниковъ не видно, чтобы они находились собственно подъ аварскимъ игомъ; вѣроятно, имъ удалось отстоять или вскорѣ возвратитъ свою независимость¹⁾. Но западную нѣтвь Болгаръ, то-есть, Кутургуровъ, мы

¹⁾ Къ этому-то столкновенію Антовъ съ Аварами, можетъ быть, относится то смутное преданіе, которое наша лѣтопись разсказываетъ по поводу хазарскаго нашествія на днѣпровскихъ Славянъ: такъ какъ владѣнія Турокъ, основанныхъ собственно Хазарское государство, никогда не простирались до Днѣпра, и они никогда не господствовали въ Кіевѣ. По крайней мѣрѣ, на это нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

видимъ потомъ въ теченіе 70 или 80 лѣтъ (то-есть, до временъ Куврата) подъ игомъ Аваръ, которымъ они платятъ дань и даютъ вспомогательныя войска. Авары пользуются преимущественно болгарскими силами въ своихъ войнахъ съ Византіей и дунайскими Славянами. Напримѣръ, уже въ 574 году аварскій каганъ Баянъ посылаетъ 10.000 Котригуровъ раззорять Далмацію (Менандръ). Около того же времени онъ отправляетъ въ Византію посольство, которое между прочимъ требуетъ отъ императора Юстина II, чтобы та дань, которую сго предшественникъ, Юстиніанъ I, платилъ Котригурамъ и Утригурамъ, была теперь вносима Аварамъ, такъ какъ они покорили оба эти народа. На такое требованіе императоръ отвѣчалъ отказомъ. Здѣсь, какъ мы видимъ, въ числѣ покоренныхъ упоминаются обѣ вѣтви Болгаръ—и западная, и восточная. Но Утургуры тутъ должны быть понимаемы только отчасти; ибо большую ихъ часть, обитавшую къ югу и востоку отъ Азовскаго моря, въ то же время мы встрѣчаемъ подъ игомъ Турко-Хазаръ.

III.

Союзъ Турко-Византійскій. Посолъ Земархъ у Дивавула. Валентинъ и Турксантъ. Покореніе азовскихъ Болгаръ и Тавриды.

Въ царствованіи Юстина II, именно въ 568 году, въ Константинополѣ прибыло посольство изъ-за Каспійскаго моря отъ Турокъ, и вотъ по какому поводу (Менандръ in Excerptis de Legationibus): Турки покорили Согдаптовъ, обитавшихъ въ странѣ, занятой теперь ханствомъ Бухарскимъ (древняя Согдіана). Согдапты были народъ промышленный и торговый, который между прочимъ велъ торговлю шелкомъ. По ихъ просьбѣ турецкій ханъ Дивавулъ отправилъ посольство къ знаменитому персидскому царю Хозрою съ предложеніемъ своего союза и съ просьбою дозволить Согдаптамъ свободно торговать шелкомъ въ предѣлахъ персидскихъ. Но по совѣту Катульфа (того самаго, который предалъ Туркамъ своихъ соплеменниковъ Ефталитовъ, а потомъ бѣжалъ къ Персамъ), Хозрой отвергъ эту просьбу и не пожелалъ быть въ союзѣ съ Турками. Тогда князь согдаптскій Маньякъ предложилъ Дивавулу отправить посольство къ императору Византійскому, говоря, что союзъ съ нимъ будетъ выгоднѣе для Турокъ, а шелкъ у Грековъ въ большемъ употребленіи, чѣмъ у другихъ народовъ. Маньякъ вызвался самъ руководить этимъ посольствомъ. Дивавулъ послушалъ и отправилъ его, снабдивъ дружескимъ письмомъ, а также богатыми подарками изъ шелковыхъ тканей. Посольство

ство это, должно было проходить многія страны, болотистыя пространства, лѣсистыя земли и высокія Кавказскія горы, покрытыя туманами и снѣгами. Наконецъ, послѣ долгаго странствія они достигли Константинополя. Подарки и письмо были ласково приняты Юстиномъ. Императоръ много спрашивалъ о турецкомъ государствѣ. Послы отвѣчали, что оно дѣлится на четыре владѣнія или ханства, но что верховная власть надъ всѣми принадлежитъ Дизавулу; разказывали о покореніи имъ сильнаго народа Ефталитовъ и о завоеваніи ихъ городовъ. Затѣмъ перевели рѣчь на Аваръ, вопросъ о которыхъ составлялъ одну изъ задачъ посольства. Турки считали Аваръ своими бѣглецами и просили императора не принимать ихъ въ союзъ и не давать имъ земель; при этомъ они сообщили, будто число бѣжавшихъ отъ нихъ Аваръ простиралось до 200.000. Маньяку дѣйствительно удалось заключить союзный договоръ съ византійскимъ правительствомъ. Союзъ этотъ имѣлъ будущность, потому что у Турокъ и Византійцевъ оказался одинъ общій непріятель, могущественный царь Персидскій.

Вслѣдъ за первымъ турецкимъ посольствомъ въ Византію послѣдовало и первое византійское посольство къ Туркамъ. Чтобы скрѣпить новый союзъ, императоръ, при возвращеніи турецкихъ пословъ въ Азію, отправилъ съ ними Киликійца Земарха, который тогда начальствовалъ въ восточныхъ городахъ. Послѣдуемъ за Менандромъ въ его любопытномъ описаніи этого посольства.

Земархъ и Маньякъ покинули Византію въ августѣ слѣдующаго 569 года. Много дней провели они въ дорогѣ; наконецъ прибыли въ страну Согдиановъ. Здѣсь встрѣтили ихъ заклинатели, которые почитались охранителями отъ всякихъ золъ и бѣдствій. Приблизясь къ Земарху и его спутникамъ, они начали шептать какія-то слова, ударяя въ бубны и потрясая колокольчиками, а также производя окуриваніе ладаномъ. Они съ неистовымъ шумомъ дѣлали движенія, которыми какъ бы прогоняли все, что иноземцы могли припести съ собою зловреднаго. Затѣмъ самаго Земарха обвели вокругъ священнаго пламени, который имѣлъ очистительное значеніе. По совершеніи этихъ обрядовъ, посольство въ сопровожденіи особо назначенныхъ для того людей продолжало путь къ той мѣстности, которая называлась *Эктанъ*, что означало: „Золотая гора“¹⁾. Она служила тогда мѣстопре-

¹⁾ Другой византійскій писатель, Θεοφύλακτος Σιμοκάτα, поясняетъ, что мѣсто это получило у туземцевъ такое названіе вслѣдствіе своего плодородія и обиль-

бываніемъ главнаго турецкаго кагана, и здѣсь въ одной долині разположено было его жилище. Послы были введены въ ханскій шатеръ и предстали предъ лицо Дизавула. Палатка его была обита яркострыми коврами, а каганъ сидѣлъ на блиставшей золотомъ колесницѣ, которая служила ему трономъ. Совершивъ обычные поклоны и представивъ императорскіе дары, Земархъ отъ имени своего государя произнесъ высокопарное привѣтствіе, а также пожеланія постоянной побѣды надъ врагами и неизмѣнной дружбы между Римлянами и Турками. Дизавулъ отвѣчалъ такими же пожеланіями всякаго благополучія для Римлянъ. Пословъ пригласили послѣ того къ ханскому пиршеству, за которымъ прошелъ весь остатокъ дня. Но ихъ угощали не винограднымъ виномъ, къ которому они привыкли, а какимъ-то особымъ варварскимъ напиткомъ, впрочемъ на вкусъ очень сладкимъ (медомъ?). На другой день угощеніе происходило въ иной ханской ставкѣ, которая также была изукрашена шелковыми тканями съ разными на нихъ изображеніями. По срединѣ разставлены были дорогіе сосуды, вазы и золотыя кувшины съ напитками. Дизавулъ возсѣдалъ на золотомъ ложѣ. Слѣдующее угощеніе происходило опять въ иномъ шатрѣ, который былъ утвержденъ на деревянныхъ столбахъ, покрытыхъ золотыми листьями, а золотое ложе кагана покоилось на четырехъ павлинахъ изъ того же металла. У входа стояли многія колеспицы, наполненныя серебряною посудой и серебряными изваяніями животныхъ, которыя красотой и изяществомъ не уступали византійскимъ издѣліямъ этого рода, и которыя каганъ очень любилъ. Вся эта масса золотыхъ и серебряныхъ вещей свидѣтельствовала о промышленности и богатствѣ городовъ Средней Азіи, разграбленныхъ турецкими завоевателями, или приславшихъ имъ большіе дары, чтобъ избавиться отъ ихъ грабежа.

Дизавулъ щедро одарилъ византійское посольство, а самого Земарха почтилъ молодою плѣнницей изъ племени Керхисъ (Киргизъ?). Отправляясь въ походъ противъ Персовъ, каганъ взялъ съ собою посла съ частью его свиты; эта часть состояла изъ 20 человекъ. Во время похода на встрѣчу Дизавулу прибыло персидское посольство. Когда оно выѣстѣ съ римскимъ было приглашено къ столу кагана,

---

ныхъ пастбищъ, на которыхъ паслись многочисленныя стада и конскіе табуны. Этотъ Эктагъ, можетъ быть, есть та горная гряда, которая называется теперь Актау, въ бывшей сѣверной части Бухарскаго ханства, нынѣ въ русскихъ владѣніяхъ.

то послу римскому воздавалось болѣе почестей, чѣмъ персидскому, и первый былъ посаженъ на болѣе почетное мѣсто. Во время пира зашла рѣчь о причинахъ ссоры Турокъ съ Персами. Дизавулъ возвысилъ голосъ и началъ осыпать упреками поведеніе Персовъ. Но и персидскій посолъ, забывъ соблюдаемый за столомъ обычай молчанія, началъ рѣзко возражать, чѣмъ привелъ кагана въ сильный гнѣвъ; впрочемъ, онъ ограничился только бранью. Послѣ того персидское посольство было отослано назадъ, а каганъ продолжалъ свой походъ. Но Земарха онъ отпустилъ въ отечество и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Византію новое турецкое посольство, главою котораго назначенъ былъ нѣкто Тагма, имѣвшій санъ *тархана*, такъ какъ Маньякъ въ это время умеръ. По своей благосклонности къ умершему, каганъ назначилъ его сына, по имени также Маньяка, товарищемъ посла; молодой человекъ имѣлъ также достоинство тархана. Прямою цѣлью вторичнаго турецкаго посольства было упрочить союзъ съ Римлянами и побудить ихъ къ немедленной войнѣ противъ Персіи. Когда въ Туркестанѣ распространилось извѣстіе о новомъ посольствѣ въ Византію, то князь какого-то племени Холіатовъ просилъ у Дизавула позволенія отправить и съ своей стороны нѣсколько человекъ ради знакомства съ Римскимъ государствомъ; остальные начальники племени обратились съ тою же просьбою. Очевидно, на востокѣ въ то время еще сильно было обаяніе римскаго имени и греко-римской цивилизаціи. Дизавулъ далъ позволеніе одному только началнику Холіатовъ. Въ городѣ этого племени Земархъ промедлилъ нѣсколько дней и послалъ отсюда впередъ себя гонца, чтобъ уведомить императора объ успѣхѣхъ своего посольства. Гонецъ взялъ съ собой, кромѣ собственныхъ людей, еще 12 Турокъ и поѣхалъ тою же дорогою, хотя пустынною и безводною, но болѣе короткою, то есть, мимо южныхъ береговъ Каспійскаго моря. А самъ Земархъ, вѣроятно, изъ опасенія попасть въ руки Персовъ, съ остальною свитой направился окольнымъ путемъ вокругъ сѣверной части того же моря.

Въ 12 дней, по песчанымъ, холмистымъ и мѣстами тонкимъ краямъ, караванъ достигъ рѣки Гихъ (Аму или Сыръ-Дарья?); затѣмъ миновалъ рѣку Даяхъ (Яикъ?), и по тонкому Каспійскому прибрежью достигъ рѣки Аттила (Волга), откуда прибылъ въ степи Угуровъ (Угровъ?) Князь этого племени, нашедшійся подъ рукою Дизавула, наполнилъ водою мѣхи путниковъ, такъ какъ имъ предстоялъ еще путь по тѣмъ безводнымъ степямъ, гдѣ въ наше время кочуютъ

Ногайцы и Калмыки. Тотъ же угурскій князь предупредилъ Земарха, что гдѣ-то за рѣкой Кофепъ (Кубань?), въ лѣсистыхъ мѣстахъ скрывается 4.000 Персовъ, которые устроили засаду, чтобы захватить въ плѣнъ посольство. Вслѣдствіе того, когда Римляне приблизились къ болотамъ, съ которыми сливается рѣка Кофепъ, они остановились и послали лазутчиковъ, чтобы проверить слухъ о персидской засадѣ. Лазутчики воротились и донесли, что никого не видали. Тѣмъ не менѣе посольство двинулось въ страну Аланъ съ большимъ опасеніемъ, потому что боялось племени Горомосховъ (иначе Московъ или Месхіевъ, гдѣ-то въ западной части Кавказа. См. Метог. Рор. IV).

Князь Аланъ, Сародій, принялъ благосклонно Земарха и его римскую свиту, но отказался допустить къ себѣ вооруженными его турецкихъ спутниковъ. Три дня продолжались споры объ этомъ предметѣ при посредствѣ Земарха; наконецъ Турки уступили и явились къ князю безъ оружія. Сародій, также какъ и угурскій князь, увѣщевалъ Земарха не направлять пути черезъ страну Миндимьянъ, ибо Персы приготовили засаду около Сваніи, но лучше воротиться домой такъ называемымъ Даріевымъ путемъ (*Δαρεινῆς ὁδοῦ*, Дарьяль?) ¹⁾. Земархъ послѣдовалъ совѣту Сародія. Чтобы обмануть Персовъ, онъ отправилъ черезъ страну Миндимьянъ десять коней, нагруженныхъ пурпуровыми тканями, какъ-бы свой передовой отрядъ; а самъ пересѣкъ Кавказскій хребетъ и направился въ Ассицію, потомъ повернулъ къ устью Фазиса или Ріона, откуда моремъ поплылъ въ Трапезундъ, а изъ Трапезунда большою конною дорогой воротился въ Константинополь.

Описаніе Земархова путешествія къ турецкому кагану какъ нельзя болѣе походитъ на путешествія Европейцевъ въ прикаспійскія и среднеазіатскія степи къ позднѣйшимъ кочевымъ завоевателямъ, то-есть, къ Татарамъ. Особенно сходныя черты можно найти у Плано Карпини. Турецкіе каганы съ окружающими ихъ обычаями и ихъ дворомъ являются прямыми предшественниками татарскихъ хановъ. То же поклоненіе огню и тѣ же обряды очищенія, исполняемые шаманами надъ чужеземцами, которые должны предстать предъ ханское

¹⁾ Дѣйствительно, въ это время владѣнія Персовъ въ Закавказьѣ простирались почти на всю Азію (Мингрію) съ примыкающими къ ней съ сѣвера областями. По извѣстію Іоанна Епифанійскаго, Персы старались подкупить Аланъ, чтобы послѣдніе истребили оба посольства, и римское, и турецкое, но, очевидно, безъ успѣха (См. въ той же книгѣ, гдѣ исторія Льва Діакона, стр. 168 рус. изд.).

лицо. Тѣ же шатры, наполненные огромною добычей и особенно награбленнымъ золотомъ; то же золотое ханское сѣдалище, и самое названіе резиденціи Золотую Горю напоминаетъ Золотую Орду. Тѣ же отношенія покоренныхъ народовъ и одноплеменныхъ хановъ къ главному или великому хану. Относительно турецкихъ завоеваній мы видимъ, что до конца 60-хъ годовъ VI столѣтія эти завоеванія распространились пока на страны Туркестана, а на западной сторонѣ Каспійскаго моря имъ повинуются собственно Угорскія племена, обитавшія въ степяхъ Нижней Волги, и отчасти племена Хазарскія, или Аварскія, другая часть которыхъ удалилась на западъ. Но Алане и народы внутренняго Кавказа пока сохраняли свою независимость. Въѣстъ съ тѣмъ еще не упоминается о покореніи Утургуровъ или азовско-черноморскихъ Болгаръ.

За этимъ первымъ греко-римскимъ посольствомъ къ Туркамъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. Византійское правительство, очевидно, дорожило своими новыми союзниками противъ могущественной монархіи персидскихъ Сассанидовъ. Наиболѣе замѣчательное послѣ Земарха посольство было предпринято Валентиномъ, спустя ровно десять лѣтъ. Описаніе его составлено тѣмъ же Менаандромъ; уже самый фактъ описанія свидѣтельствуетъ, что это посольство было болѣе торжественное, чѣмъ другія предшествовавшія ему, и вообще имѣло болѣе значенія. Офиціальною задачей его было возвѣстить турецкому кагану о восшествіи на престолъ императора Тиверія, Юстинова преемника, и подтвердить союзъ, заключенный съ Дизавуломъ противъ Персовъ. Кромѣ того, изъ хода событій выясняется, что Византія чувствовала теперь особую потребность дружескихъ отношеній съ Турками, ибо завоеванія ихъ все болѣе и болѣе расширялись на западъ отъ Каспійскаго моря, такъ что грозили захватить и самыя греческія владѣнія въ Тавридѣ и на берегахъ Восточнаго Киммерійскаго.

Въ число своихъ спутниковъ Валентинъ выбралъ и 106 Турокъ. Надобно замѣтить, что въ Константинополѣ тогда проживало ихъ довольно большое количество; они прибыли сюда въ разное время, по разнымъ порученіямъ, и преимущественно въ свитѣ возвращавшихся греческихъ пословъ, то-есть, Земарха, потомъ Анапаста, Евтихія, Геродіана, Павла Киликійца и того же Валентина, который въ 579 году ѣхалъ посломъ уже во второй разъ. Валентинъ, бывшій однимъ изъ приближенныхъ императора Тиверія, сѣлъ съ своимъ посольствомъ въ Константинополѣ на скороходныя „олимпиады“ (olcades, ладьи?), и вдоль азіатскаго берега направился къ Синопу, а отсюда

повернулъ на сѣверъ къ Херсонесу, и такимъ образомъ, пересѣкъ Черное море въ самомъ узкомъ его мѣстѣ. Изъ Херсонеса онъ, вдоль юговосточныхъ береговъ Тавриды, достигъ страны Апатуровъ и другихъ племенъ, жившихъ на песчаныхъ берегахъ Киммерійскаго Боспора и Тамани ¹⁾. Здѣсь посольство съ судовъ пересѣло на коней и продолжало свой путь посреди болотистыхъ низменностей рѣки Кубани, поросшихъ камышемъ и отчасти лѣсомъ. Тутъ оно миновало страну Анкагасъ, названную такъ по имени своей царицы, которая управляла туземными Скиѣами подъ рукой Анагая, начальника племени Утургуровъ. Послѣ долгаго и труднаго пути, посолъ прибылъ, наконецъ, въ тѣ мѣста, гдѣ непосредственно властвовала Турксантъ; такъ именовался каганъ одной турецкой орды, и именно той самой, которая расположилась въ степяхъ между Волгой и Кавказомъ.

Представъ передъ лицо Турксанта, Валентинъ съ обычнымъ византійскимъ витійствомъ привѣтствовалъ кагана и изложилъ цѣль своего посольства. Но пріемъ, ему оказанный, совсѣмъ не походилъ на тотъ, съ которымъ былъ встрѣченъ Земархъ. Обстоятельства уже нѣсколько измѣнились. Посольство имѣло въ виду все того же Дивавула; но послѣдній только что умеръ передъ прибытіемъ пословъ, а сынъ его Турксантъ нравомъ своимъ не походилъ на отца. По всѣмъ признакамъ это былъ жестокій, высокомерный деспотъ. Притомъ Турки, по видимому, уже нѣсколько разочаровались въ дружбѣ Византійцевъ, имѣя случаи ознакомиться съ ихъ лъстивою дипломатіей и съ ихъ коварною, по отношенію къ другимъ народамъ, политикой. Очевидно, въ борьбѣ съ Персіей Византійцы старались загребать жаръ преимущественно руками Турокъ; кромѣ того, поводъ къ неудовольствіямъ подавали двусмысленныя отношенія Византіи къ Аварамъ, которыхъ Турки продолжали считать своими бѣглыми рабами.

На рѣчь Валентина Турксантъ отвѣчалъ упреками и угрозами. Онъ показалъ ему свои десять пальцевъ. и сказалъ: „Вы, Римляне,

¹⁾ На Таманскомъ полуостровѣ въ древности упоминаются городъ Апатуръ и храмъ Венеры Апатурійской. Въ данную эпоху на этомъ полуостровѣ жили уже другіе народы, и главнымъ образомъ, какъ мы видали, Болгаре-Утургуръ; но византійскіе писатели, имѣвшіе притязаніе на ученость, любили иногда употреблять географическія названія изъ временъ Птолемея и Страбона. Такіе народцы, какъ Апатуры, Аспурги, Синды, Цихи и другіе, обитавшіе на Тамани и близнемъ Кавказскомъ берегу, принадлежали, вѣроятно, къ сармато-черкесскимъ племенамъ, а можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ были родственны сармато-славянскому племени Утургуровъ.

съ разными народами употребляетъ десять разныхъ языковъ; но всѣ они суть одна и та же ложь". Въ язвительныхъ выраженіяхъ онъ распространился о томъ, какъ Римляне, 'обольстивъ какой-нибудь народъ сладкими рѣчами и заставивъ его очертя голову броситься въ опасностъ, потомъ пренебрегаютъ имъ и стараются только воспользоваться плодами его трудовъ. „И государь вашъ“, прибавилъ онъ,—„заплатитъ мнѣ за то, что, ведя со мною дружескіе переговоры, онъ въ то же время принялъ въ свой союзъ нашихъ рабовъ Вархонитовъ (то-есть, Аваръ). А вы, Римляне, зачѣмъ пословъ своихъ отправляете ко мнѣ чрезъ Кавказъ и говорите, что нѣтъ другой дороги? Вы дѣлаете это для того, чтобы трудностью пути отвлечь меня отъ нападенія на васъ самихъ. Но я очень хорошо знаю, гдѣ текутъ Днѣпръ, Истръ и Гѣбрь, черезъ которые перешли наши рабы Вархониты, чтобы вступить въ вашу страну. Я знаю также и наши силы. Мнѣ же повинуются вся земля, которая начинается отъ первыхъ солнечныхъ лучей и кончается съ послѣдними (то-есть, отъ востока до запада). Посмотрите, несчастные, на Алапскій народъ и даже на самыя племена Утригуровъ. Одаренные крѣпостью тѣла и дерзостью духа, гордые своими многочисленными дружинами, они вступили въ борьбу съ непобѣдимымъ Турецкимъ народомъ, однако обманулись въ своихъ надеждахъ и теперь находятся въ числѣ нашихъ рабовъ“.

На эти грозныя слова Валентинъ отвѣчалъ смиренною рѣчью. Онъ указалъ на обычай всѣхъ народовъ, охраняющіе особу пословъ; просилъ кагана смягчить свой гнѣвъ, не упрекать во лжи императора и напоминалъ о дружбѣ Римлянъ съ его отцомъ Дизавуломъ, который первый, по собственному желанію, отправилъ къ нимъ посольство, предпочитая римскій союзъ персидскому. Въ заключеніе аудіенціи Турксантъ замѣтилъ посламъ, что такъ какъ они прибыли въ печальное время, то-есть, вслѣдъ за смертью его отца, то и имъ надлежитъ почтить память умершаго по обычаю турецкому, то-есть, изрѣзать себѣ лица. Валентинъ поспѣшилъ исполнить желаніе варвара: онъ и его свита исцарапали свои фізіономіи остріями мечей. Въ одинъ изъ этихъ дней печали Турксантъ, между прочимъ, принесъ въ жертву покойному отцу четырехъ плѣнныхъ Гунновъ (вѣроятно, Волгаръ). Онъ велѣлъ умертвить ихъ вмѣстѣ съ отцовскими конями, при чемъ громкимъ голосомъ поручилъ имъ отправиться къ отцу вѣстниками отъ его народа. Когда всѣ погребальныя обряды были исполнены, Турксантъ допустилъ пословъ къ себѣ для перегово-

воровъ и затѣмъ отправилъ ихъ во внутреннія турецкія владѣнія къ своему родственнику Тарду. Послѣдній имѣлъ пребываніе на Золотой Горѣ, слѣдовательно, послѣ Дизавула остался старшимъ въ княжескомъ родѣ, то-есть, верховнымъ каганомъ.

Между тѣмъ какъ римское посольство пребывало у Турокъ, Турксантъ находился въ открытой войнѣ съ Римлянами. Войска его предприняли завоеваніе греческихъ городовъ на Киммерійскомъ Боспорѣ. На берегахъ пролива уже стоялъ лагерьмъ подручный Туркамъ князь Утургурскій, Анагай, съ войскомъ собственнымъ и турецкимъ; кромѣ того, Турксантъ въ бытность у него Валентина послалъ съ новыми силами своего поспопачальника, Бохапа, для скорѣйшаго завоеванія города Боспора или Пантикапеи. Римское посольство, послѣ многихъ скитацій и униженій, наконецъ было отпущено Турксантомъ въ отечество.

Описаніе Валентинова посольства замѣчательно для насъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, самое направленіе его пути къ Боспору Киммерійскому показываетъ, что морское плаваніе между Константинополемъ и сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря совершалось не исключительно вдоль береговъ, какъ мы привыкли думать на основаніи извѣстнаго описанія судовыхъ русскихъ каравановъ у Константина Багрянороднаго. Очевидно, для сообщенія съ Тавридою Греки пользовались самымъ узкимъ мѣстомъ Чернаго моря и переплывали его именно между Синопомъ и Корсуномъ. Это указаніе вполне объясняетъ намъ извѣстіе Льва Діакона въ X вѣкѣ о томъ, что Игорь, послѣ своего пораженія у ближнихъ къ Константинополю береговъ Анатолиі, отплылъ не къ устью Днѣпра, а именно въ Боспоръ Киммерійскій, то-есть, къ восточнымъ берегамъ Тавриды. Далѣе, часть турецкихъ ордъ, какъ видно, ужь основалась на западной сторонѣ Каспійскаго моря. Менандръ не говоритъ, гдѣ именно находилось мѣстопробываніе Турксанта, но по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о степяхъ собственно Астраханскихъ или нижней Волги. Въ этомъ отношеніи орда Турксанта является прямою предшественницей орды Батыевой. Какъ потомъ Батый, Турксантъ отправляетъ европейскихъ пословъ (а также, вѣроятно, и подчиненныхъ князей) въ Среднюю Азію на поклонъ верховному хану. Какъ волжскіе Татары отделились и составили особое ханство, такъ и волжскіе Турки составили вскорѣ особое, самостоятельное государство подъ именемъ Хазарскаго, средоточіемъ котораго сдѣлался впоследствии городъ Итиль, предшественникъ Сарая. Турецкія завоеванія VI вѣка, впрочемъ, не имѣли,

по видимому, такого опустошительнаго характера, какъ монголо-татарскія XII и XIII столѣтій; слѣдовательно, при всей своей свирѣпости, Турки не были такими безпощадными дикарями, какъ Монголы. Да и вся исторія показываетъ, что при столкновеніи съ образованными странами; первые обнаружили болѣе воспріимчивости къ началамъ гражданственности, нежели вторые.

Затѣмъ, для насъ очень важны въ рѣчи Турксанта нѣсколько словъ, относящихся къ Аланамъ и Утургурамъ или азовскимъ Болгарамъ. Во время Земархова посольства, о зависимости этихъ народовъ отъ Турокъ еще не было и рѣчи. Напротивъ, мы видѣли, что Аланскій князь допустилъ къ себѣ турецкихъ пословъ не иначе, какъ безъ оружія. Но въ слѣдующій затѣмъ десятилѣтній періодъ турецкія завоеванія распространились до сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря. Алане и Утургуры были приведены въ зависимость, не смотря на ихъ храбрую оборону, на что прямо указываютъ слова Турксанта. Онъ называетъ ихъ своими рабами; но разумѣется, подчиненіе ихъ выражалось, по обычаю того времени данью и обязанностію выставять вспомогательныя дружины. И дѣйствительно, мы видимъ, что князь Утургурскій, Анагай, вмѣстѣ съ Турками покоряетъ тѣ боспорскіе города, которые принадлежали Византійской имперіи. Но этотъ князь настолько еще силенъ, что въ свою очередь имѣетъ и своихъ вассальныхъ или подручныхъ владѣтелей; напримѣръ, подъ его рукою находится княгиня племени Анкагасъ.

Итакъ, покоривъ Утургуровъ, Турки приступили къ завоеванію боспорскихъ городовъ; но тутъ рѣчь идетъ, конечно, о Пантикапѣ и другихъ греческихъ колоніяхъ на западномъ берегу Боспорскаго пролива; ибо восточный берегъ, то-есть, Тамань, былъ уже во власти Болгаръ Утургуровъ, и слѣдовательно, вмѣстѣ съ ихъ покореніемъ перешелъ подъ турецкое владычество. Изъ описанія посольства видно, что наиболѣе упорною защитой отличился городъ Боспоръ или Пантикапея, благодаря, конечно, своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, построеннымъ при Юстиніанѣ I. Объ окончаніи осады Менаандръ не упоминаетъ; но несомнѣнно, что Турки и Болгаре овладѣли этимъ все еще значительнымъ торговымъ городомъ. По всѣмъ признакамъ, они нанесли ему окончательное раззореніе, и Боспоръ послѣ того уже не поднимался до степени важнаго и богатаго города. О его древнемъ величіи и богатствѣ доселѣ свидѣтельствуетъ множество драгоценныхъ предметовъ, находимыхъ въ безчисленныхъ Керченскихъ курганахъ, а также въ развалинахъ его акрополя на такъ-называемой Митрида-

товой горѣ. За берегами Боспора послѣдовало покореніе всей сѣверной и восточной части Таврическаго полуострова; вмѣстѣ съ тѣмъ подчинились Туркамъ и обитавшія здѣсь племена тѣхъ же Гунновъ Утургуровъ, то-есть, Болгаръ. Но всей Тавриды имъ не удалось завоевать. Спусти года полтора или два, именно подъ 582 годомъ, Менаандръ сообщаетъ извѣстіе объ осадѣ города Херсонеса; онъ опять не говоритъ объ исходѣ осады; очевидно, однако, что она кончилась неудачно. Херсонесъ и его окрестная область, укрѣпленная многими замками и длинными валами, отстояли себя отъ ига варваровъ. Не покоренною осталась пока и Готія или южное горное побережье Тавриды, можетъ быть, до Сугдеи (Судака) включительно.

IV.

Древняя Болгарія и Турко-Хазарское государство. — Второй христіанскій князь у Болгаръ. — Корсунцы и Юстиніанъ Ринотметъ. — Иудейство въ Хазаріи.

Послѣ извѣстія Менаандра о подчиненіи Гунновъ Утургуровъ Туркамъ, византійскіе историки уже не упоминаютъ объ Утургурахъ. Но это молчаніе нисколько не означаетъ, чтобы послѣдніе исчезли изъ исторіи. У болѣе позднихъ историковъ они являются подъ другимъ племеннымъ названіемъ, но совершенно на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ оставилъ Менаандръ. А именно, Теофанъ и Никифоръ, писавшіе два вѣка спустя послѣ Агаѳа и Менаандра и около двухъ съ половиною вѣковъ послѣ Прокопія, уже не знаютъ Гунновъ Утургуровъ, а вмѣсто нихъ говорятъ о Гуннахъ, Болгарахъ и Котрагахъ, которыхъ родина, *Древняя или Великая Болгарія*, по ихъ словамъ, лежала между Меотійскимъ озеромъ и Кавказомъ, то-есть, тамъ же, откуда Прокопій выводитъ своихъ Кутургуровъ и Утургуровъ. Въ извѣстной легендѣ о раздѣленіи Болгаръ по смерти Куврата, Теофанъ и Никифоръ говорятъ, что часть старшаго Кувратова сына Батбая осталась на родинѣ, гдѣ и была, вскорѣ покорена Хазарами, которымъ платить дань „до сего дня“ (то-есть, до времени Теофана и Никифора, писавшихъ въ первой четверти IX вѣка). Мы ужъ имѣли случай показать несостоятельность этой легенды и всю ея несообразность съ дѣйствительною исторіей Болгаръ. (См. *Русскій Архивъ* 1874, № 7). Таврическіе и кубанскіе Болгаре подпали игу восточныхъ завоевателей не послѣ смерти Куврата, то-есть, не во второй половинѣ VII вѣка, а гораздо ранѣе, во второй половинѣ VI вѣка, какъ это мы сейчасъ видѣли изъ разказовъ Менаандра, писавшаго о событіяхъ ему современныхъ; только Менаандръ называетъ этихъ завоевателей Турками и не упо-

требляетъ имени Хазаръ; точно также не употребляетъ онъ имени Болгаръ, а называетъ ихъ Утургурами.

Названіе *Хазары* впервые является у Теофана подъ 626 годомъ, по поводу союза ихъ съ императоромъ Иракліемъ и дружескаго свиданія его съ ихъ предводителемъ подъ стѣнами Тифлиса. Отсюда заключали обыкновенно, что Хазары только въ это время явились въ странахъ прикавказскихъ, и совершенно упускали изъ виду то, что повѣствуетъ Менаандръ о турецкихъ завоеваніяхъ въ VI вѣкѣ; хотя Теофанъ, употребляя впервые имя Хазары, поясняетъ, что такъ назывались „восточные Турки“; а его современникъ, Никифоръ, рассказывая объ упомянутомъ свиданіи Ираклія, союзниковъ его именуетъ просто Турками, и потомъ оба они, Теофанъ и Никифоръ, не разъ еще называютъ ихъ Турками. Никифоръ впервые приводитъ имя Хазаръ въ упомянутой легендѣ о Кувратѣ и Батбаѣ. Поэтому, оба писателя замѣчаютъ, что Хазары пришли изъ Внутренней Верзелии (Теофанъ) или Верили (Никифоръ), страны сосѣдней съ Сарматами, и покорили всѣ народы до Понта. На основаніи этихъ-то неточныхъ указаній, историографія выводила заключеніе о пришествіи въ прикавказскія страны какого-то новаго народа Хазаръ въ XII вѣкѣ, тогда какъ здѣсь надобно разумѣть все тѣхъ же Турокъ, на которыхъ перешло туземное названіе древнихъ Казировъ или Акацировъ. Вообще въ средневѣковой исторіи народовъ мы видимъ постоянную смѣну именъ и довольно сбивчивое ихъ употребленіе въ источникахъ; это явленіе сильно отразилось также въ исторіи Руссовъ, Болгаръ и Хазаръ; но историографія по болѣйшей части упускала его изъ виду, и встрѣчая новыя народныя имена, обыкновенно разумѣла подъ ними и новыя народы ¹⁾.

¹⁾ Не могу при этомъ не замѣтить, какъ филологія, ложно принимаемая, поддерживаетъ эту сбивчивость. Напримѣръ, мы знаемъ филологовъ, пользующихся извѣстностью, которые продолжаютъ трактовать о финскомъ происхожденіи Хазаръ на основаніи одного только названія ихъ города «Саркелъ», толкуя его корни изъ финскихъ нарѣчій и преимущественно изъ Вогульского. Но впервыхъ, эти филологи не подозреваютъ того, что въ данномъ случаѣ названіе прикавказскаго народа Казировъ перешло на пришлыхъ изъ-за Каспійскаго моря Турокъ (впрочемъ, вина такого недоразумѣнія падаетъ на недостатокъ собственно исторической критики источниковъ); а вовторыхъ, отъ Казаръ, кромѣ Саркела, осталось еще нѣсколько названій географическихъ и личныхъ. Наконецъ, и самое слово Саркелъ можно еще съ болѣйшимъ успѣхомъ толковать изъ языковъ турецко-татарскихъ (къ чему склоняется и Дербергъ въ своемъ изслѣдованіи о Саркелѣ); нап. минимъ только объ участіи татарскаго слова *кала*,

Уже въ концѣ VI вѣка мы находимъ у Турокъ междоусобную войну изъ-за каганскаго престола. На этотъ разъ верховному кагану съ помощью трехъ остальныхъ удалось подавить мятежъ (См. у Теофилакта Симокаты подъ 597 г.). Но междоусобія, конечно, потомъ возобновлялись, и волжско-каспійская орда Турокъ (какъ впоследствии орда Батыева или Золотая), по всѣмъ признакамъ, отдѣлилась отъ своихъ туркестанскихъ родичей и въ VII вѣкѣ составила особое государство, сдѣлавшееся извѣстнымъ преимущественно подъ именемъ Хазарскаго. Здѣсь господствующее турецкое племя подчинилось вліянію покоренныхъ народовъ, отчасти смѣшалось съ ними и мало по малу утратило свою первоначальную дикость и свирѣпость.

Послѣ того какъ азовско-черноморскіе Болгаре вошли въ составъ Хазарскаго государства, исторія ихъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій скрывается иногда подъ именами Хазаръ и Хазаріи, а отчасти подъ прежнимъ именемъ Гунновъ. Но все-таки есть возможность слѣдить за нею и въ этотъ періодъ. Такъ во время знаменитой борьбы императора Ираклія съ Персами, союзниками Хозроя противъ Византіи, какъ извѣстно, были Авары. Въ 626 году они подступили къ Константинополю съ европейской стороны, а на азіатскомъ берегу Фракійскаго Боспора расположилось персидское войско. Въ числѣ вспомогательныхъ дружинъ Аварскаго кагана находились и подчиненные ему дунайскіе Болгаре (въ хроникѣ Манассіи называемые Тавроскинами). Между тѣмъ союзниками Ираклія противъ Хозроя были Турко-Хазары, а вмѣстѣ съ ними, конечно, и тѣ племена, которыя состояли къ нимъ въ вассальныхъ отношеніяхъ; слѣдовательно, въ числѣ хазарскихъ войскъ находились и азовско-черноморскіе Болгаре. Здѣсь мы видимъ нѣкоторое продолженіе тѣхъ же отношеній, какъ и въ VI вѣкѣ при Юстиніанѣ I, когда Болгаре Кутургурь были врагами имперіи, а Болгаре Утургурь явились ея союзниками и даже сражались за нее противъ своихъ родичей. Это соображеніе подтверждается и слѣдующимъ извѣстіемъ, которое свидѣтельствуетъ о

означающаго крѣпость, въ названіи нѣкоторыхъ черноморскихъ городовъ позднѣйшаго турецко-татарскаго періода (Чуфутъ-кале, Ени-кале, Сухумъ-кале и проч.). При рѣшеніи подобныхъ вопросовъ не надобно упускать изъ виду и родство многихъ корней въ нарѣчіяхъ финскаго и тюркскаго семейства, а также переходъ названій, особенно географическихъ, отъ одного народа къ другому; Хазары же являются племенно смѣсью пришлыхъ Турокъ съ разными туземными элементами, каковы угорскій, славянскій и особенно черкесскій.

связанныхъ отношеніяхъ азовскихъ Болгаръ къ Ираклію. По словамъ патріарха Никифора, въ 618 году какой-то гунскій князь, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, приближенныхъ и даже ихъ женъ, отправился въ Константинополь и просилъ о дарованіи ему святаго крещенія. Желаніе его было охотно исполнено; его воспринималъ самъ императоръ, а воспріемниками знатныхъ Гунновъ и ихъ женъ были римскіе вельможи съ своими женами. Новокрещеннымъ сдѣлали приличныя наставленія, чтобъ укрѣпить ихъ въ новой вѣрѣ, одѣлили богатыми царскими подарками и римскими титулами, при чемъ самому князю дали титулъ патриція; затѣмъ ихъ отпустили на родину. Это извѣстіе для насъ очень драгоцѣнно. Рѣчь идетъ, конечно, о томъ же Гунскомъ племени, къ которому принадлежалъ князь Гордасъ; а послѣдній, какъ мы узнаемъ изъ Теофана, 90 лѣтъ назадъ ѣздилъ въ Константинополь принять крещеніе изъ рукъ Юстиніана I (Теофанъ и Никифоръ, какъ извѣстно, Болгаръ называли и Гуннами). Гордасъ погибъ жертвою своей ревности къ вѣрѣ, и послѣ того распространеніе христіанства между таврическими Болгарами, конечно, замедлилось на нѣкоторое время. Но потомъ оно дѣлается успѣхи: мы видимъ, что другой князь принимаетъ крещеніе съ своими боярами и даже съ ихъ женами, при чемъ источникъ не говоритъ, чтобы судьба его была похожа на судьбу Гордаса. Слѣдовательно, христіанство съ этого времени болѣе прочно утвердилось между азовско-черноморскими Болгарами, хотя большая ихъ часть оставалась въ язычествѣ, чему способствовало и ихъ раздробленіе на разныя племена, подчиненныя различнымъ князьямъ.

Для исторіи этихъ Болгаръ важны также нѣсколько дальнѣйшихъ извѣстій о Херсонѣ, Боспорѣ и Фанагоріи, сообщаемыхъ по поводу Юстиніана Ринотмета или Безпосаго. Это былъ послѣдній императоръ изъ династіи Ираклія, отличившійся чрезвычайною жестокостію. Однимъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые такъ обычны въ византійской исторіи, Юстиніанъ былъ сверженъ съ престола и съ обрѣзаннымъ носомъ сосланъ на заточеніе въ Херсонесъ Таврическій, въ 702 году. Въ ссылкѣ онъ, по видимому, пользовался нѣкоторою свободою, при чемъ не скрывалъ своей надежды снова овладѣть престоломъ. Херсониты не только не показывали охоты помочь ему, но опасаясь преслѣдованія со стороны новаго императора Тиверія Аспинара, хотѣли или убить изгнанника, или схватить его и отослать къ Тиверію. Провѣдавъ о томъ, Юстиніанъ бѣжалъ сначала въ городъ Доросъ, то-есть, въ сосѣдную Готію, а отсюда къ Хазарскому кагану.

Послѣдній принялъ его съ честію и выдалъ за него свою сестру. Послѣ того Юстиніанъ съ молодою супругою, названною въ крещеніи Θεодорою, поселился въ Фанагоріи и здѣсь питалъ планы о возвращеніи престола съ помощью своего новаго родственника, то-есть, Хазарскаго кагана. Тогда Апсимаръ отправилъ посольство, которое обѣщаніемъ великихъ даровъ склоняло кагана или выдать Юстиніана живымъ, или прислать его голову въ Константинополь. Каганъ не устоялъ противъ золота и поручилъ своимъ намѣстникамъ Папацу Фанагорійскому и Бальгицу Боспорскому убить его зятя, когда поданъ будетъ къ тому знакъ. Объ этомъ провѣдала Θεодора и сообщила своему мужу. Юстиніанъ поступилъ съ обычною ему рѣшительностію и свирѣпостію: онъ пригласилъ намѣстниковъ къ себѣ на свиданіе по одиночкѣ и обоихъ задушилъ веревкою; затѣмъ, отославъ жену къ кагану, самъ сѣлъ на корабль и бѣжалъ къ Тервелю, царю дунайскихъ Болгаръ. Съ помощью послѣдняго ему удалось дѣйствительно воротить престолъ, послѣ чего онъ призвалъ къ себѣ и свою хазарскую супругу.

Злопамятный Рипотметъ не могъ простить Херсонитамъ ихъ неприязни къ нему во время ссылки и готовилъ имъ жестокое мщеніе. Въ 708 году онъ снарядилъ флотъ и войско и послалъ ихъ въ Тавриду, съ тѣмъ чтобъ опустошить Херсонскую область мечемъ и огнемъ; а правителемъ Херсона назначилъ спааварія Илью. Отправленное войско исполнило свое порученіе и побilo многихъ жителей Херсонской области. Между прочимъ оно схватило здѣсь хазарскаго вельможу Тудуна и знатнѣйшаго изъ гражданъ Зоила съ сорока патриціями города и подвергло ихъ пыткамъ, а двадцать другихъ патриціевъ потопило въ лодкѣ, наполненной камнями. Молодымъ людямъ была оставлена жизнь съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ въ рабство. Юстиніанъ велѣлъ привести ихъ въ Константинополь; но дорогою буря потопила корабли, при чемъ погибло нѣсколько тысячъ Корсунской молодежи. Но месть Юстиніана все еще не насытилась. Онъ снарядилъ новый флотъ и отправилъ его съ приказаніемъ произвести въ Корсунской области всеобщее безпощадное избиеніе. Извѣстіе о томъ привело Херсонитовъ въ отчаяніе; они единодушно возстали и отправили къ кагану просьбу прислать имъ хазарскій гарнизонъ. Къ этому возстанію присоединились и сами предводители императорскаго войска, именно спааварій Илья и начальникъ флота Варданъ. Тогда Юстиніанъ назначилъ въ Херсонъ новыхъ начальниковъ и послалъ ихъ съ дружиною въ 300 человекъ. Онъ приказалъ отослать къ

кагану Тудуна и Зоила съ извиненіями. Корсунцы схватили новыхъ начальниковъ и умертвили, а ихъ трехсотенную дружину вмѣстѣ съ съ Тудуномъ и Зоиломъ выдали Хазарамъ. Дорогою къ кагану Тудунъ умеръ; сопровождавшіе его Хазары (Турки) при его погребеніи принесли въ жертву своимъ богамъ всѣхъ триста Византійцевъ. Между тѣмъ Херсониты отложились отъ Юстиніана и провозгласили императоромъ помянутаго Вардана, давъ ему прозваніе Филиппика. Юстиніанъ опять вооружилъ новый флотъ и снабдилъ его осадными машинами для совершеннаго разрушенія Херсонскихъ стѣнъ и башенъ. Машины эти начали дѣйствовать успѣшно и уже разрушили двѣ башни (по имени Кентенарезій и Сипагръ), когда прибытіе хазарскаго войска остановило ихъ дальнѣйшіе успѣхи. Варданъ убѣжалъ къ Хазарскому кагану. Флотъ и войско, потерпѣвъ неудачу и опасаясь мстительнаго императора, предпочли пристать къ мятежникамъ, признали государемъ Вардана Филиппика и послали за нимъ къ кагану. Послѣдній взялъ съ мятежниковъ большой окунъ, и кромѣ того, клятву, что они не измѣнятъ новому императору, и прислалъ имъ Филиппика. Этому претенденту вскорѣ удалось дѣйствительно свергнуть, убить Юстиніана и занять его мѣсто.

Такъ повѣствуютъ Теофанъ, Анастасій, Никифоръ и другіе болѣе поздніе компиляторы. Для насъ въ этихъ событіяхъ важны, между прочимъ, отношенія къ Хазарамъ. Откуда явился въ Херсонѣ хазарскій вельможа Тудунъ, у Никифора названный даже *архонтомъ*, то есть, намѣстникомъ Херсона? Поведеніе Херсонитовъ относительно Юстиніана во время ссылки не вполне объясняетъ намъ его ненасытное мщеніе. Притомъ онъ начинаетъ эту месть только пять лѣтъ спустя послѣ возвращенія себя престола. Очевидно, источники передаютъ намъ событія не полно и не точно. Соображая всѣ обстоятельства, позволяемъ себѣ предположить слѣдующее. Херсонская область была собственно вассальнымъ владѣніемъ Византійской имперіи; она все еще сохраняла свою автономію, а также свои торговыя привилегіи, которыми, конечно, дорожила. Мстительный, деспотичный Юстиніанъ, вѣроятно, началъ стѣснять эту автономію. Тогда Корсунцы воспользовались союзствомъ Хазарскаго государства, можетъ быть, задумали отдаться подъ покровительство кагапа и приняли къ себѣ хазарскаго сановника съ его свитою. Отсюда-то, вѣроятно, и возникла такая ожесточенная война со стороны Юстиніана. Странно однако, что Хазары, въ концѣ VI вѣка тщетно осаждавшіе Херсонъ, не воспользовались обстоятельствами, чтобы завладѣть имъ во время этой

войны. Но Корсунцы, вѣроятно, совсѣмъ и не желали наложить на себя хазарское иго и не пускали въ свой городъ сильнаго хазарскаго гарнизона; они хотѣли только воспользоваться помощью кагана для спасенія своей автономіи и для сверженія Юстиніана, что имъ и удалось. За хазарскую помощь они заплатили деньгами и остались въ соединеніи съ Византійскою имперіей. Свою автономію и своихъ выборныхъ правителей Корсунцы сохраняли до временъ императора Теофила, то-есть, еще болѣе столѣтія.

По отношенію къ таврическимъ и таманскимъ Болгарамъ приведенныя событія подтверждаютъ только ихъ полную зависимость въ то время отъ Хазаръ. Мы находимъ хазарскихъ намѣстниковъ на обѣихъ сторонахъ пролива, то-есть, и въ Восторѣ, и въ Фанагоріи. Въ теченіе VIII вѣка уже весь почти Таврическій полуостровъ подпалъ власти Хазаръ, за исключеніемъ Корсунской области; между прочимъ около этого времени они завоевали и сосѣднюю съ Корсунью область Готію.

Во второй половинѣ VII вѣка Персидское государство, какъ извѣстно смѣнилось Арабскимъ халифатомъ. Новые завоеватели вошли въ столкновеніе съ Хазарами въ странахъ закавказскихъ, которыя всегда служили спорными владѣніями для сильныхъ сосѣднихъ государствъ. Отношенія Хазаръ къ Византіи почти не измѣнились съ появленіемъ мусульманскаго халифата. Пунктами столкновенія съ византійскимъ правительствомъ по прежнему оставались владѣнія въ Тавридѣ и отчасти на восточномъ Черноморскомъ берегу; но столкновенія эти, какъ и прежде, уступали мѣсто общимъ интересамъ по отношенію къ сильному азіатскому сосѣду. Союзы противъ Арабовъ сдѣлались продолженіемъ прежнихъ союзовъ противъ Персіи. Византійскіе императоры иногда вступали даже въ родственныя связи съ хазарскими каганами. Такъ, послѣ Юстиніана Ринотмета императоръ Левъ Исавріанинъ женилъ своего сына (Константина Копронима) на дочери кагана. Эта хазарская принцесса, нареченная въ крещеніи Ириной, впоследствии прославилась во время иконоборства: она была почитательницею иконъ, между тѣмъ какъ ея мужъ Константинъ и сынъ Левъ, прозванный по матери Хазаромъ, были извѣстные гонители иконъ.

Около этого времени Хазарія сдѣлалась поприщемъ борьбы между разными религіями, изъ которыхъ ни одна не получила окончательнаго преобладанія, что имѣло важное вліяніе на судьбу Хазарскаго государства.

Мы видѣли, что Турки, въ VI вѣкѣ пришедшіе изъ-за Каспійскаго моря, были дикіе огнепоклонники. Кромѣ поклоненія огню, они, по свидѣтельству Теофилакта, поклонялись вѣтрамъ и водѣ и слагали молитвы землѣ; однако чтили и верховное божество, творца вселенной, которому приносили въ жертву коней, быковъ и овецъ. Они имѣли родъ жрецовъ-шамановъ, которымъ приписывали даръ пророчанія. Христіанская проповѣдь рано проникла въ страну Турокъ, но по видимому, падала на бесплодную почву. Тотъ же Теофилактъ разказываетъ, что къ императору Маврикію (въ концѣ VI вѣка) разъ привели плѣнныхъ Турокъ. На лбу у нихъ оказалось изображеніе креста, отмѣченное черными точками. На вопросъ, что это значитъ, Турки разказали слѣдующее: Однажды въ ихъ страпѣ свирѣпствовала моровая язва; нѣкоторые жившіе между ними христіане убѣдили ихъ матерей отмѣтить на лбу мальчиковъ крестное знаменіе, обѣщая имъ спасеніе отъ смерти. Эти спасенные однако остались такими же язычниками, какими были ихъ отцы.—Мы говорили, что Турки, поселившіеся на западной сторонѣ Каспійскаго моря, подверглись вліянію покоренныхъ ими народовъ. Вліяніе это отразилось, конечно, и на религіи. Въ концѣ VII вѣка появился между ними исламъ, внесенный силою меча. По извѣстію Эльмакина, во время халифа Абдулмелека сынъ его Мослимъ послѣ одного сильнаго пораженія, нанесеннаго Хазарамъ, многія ихъ тысячи принудилъ принять магометанскую вѣру. Эта фанатическая религія, конечно, болѣе подходила къ дикому турецкому племени, нежели христіанство, и дѣйствительно потому распространилась между ними, однако не получила преобладанія. Она встрѣтила здѣсь счастливаго соперника въ лицѣ іудейства.

Евреи распространились на Кавказѣ и въ Крыму изъ Палестины, Вавилоніи и другихъ мѣстъ Передней Азіи еще до Р. Хр. Какъ народъ промышленный, они рано встрѣчаются въ торговыхъ греческихъ колоніяхъ, и между прочимъ, на Боспорѣ Киммерійскомъ. Одна Пантикапейская надпись, принадлежащая 81 году по Р. Х., говоритъ объ отпущеніи еврейскаго раба съ согласія синагоги (*Восскъ Corp. Inscript. № 214*), а синагога предполагаетъ уже цѣлую общину. Давнее пребываніе Евреевъ въ Крыму подтверждается также замѣтками на старыхъ святахъ Пятикнижія и надгробными надписями, особенно такъ называемой Іосафатовой долины въ Чуфутъ-Кале ¹⁾). Эти памятники

¹⁾ Большое количество подобныхъ свитковъ и надписей собрано было тру-

заклучаютъ въ себѣ указанія на притокъ еврейской колонизаціи на Кавказъ и Крымъ изъ Передней Азіи и Византійской имперіи, колонизаціи, продолжавшейся въ теченіе всей первой половины среднихъ вѣковъ. Особенно многочисленная еврейская община процвѣтала въ то время на восточномъ берегу Киммерійскаго Боспора въ Фанагоріи или въ Матархѣ, какъ она называется въ еврейскихъ памятникахъ. Эта община въ свою очередь высылала колоніи въ ближніе таврическіе города, напримѣръ: въ Керчь, Кафу, Солкаты, Сугдею, Мангупъ и другіе. Въ этомъ отношеніи съ еврейскими памятниками вполне согласуется свидѣтельство византійскаго историка Теофана. Говоря о Кубанской странѣ какъ о родинѣ Болгаръ, онъ замѣчаетъ, что Фанагурія (означающая тутъ вообще Таманскій полуостровъ) населена разными племенами, при чемъ поименовываетъ только Евреевъ, слѣдовательно, въ этой области они были особенно многочисленны.

Этимъ обиліемъ въ томъ краю еврейскаго элемента, весьма подвижнаго и промышленнаго, притомъ имѣвшаго въ своей средѣ многихъ ученыхъ мужей, и объясняется успѣхъ іудейской пропаганды между Турко-Хазарами. Успѣхъ былъ столь значителенъ, что является цѣлая хазарская династія, исповѣдующая религію Моисея—событіе, единственное въ своемъ родѣ. О томъ, какимъ образомъ произошло это обращеніе, мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ; ибо разказы о принятіи іудейства царемъ Хазарскимъ Булой или Буланомъ, около половины VIII вѣка, должны быть отнесены къ легендамъ; они черпаются только изъ нѣкоторыхъ сомнительныхъ еврейскихъ источниковъ и не подтверждаются никакими другими. Царь, сомнѣвающійся въ истинѣ язычества и испытывающій проповѣдниковъ трехъ религій: іудейской, христіанской и магометанской, — это весьма общій мотивъ для разказовъ подобнаго рода ¹⁾. Трудно сказать, въ какой именно формѣ утвердилось іудейство между Хазарами, въ видѣ раввинскаго талмудизма или въ видѣ караизма, издавна су-

---

данъ извѣстнаго еврейскаго ученаго Фирковича. Любопытные выводы изъ этого собранія, см. въ сочиненіи г. Хвольсона: *Achtzehn Hebräische Grabschriften aus der Krim (Mémoires de l'Acad. VII-e série. T. IX)*.

¹⁾ Хотя г. Хвольсонъ въ своемъ сейчасъ названномъ трудѣ и настаиваетъ на томъ, будто отвѣтъ хазарскаго царя Юсена испанскому Еврею Хисдаю, заключающій упомянутую легенду, представляетъ подлинный памятникъ, но мы пока остаемся при господствующемъ мнѣніи, что этотъ отвѣтъ есть не болѣе какъ имитация, сочиненная какимъ-нибудь ученымъ Евреемъ (русскій переводъ его см. въ *Уст. Общ. Ист. и Др. Росс. 1847. № 6*).

ществовавшего въ Крыму и на Кавказѣ. Вопросъ этотъ спорный въ ученомъ мірѣ; но болѣе вѣроятности, по нашему мнѣнію, находится на сторонѣ караязма. Во всякомъ случаѣ существованіе еврейской религіи у Хазаръ не подлежитъ сомнѣнію, ибо о немъ свидѣлствуютъ разные независимые другъ отъ друга источники. Извѣстенъ разказъ нашей лѣтописи о прибытіи іудейскихъ миссіонеровъ отъ Хазаръ. То же подтверждаютъ и арабскіе писатели, особенно Ибнъ-Даста и Ибнъ-Фадланъ. Послѣдній впрочемъ, поясняетъ, что только царь и его дворъ исповѣдуютъ іудейство, а что остальной народъ состоитъ изъ мусульманъ, христіанъ и язычников¹⁾.

Обращеніе хазарской династіи въ іудейство, по нѣкоторымъ признакамъ, неблагопріятно повліяло на дальнѣйшее развитіе государства. Между тѣмъ какъ царь былъ іудеемъ, войска его состояли преимущественно изъ магометанъ и язычниковъ; собственно же еврейское населеніе, разсѣянное въ хазарскихъ городахъ и занятое своими меркантильными интересами, представляло, конечно, весьма слабую опору для поддержанія государственнаго единства и могущества. Соперничество разныхъ религій не могло содѣйствовать образованію одной плотной націи, и Хазарское государство до конца осталось собраніемъ разныхъ народностей. Постепенному упадку хазарскаго могущества способствовало и самое раздвоеніе власти. Въ рукахъ верховнаго кагана (*хазаръ-хакама*, по Ибнъ-Даста) съ теченіемъ времени осталась власть почти номинальная, хотя особа его и была окружена чрезвычайнымъ почитаніемъ; а дѣйствительная власть сосредоточилась въ рукахъ его намѣстника, начальствовавшего надъ войскомъ. Послѣдній назывался, по Константину Багрянородному, просто *пехъ* (то-есть, бегъ), по Ибнъ-Фадлану *хакамъ-бегъ*, а по Ибнъ-Даста *иша* (то-есть, почти то же что *шахъ*, какъ объясняетъ г. Хвольсонъ въ своей книгѣ объ этомъ писателѣ, стр. 56). Подобное раздвоеніе власти, конечно, имѣло свою долю участія во внутреннихъ смутахъ и разложеніи государства.

Мы думаемъ, что нѣкоторый упадокъ хазарскаго могущества обна-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фадланъ говоритъ: «Хазаре и царь ихъ всѣ Евреи». Но тутъ подъ словомъ Хазаре должно разумѣть также дворъ или хазарскую аристократію, какъ это съ вѣроятностію толкуетъ г. Гаркави (Сказаніи мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссахъ, 108). Вообще всѣ арабскія извѣстія согласны въ томъ, что іудейскую религію исповѣдывала наименьшая часть Хазаръ (см. *Лерберга*, 349).

ружился уже въ первой половинѣ IX вѣка по поводу построения крѣпости Саркела.

V.

Хазарскій Саркель, построенный для защиты отъ Печенѣговъ и Русь. — Посольство Русскаго кагана въ 839 году. — Рядъ извѣстій о Роксаланскомъ или Русскомъ народѣ отъ I до IX вѣка включительно.

Около 835 года Хазарскій каганъ и Хазарскій бекъ (пѣх), по разказу Константина Багрянороднаго, прислали къ императору Теофану пословъ съ просьбою построить имъ на Дону крѣпость. Императоръ исполнилъ ихъ просьбу и отпраздновалъ на своихъ хеландіяхъ спаварокандидата Петрону съ мастерами и рабочими. Въ Херсонѣ Петрона пересѣлъ на плоскодонныя суда, которыя могли ходить по Азовскому морю и по рѣкѣ Тапаису. Онъ доплылъ до назначеннаго мѣста этой рѣки и здѣсь остановился. Такъ какъ въ томъ краю не оказалось камня, годнаго для зданій, то Греки устроили печи, приготовили кирпичи, и ватѣмъ воздвигли крѣпость, названную *Саркель*, что значитъ „Бѣлая Гостинница“, по объясненію Константина (а въ русской лѣтописи „Бѣла Вежа“). Современникъ Константина Леонтій (одинъ изъ продолжателей Теофана), сообщающій то же извѣстіе о построеніи этой крѣпости только въ болѣе короткихъ словахъ, прибавляетъ, что въ Саркелѣ находился хазарскій гарнизонъ въ 300 человекъ, которые время отъ времени смѣнялись. Съ построеніемъ Саркела связана важная перемѣна въ жизни Херсонеса Таврическаго. Дотошъ, какъ извѣстно, этотъ городъ съ своею областью пользовался автономіей: внутренними дѣлами его заведывали городскіе патриціи подъ предсѣдательствомъ избраннаго изъ ихъ среды протевона. По совѣту Петроны, воротившагося изъ своей экспедиціи, Теофанъ чтобъ имѣть Херсонъ въ полной своей власти, назначилъ туда императорскаго намѣстника или стратига, которому подчинилъ протевона и патриціевъ. Первымъ херсонскимъ стратигомъ былъ назначенъ тотъ же Петрона, какъ хорошо знавшій мѣстныя дѣла, при чемъ изъ спаварокандидатовъ онъ былъ повышенъ въ слѣдующее достоинство, то-есть, протоспаварія.

Для защиты отъ какого народа построена была крѣпость Саркель?

Главный источникъ, то-есть, Константинъ Багрянородный, ничего не говоритъ на этотъ счетъ; но онъ указываетъ на Саркель какъ на пограничную крѣпость съ Печенѣгами, обитавшими къ западу отъ

Дона; а Кедринъ, писатель XI вѣка, уже прямо говорить, что Саркель былъ построенъ для защиты отъ Печенѣговъ. На это Лербергъ въ своемъ изслѣдованіи „О положеніи Саркела“ замѣтилъ, что въ эпоху его построенія Печенѣги кочевали въ степяхъ поволжскихъ, то-есть, къ сѣверу отъ Хазарскаго государства; а на западную сторону Дона они перешли нѣсколько позднѣе; слѣдовательно, эта крѣпость не имѣла цѣлью защиту отъ Печенѣговъ. По его мнѣнію, еще менѣе могла она имѣть въ виду защиту отъ Руссовъ. Но при болѣе точномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, то и другое его положеніе должно оказаться несостоятельнымъ.

Не даромъ Саркель стоялъ на судовомъ ходу изъ Азовскаго моря въ Каспійское: онъ, конечно, стерегъ этотъ важный путь. По всѣмъ признакамъ, онъ находился тамъ, гдѣ караваны должны были оставлять Донъ и волокомъ перетаскиваться въ Волгу, то-есть, около того мѣста, гдѣ эти двѣ рѣки близко подходятъ другъ къ другу. Этотъ волокъ служилъ, конечно, главнымъ средствомъ защиты противъ судовой рати, такъ какъ Турко-Хазары сами не были искусны въ судоходствѣ и не имѣли флота. Саркель преграждалъ дорогу Руссамъ, которые изъ Азовскаго моря Дономъ и Волгою переходили въ Каспійское море съ цѣлью грабежа; слѣдовательно, онъ долженъ былъ охранять отъ ихъ нападеній столицу Хазарскаго царства Итиль. Лербергъ отрицалъ такое предположеніе, какъ послѣдователь норманской школы. (Вѣдь Руссы, если вѣрить извѣстной баснѣ, еще не существовали на Руси въ первой половинѣ IX вѣка; они только во второй его половинѣ были *призваны изъ за-моря*!). Но для насъ немислимы народы и государства, внезапно упавшіе съ неба. Подтверженіемъ нашего мнѣнія о назначеніи Саркела защищать Хазарію отъ Руси служатъ послѣдующія событія.

Арабскій географъ Масуди, писавшій въ первой половинѣ X вѣка, въ своихъ „Золотыхъ Лугахъ“ повѣствуетъ о походѣ Руси на Каспійское море въ числѣ 500 судовъ, въ 913 году. Онъ говоритъ, что Руссы вошли въ рукавъ Нейтаса, соединяющійся съ Хазарскою рѣкою. Подъ именемъ послѣдней разумѣется Волга; а подъ рукавомъ Нейтаса (то-есть, Азовскаго моря) надобно разумѣть нижнее теченіе Дона отъ его устья до крутаго изгиба на сѣверъ. Масуди поясняетъ, что здѣсь стояла многочисленная хазарская стража, чтобъ удерживать какъ приходящихъ Азовскимъ моремъ, такъ и наступающихъ сухимъ путемъ. Онъ именно указываетъ на турецкихъ кочевниковъ Гувовъ, которые обыкновенно приходятъ къ этому мѣсту зимовать.

Когда же рѣки замерзають, то Гузы переправляются по льду и вторгаются въ страну Хазаръ; но лѣтомъ они не имѣють переправы (слѣдовательно, не могутъ обойти Саркела). Когда русскіе корабли—продолжають Масуди -- подошли къ устью рукава (то-есть, къ волоку между Дономъ и Волгой), то они послали къ Хазарскому царю просить, чтобъ онъ дозволилъ имъ войти въ его рѣку (то-есть, Волгу) и вступить въ Хазарское море. Они обѣщали отдать ему половину изъ всего, что награвать у народовъ, живущихъ по этому морю. Царь согласился. Исходъ предпріятія извѣстенъ. Руссы пограбили и опустошили прибрежныя Каспійскому морю магометанскія страны и отдали по уговору часть добычи Хазарскому царю. Но мусульманскій отрядъ, находившійся у него на службѣ, и другіе мусульманскіе жители Хазаріи выпросили у него позволеніе отомстить Руссамъ за избіеніе своихъ единовѣрцевъ. Далѣе въ извѣстіи Масуди, очевидно, есть нѣкоторая неточность: по его разказу, битва произошла будто бы около Итиля. Руссы, увидавъ мусульманъ, вышли на берегъ, сразились и послѣ трехдневнаго боя были разбиты. Остатокъ ихъ отправился на судахъ въ страну, примыкающую къ Буртасамъ; тамъ они были окончательно истреблены Буртасами и мусульманскими Болгарами. Но зачѣмъ же Руссамъ послѣ ихъ пораженія надобно было отправляться въ страну Буртасъ и Камскихъ Болгаръ? Не естественно ли было спѣшить домой тѣмъ же обычнымъ путемъ, то-есть, Дономъ и Азовскимъ моремъ? А также, къ чему имъ было выходить на берегъ и три дня сражаться съ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, когда они могли спокойно уйти на судахъ, такъ какъ Хазары не имѣли флота, и путь на рѣкѣ былъ болѣе или менѣе свободенъ? Эти несообразности даютъ понять, что битва происходила именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Руссы, обремененные добычею, должны были покинуть Волгу и идти волокомъ въ Донъ. Здѣсь-то, около крѣпкаго Саркела, враги, конечно, и загородили имъ дорогу. Тогда, не могши пробиться послѣ трехдневной отчаянной битвы, остатокъ Руси естественно долженъ былъ съѣсть на суда и плыть вверхъ по рѣкѣ на сѣверъ — единственный остававшійся у нихъ путь отступленія. Но тутъ встрѣтили ихъ новые враги и доканали.

Описаніе этого похода, между прочимъ, ясно показываетъ всю ложность представленій норманской школы о походахъ Скандинавовъ, которые будто бы свободно разгуливали по рѣчнымъ путямъ Восточной Европы, куда имъ вздумается,—и въ Черное море, и въ Азовское, и въ Каспійское. Нѣтъ, походы эти были очень и очень трудны, а

волоки дѣлали ихъ иногда невозможными. Далѣе изъ словъ Масуди мы можемъ вывести заключеніе, что упомянутая имъ многочисленная хазарская стража на томъ мѣстѣ, гдѣ рукавъ Азовскаго моря, то-есть, Донъ, подходитъ къ Волгѣ, и есть въ сущности не что иное, какъ гарнизонъ Саркела, хотя Масуди не приводитъ имени крѣпости. Этотъ гарнизонъ препятствовалъ Руссамъ перейти изъ Дона въ Волгу, и они могли совершить переходъ только съ дозволенія Хазаръ.

На основаніи того же извѣстія мы думаемъ, что построеніемъ Саркела въ одно время достигались двѣ цѣли, ибо онъ занималъ очень выгодное оборонительное положеніе. Съ одной стороны, онъ препятствовалъ кочевымъ турецкимъ народамъ вторгаться въ Хазарское царство перешейкомъ, лежащимъ между Дономъ и Волгой, за исключеніемъ того времени, когда эти рѣки покрывались такимъ толстымъ льдомъ, который могъ выдержать цѣлую конную орду, что въ тѣхъ мѣстахъ случалось не каждую зиму. Разумѣется, перешеекъ этотъ былъ не на столько узокъ, чтобы гарнизонъ Саркела могъ загородить дорогу конницѣ, и по всей вѣроятности, въ связи съ главною крѣпостью устроенъ былъ рядъ другихъ укрѣпленій, защищенный большимъ валомъ; длинные валы служили въ то время обычнымъ средствомъ для защиты своей земли отъ непріятельскихъ вторженій. Во времена Масуди около этого перешейка кочевали Узы; но вѣкомъ ранѣе на мѣстѣ Узовъ жили Печенѣги (изгнанные потомъ на западную сторону Дона Узами или Половцами); а слѣдовательно, извѣстіе Кедрина, что Саркель построенъ противъ Печенѣговъ, имѣло основаніе. Съ другой стороны, эта крѣпость своимъ положеніемъ около волока, очевидно, служила оплотомъ противъ судовыхъ походовъ Руси. Отсюда понятно, почему она такъ непріятна была для Руси, и почему Святославъ взялъ Саркель и раззорилъ его.

Первое достовѣрное извѣстіе о существованіи Русскаго княжества въ южной Россіи замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ по времени съ извѣстіемъ о построеніи Саркела. Последнее происходило повидимому въ 835 году, при Византійскомъ императорѣ Теофілѣ. А спустя около четырехъ лѣтъ, то-есть, въ 839 году, по извѣстію Бертинскихъ лѣтописей, тотъ же императоръ, отправляя къ Людовику Благочестивому посольство, препровождаетъ вмѣстѣ съ нимъ и нѣсколько челоуѣкъ, которые называли себя *Рось*. Последніе были посланы въ Константинополь для изъявленія дружбы отъ своего князя, именуемаго *хаканомъ*; но такъ какъ враждебные варварскіе народы препятствовали имъ воротиться домой тѣмъ же путемъ, какимъ они пришли,

то Теофилъ просилъ Людовика дать имъ средства вернуться другимъ путемъ. Подъ именемъ этого хакана или кагана, конечно, разумѣется Кіевскій князь, а не какой-нибудь изъ скандинавскихъ владѣтелей, которые никогда каганами не пазывались; равнымъ образомъ никакой Руси въ Скандинавіи того времени источники не упоминаютъ, и всѣ натажки норманистовъ (на основаніи неясной фразы: „изъ рода Свеоновъ“) перетолковывать это мѣсто въ свою пользу останутся безплодны. Очень возможно, что упомянутое хронологическое совпаденіе не было простою случайностію. Возможно, что помощь, оказанная Греками въ построеніи Саркела, то-есть, въ защитѣ Хазарскихъ владѣній со стороны Печенѣговъ и Руси, побудила также и Русскаго князя войти въ непосредственныя сношенія съ Византійскимъ дворомъ, чтобъ отвлечь его отъ союза съ Хазарами. При этомъ возможно, конечно, и даже очень вѣроятно, что подобныя сношенія начались еще ранѣе, особенно по дѣламъ торговымъ, и что посольство это было совсѣмъ не первое; но хазарскія дѣла могли оживить и усилить стремленія Русскихъ князей къ непосредственнымъ сношеніямъ съ Византійскимъ дворомъ ¹⁾.

Прежде нежели пойдемъ далѣе, спросимъ себя: откуда же взялось это Русское княжество или каганство, о существованіи котораго съ первой половинѣ IX вѣка свидѣтельствуетъ современное извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ самъ собою, если припомнимъ извѣстія греко-латинскихъ источниковъ о скиво-сарматскомъ народѣ, Роксаланахъ или Росъ-Аланахъ, и если отнесемъ къ источникамъ просто, безъ всякихъ умствованій. Для рѣшенія даннаго вопроса достаточно только привести въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія изъ этихъ извѣстій.

Наиболѣе раннія и вмѣстѣ наиболѣе обстоятельныя свидѣтельства принадлежать двумъ знаменитымъ писателямъ перваго вѣка по Р. Хр.—Страбону и Тациту. Страбонъ говоритъ, что Роксаланы жили между Дономъ и Днѣпромъ; онъ считаетъ ихъ самыми сѣверными изъ извѣстныхъ (ему) Скивовъ. Онъ рассказываетъ, что они принимали участие

¹⁾ Некоторую аналогію съ извѣстіемъ о русскихъ послахъ при дворѣ Людовика Благочестиваго въ 839 году представляетъ свидѣтельство хроники Рогина о послахъ княгини Ольги при дворѣ Оттона I въ 959 году. То и другое свидѣтельство темно и подвержено разнорѣчивымъ толкованіямъ, и оба они несомнѣнно относятся къ Кіевской Руси.

въ войнѣ знаменитаго Митридата, царя Понтійскаго и Восторскаго, съ царемъ Сиисскимъ Скилуромъ, какъ союзники послѣдняго, въ 94 г. до Р. Хр.; они явились на войну подъ предводительствомъ Тасія, въ числѣ будто бы 50.000, въ шлемахъ и панцыряхъ изъ воловьей кожи, вооруженные копьемъ, лукомъ, мечомъ и щитомъ, плетенымъ изъ тростника. Они потерпѣли пораженіе отъ полководца Митридатова Діофанта, имѣвшаго 6000 отлично устроеннаго войска. Этотъ народъ живетъ въ войлочныхъ кибиткахъ, окруженный своимъ стадами, питаясь ихъ молокомъ, сыромъ и мясомъ и передвигаясь постоянно на мѣста, богатые пастбищами. Лѣтомъ онъ кочуетъ на равнинахъ, а зимою приближается къ болотистымъ берегамъ Меотиды. (Strabo. Lib. II и VII.)

По извѣстію Тацита, сарматское племя Роксалане, числомъ 9000 конницы, вторглись въ римскую Мизію въ 69 году по Р. Х. Сначала они имѣли успѣхъ и истребили двѣ римскія когорты. Но когда варвары разсыпались для грабежа и предались безпечности, римскіе начальники ударили на нихъ съ своими легіонами и нанесли имъ совершенное пораженіе. Этому пораженію способствовала наступившая оттепель; кони Роксаланъ спотыкались, всадники падали и нелегко поднимались при своемъ довольно тяжеломъ вооруженіи; они имѣли длинные мечи и копья, а у знатныхъ панцыри сдѣланы были изъ желѣзныхъ бляхъ или изъ твердой кожи; но щиты будто бы не были у нихъ въ обыкновеніи. Въ пѣшемъ бою они были неискусны. (Taciti Hist. L. I.).

Кромѣ того, въ первомъ вѣкѣ имя Роксаланъ встрѣчается у Плинія въ его „Естественной Исторіи“ и въ одной надгробной надписи изъ временъ императора Веспасіана. Въ послѣдней говорится именно о возвращеніи Римлянами князьямъ Бастарновъ и Роксаланъ ихъ сыновей (бывшихъ, конечно, заложниками).

Во II вѣкѣ о Роксаланѣ упоминаютъ римскіе писатели Спартіанъ и Капитолинъ и греческіе—Птоломей и Діонъ Кассій. Первый говоритъ о договорѣ императора Адріана съ княземъ Роксаланъ, который жаловался на уменьшеніе суммы, платимой ему Римлянами. Ко времени того же императора относятъ одну латинскую надпись, въ которой упоминается Роксаланскій князь Элій Распарасанъ (припавшій имя Элія, конечно, въ честь Элія Адріана). Капитолинъ въ числѣ понтійскихъ народовъ, угнетавшимъ Римлянъ на нижнемъ Дунаѣ, называетъ Роксаланъ. Географъ Птоломей помѣщаетъ ихъ около Меотиды. Но ясно, что въ это время жилища ихъ простирались и на

западную сторону Днѣпра, откуда они могли нападать на римскія области Дакію и Мизію. Діонъ Кассій разсказываетъ, что императоръ Маркъ Антонинъ позволилъ Языгамъ изъ ихъ новыхъ жилищъ пройти черезъ Дакію къ Роксаланамъ.

Въ III вѣкѣ Роксалане, по словамъ Требеллія Поліона, убили Регилиана, одного изъ такъ называемыхъ тридцати тиранновъ. По словамъ Вописка, въ триумфѣ императора Аврелиана въ числѣ другихъ участвовали и плѣнники роксаланскіе со связанными руками. Относимые къ этому вѣку Певтингеровы таблицы помѣщаютъ „Роксуланъ Сарматъ“ вблизи Меотиды.

Въ IV вѣкѣ Амміанъ Марцеллинъ приводитъ Роксаланъ въ числѣ народовъ, обитавшихъ все около того же Меотійскаго озера, къ сѣверу отъ Понта.

Иорнадъ, писатель VI вѣка, въ числѣ народовъ, подвластныхъ Готскому царю Германриху, приводитъ Рокасовъ (Rocas), которыхъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ихъ сложнымъ именемъ Роксаланъ и изображаетъ ихъ народомъ вѣроломнымъ, погубившимъ Германриха. Послѣдній за измѣну одною знатнаго Роксаланина (по видимому, передавшагося на сторону Гунновъ) велѣлъ жену его Санелгу привязать къ дикимъ конямъ и размывать по полю; тогда два ея брата, Сарусъ и Амміусъ, мстя за смерть сестры, нанесли тяжелую рану Германриху, такъ что онъ послѣ того не могъ сражаться съ Гуннами и вскорѣ умеръ. (Сар. 24). Изъ этого извѣстія, какъ мы и прежде говорили; можно заключить, что движеніе Гунновъ произошло въ связи съ возстаніемъ Роксаланъ противъ Готскаго владычества ¹⁾. Послѣ удале-

¹⁾ Иорнадъ сообщаетъ и о дальнѣйшей враждѣ Готовъ и Роксаланъ; только послѣднихъ онъ въ этомъ случаѣ называетъ Антами. Преемникъ Германриха Винитаръ напалъ на Антоу и былъ сначала побѣжденъ, но потомъ взялъ ихъ князя Бокса и распялъ на крестѣ съ его сыновьями и семидестью вельможами, которыхъ оставилъ висѣть на висѣлицѣ, чтобы навести страхъ на Антоу. Очевидно, онъ мстилъ Антамъ-Роксаланамъ за ихъ возстаніе противъ готскаго владычества и за союзъ съ Гуннами. Только благодаря этой племенной враждѣ двухъ главныхъ туземныхъ народовъ, царю Гунновъ Валаміру удалось потомъ побѣдить Винитара, а такимъ образомъ, подчинить себя всѣхъ Остроготовъ. Обратимъ также вниманіе на роксаланскія имена у Иорнада. Санелга, очевидно, заключаетъ въ себѣ коренное древнерусское имя Ольга или Елиа (въ этой формѣ см. у Константина Багрянороднаго), встрѣчающееся также въ названіяхъ рѣкъ, Олегъ, Волга, ольга (болото) и пр. А ея братъ Амміусъ доселѣ слышится въ названіи Міусъ и Колміусъ, двухъ рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море и протекающихъ въ странѣ древнихъ Роксаланъ.

ніа Готоръ и Гунновъ на западъ, Роксалане, по видимому, снова заняли прежнее первенствующее положеніе въ странахъ къ сѣверу отъ Понта; судя по словамъ того же Іорнанда, въ его время Дакія (теперь называвшаяся тоже Гепидія) опять на востокъ граничила съ Роксаланами. (Сар. 12).

Совокупность этихъ греко-латинскихъ извѣстій отъ I до VI вѣка включительно, кажется, ясно указываетъ намъ на сильный, многочисленный народъ, котораго средоточіемъ былъ Днѣпръ, а отдѣльныя вѣтви простирались, съ одной стороны, до Азовскаго моря, съ другой—до Днѣстра или до предѣловъ древней Дакіи. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр. онъ находился еще на степени кочеваго или полукочеваго быта; въ тѣ времена не только часть Славянъ, но и часть Германскихъ племенъ еще не вышла изъ этого быта, что и объясняетъ намъ послѣдующую эпоху, извѣстную подъ именемъ великаго переселенія народовъ, и особенно передвиженіе Готскихъ народовъ отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря до предѣловъ крайняго запада. Но въ теченіе дальнѣйшихъ столѣтій Роксаланское или Русское племя, конечно, все болѣе и болѣе пріобрѣтало привычки быта осѣдлаго, сохраняя однако свой подвижной, предприимчивый характеръ и охоту къ дальнимъ походамъ, на что указываютъ его столеновенія съ Римскимъ міромъ. Тѣ же извѣстія ясно свидѣтельствуютъ о присутствіи у этого племени княжескаго достоинства и знатнаго сословія, отличавшагося на войнѣ болѣе богатымъ вооруженіемъ.

Извѣстна сбивчивость и путаница народныхъ именъ у средневѣковыхъ писателей. Особенно велика эта путаница по отношенію къ народамъ Скиѳіи или Восточной Европы. Одинъ и тотъ же народъ не только въ разныя времена, но иногда въ одну и ту же эпоху является у нихъ подъ различными именами. Такъ, Роксалане въ VI вѣкѣ скрываются у византійскихъ писателей (Прокопія и Маврикія) преимущественно подъ именемъ Антовъ, не говоря о болѣе общихъ именахъ—Скиѳовъ и Сарматовъ, которыя долго еще не выходили изъ употребленія. Относительно византійскихъ писателей естественно забвеніе имени Роксаланъ, ибо они никогда его и не употребляли въ этой сложной формѣ; она встрѣчается болѣе у латинскихъ писателей; но и тотъ же Іорнандъ, перечисляя народы Скиѳіи, забываетъ о Роксалапахъ, а на мѣстѣ ихъ ставитъ Антовъ. Однако названіе Роксалане, вопреки мнѣнію норманской школы, не исчезло изъ исторіи послѣдующихъ вѣковъ. Мы его встрѣчаемъ въ IX вѣкѣ, и опять у латинскаго писателя, именно у географа Равеннскаго. Опъ два раза

упоминаетъ въ восточной Европѣ страну Роксаланъ, за которою, далеко къ океану, лежитъ великій островъ Скиеія или Скандза, то есть, Скандинавія. (L. I. с. 12 и L. IV. с. 4.).

Точно также, вопреки норманской школы, народное имя *Русь* или *Рось*, вмѣсто своей сложной формы Рось-Алане, упоминается нѣкоторыми источниками по отношенію къ южной Россіи ранѣе второй половины IX вѣка, то-есть, эпохи мнимаго призванія Варяговъ-Руси изъ-за моря. Уже Иорнандъ употребляетъ эту простую форму (ибо его *Rocas* есть ничто иное какъ *Rox* или *Ross*); далѣе, мы видѣли ее, по поводу народа Рось и Русскаго каганата, въ Бертинскихъ лѣтописяхъ. Ту же простую, несложную форму употребляетъ географъ Баварскій, который на ряду съ Угличами (*Unlizi*) и Казарами (*Ca-zigi*) помѣщаетъ и Русь (*Ruzzi*). Сюда же можно отнести и *рускія* хеландіи 774 года у византійскаго историка Теофана, писавшаго въ началѣ IX вѣка, хотя норманская школа эти русскія хеландіи и обратила въ безсмысленныя *красныя* хеландіи ¹⁾. Упоминаніе о туземномъ

¹⁾ Замѣчательно, къ какимъ натяжкамъ и произвольнымъ выводамъ приходили иногда даже наиболее ученые и добросовѣстные представители этой школы, принимавъ за несомнѣнный историческій фактъ басню о призваніи изъ-за моря небывалаго народа Варягоруссовъ. Такъ, Шафарикъ, опредѣляя эпоху замѣтокъ Баварскаго географа, говоритъ, что онѣ написаны не ранѣе 866 года (Славян. Древн., т. II, кн. 3). И чѣмъ же онъ при этомъ руководствуется? Тѣмъ, что въ нихъ упоминается Русь; а она-де только въ 862 году призвана, и следовательно, только въ 866 году могла сдѣлаться извѣстною на западѣ изъ окружающаго посланія патріарха Фотія. Такимъ образомъ, въ наукѣ было время, когда не басня о призваніи подвергалась исторической критикѣ, а на оборотъ, историческія свидѣтельства провѣрялись на основаніи этой басни! Точно также гадательныя и нѣкоторые другія соображенія Шафарика о времени Баварскаго географа (напримѣръ, его соображенія о Печенѣгахъ). По нѣкоторымъ признакамъ, напротивъ, эпоху Баварскаго географа едва ли можно относить поздне первой половины IX вѣка. (Въ этомъ убѣждаетъ, между прочимъ, соседство Болгаръ съ Нѣмцами въ Панноніи). Подобный приемъ употреблялъ г. Кунникъ по отношенію къ другому географу, Равеннскому. Шафарикъ, на его счетъ замѣтилъ, что онъ жилъ около 866 г. «а можетъ быть, и нѣсколько прежде». А г. Кунникъ прямо поясняетъ, что онъ не могъ писать ранѣе второй половины IX вѣка, ибо у него упоминается о Русскомъ государствѣ. (Если онъ писалъ именно въ эту эпоху, то какой былъ бы отличный случай упомянуть о переходѣ Руси изъ Скандинавіи! Однако онъ не сдѣлалъ на то ни малѣйшаго намёка). Равеннскій анонимъ употребляетъ при этомъ вмѣсто Руси ея сложное названіе «Роксалане»; по словамъ г. Кунника это только пустое подражаніе древнимъ писателямъ. Роксаланскій народъ, по его мнѣнію, съ появленіемъ Гунновъ «печетъ изъ исторіи». Доказательствомъ того, что Роксалане не Русь, и

народѣ Русь, подъ этимъ ея именемъ, встрѣчается также у арабскихъ писателей второй половины IX вѣка, именно у Хордадбега и Табарі¹⁾.

Въ теченіе восьми вѣковъ, протекавшихъ отъ Страбона до извѣстія

что они исчезли, г. Куникъ посвятилъ цѣлое особое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: *Pseudorussische Roxalannen und ihre angebliche Herrschaft in Gardarik. Ein Notum gegen Jacob Grimm und die Herausgeber der Antiquités Russes. (Bulletin hist. phil. de l'Acad. des Sciences, t. VII, № 18—23)*. Да проститъ намъ авторъ, но мы находимъ, что доказательства эти состоятъ изъ ряда всякаго рода историческихъ, этнографическихъ и этимологическихъ натяжекъ и предположеній, весьма гадательныхъ и сбивчивыхъ. Между прочимъ, главнымъ признакомъ того, что Роксаланы были не арійское, а какое-то монгольское племя, выставляются извѣстія о ихъ кочевомъ бытѣ и конныхъ набѣгахъ. Но какой же изъ арійскихъ народовъ не прошелъ черезъ кочевой бытъ? У какого народа, окруженаго отчасти степною природою, не играли главную роль стада и табуны въ извѣстномъ періодѣ его развитія? Авторъ этого изслѣдованія вообще держится теоріи исчезанія народовъ, которая основана на исчезаніи именъ. Такимъ образомъ, многіе народы Скивіи будто бы уничтожились вмѣстѣ съ пропажею ихъ именъ. Мы уже достаточно разсуждали о томъ, что мѣняются и путаются имена въ историческихъ источникахъ, а народы остаются по большей части тѣ же. Въ противномъ случаѣ, племена Антовъ еще скорѣе Роксаланъ исчезли съ лица земли, потому что имя ихъ, столь часто упоминаемое у писателей VI вѣка, потому пропадаетъ; по крайней мѣрѣ, въ этой формѣ оно почти не встрѣчается у писателей позднѣйшихъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что упомянутое изслѣдованіе г. Куника относится еще къ эпохѣ 40-хъ годовъ, къ эпохѣ его *Die Berufung der Schwedischen Rotsen*, то-есть, къ періоду увлеченія и полнаго господства норманской школы. Дальнѣйшія произведенія этого многоуважаемаго и добросовѣстнаго ученаго показали, что онъ не принадлежитъ къ крайнимъ норманистамъ, и что для него на первомъ планѣ — исканіе исторической истины.

¹⁾ Чтобы объяснить подобныя извѣстія, норманисты предполагаютъ невозможное: будто Русь, въ 860-хъ годахъ пришедшая изъ Скандинавіи, въ нѣсколько лѣтъ могла распространить свое имя и свои колоніи на всю юго-восточную Европу до самой нижней Волги, гдѣ тотчасъ же онѣ сдѣлались извѣстны Арабамъ. Подобное предположеніе еще менѣе научно, чѣмъ то, по которому западная Европа о существованіи народа Русь въ южной Россіи узнала только въ 866 г. изъ окружнаго посланія патріарха Фотія. А какъ не скоро доходили до Арабовъ извѣстія не только изъ Россіи, но и съ ближайшихъ къ нимъ береговъ Каспійскаго моря, показываетъ слѣдующій примѣръ: Масуди въ своихъ «Золотыхъ Дугахъ» повѣствуетъ о русскомъ походѣ 913 года въ Каспійское море и прибавляетъ, что послѣ того Руссы не нападали болѣе на эти страны. Онъ не зналъ еще объ ихъ походѣ 943 года, хотя книгу свою закончилъ нѣсколькими годами спустя послѣ этого вторичнаго нашествія, и слѣдовательно, имѣлъ довольно времени исправить ошибку. (См. *Relations etc. par Charmay, 300*).

Бертинскихъ лѣтописей, Роксаланскій или Русскій народъ пережилъ, конечно, много испытаній и много перемѣнъ. Онъ выдержалъ напоры разныхъ народовъ и отстоялъ свою землю и свою самобытность, хотя и не разъ подвергался временной зависимости, напримѣръ, отъ Готовъ, Гунновъ и отчасти отъ Аваръ. Не одни чужія племена вступали съ нимъ въ борьбу и иногда угнетали его; сосѣднія славянскія племена также воевали съ нимъ за земли, за добычу, за дань. Особенно сильныя столкновенія онъ долженъ былъ выдерживать съ племенами Болгарскими, которыя въ V вѣкѣ, то-есть, послѣ изгнанія Остроготовъ изъ южной Россіи, широко распространились по Черноморскимъ краямъ отъ Тавриды до Дуная. Но рано или поздно, мужественный, упругій Роксаланскій народъ бралъ верхъ надъ туземными и пришлыми сосѣдями. Главная его масса мало по малу сосредоточилась на среднемъ теченіи Днѣпра, къ сѣверу отъ пороговъ, въ краю, обильномъ цвѣтущими полями, рощами и текучими водами, въ сторонѣ отъ южныхъ степей, слишкомъ открытыхъ вторженію кочевыхъ народовъ. Въ этомъ краю онъ построилъ себѣ крѣпкіе города и положилъ начало государственному быту съ помощью своихъ родовыхъ князей, изъ которыхъ возвысился надъ другими родъ Кіевскій. Здѣсь Русь развила свою способность къ политической организаціи. Отсюда, изъ этого средоточія, посредствомъ своихъ дружинъ, она постепенно распространяла свою объединительную дѣятельность на родственныя ей племена восточныхъ Славянъ; разумѣется, объединеніе это долгое время совершалось въ первобытной формѣ, то-есть, въ формѣ дани. Какъ одно изъ наиболѣе даровитыхъ и предприимчивыхъ арійскихъ племенъ, Русь съ одинаковымъ успѣхомъ предавалась мирнымъ и воинственнымъ занятіямъ, грабежу и торговлѣ, сухопутнымъ и морскимъ предпріятіямъ; дружинники русскіе съ одинаковою отвагою владѣли конемъ и лодкою, мечомъ и парусомъ. Ихъ смѣлые судовые походы по рѣкамъ и морямъ не замедлили сдѣлать громкимъ русское имя на востокѣ и на западѣ.

Но возвратимся къ русскому посольству 839 года, и спросимъ: кто были тѣ жестокіе варварскіе народы, которые въ эту эпоху препятствовали сношеніямъ Кіевской Руси съ Византіей?

Безъ всякаго сомнѣнія, это были, во первыхъ, Хазары, а во вторыхъ, соплеменники настоящихъ Гунновъ, по ихъ слѣдамъ подвигавшіеся къ Черноморью изъ степей задонскихъ, то-есть, Угры или Маѣяры. Мы видѣли, что часть угорскихъ кочевыхъ ордъ была покорена Турками въ VI вѣкѣ, а другая часть ушла на западъ и потомъ

явилась на Дунаѣ въ соединеніи съ Аварами. За хазарскими Турками явились, по сю сторону Урала, другія турецкія орды, именно Печенѣги; эти послѣдніе и потѣснили Угровъ волжскихъ. Случилось то же, что и всегда происходило при подобныхъ движеніяхъ въ степяхъ юго-восточной Европы: часть волжскихъ Угровъ смѣнила хазарскую зависимость на печенѣжскую; а другая, и вѣроятно, еще большая часть передвинулась далѣе на западъ по пути, давно проложенному ея соплеменниками, то-есть, въ степи черноморскія. Судя по извѣстію о построеніи Саркела, Печенѣги въ первой половинѣ IX вѣка уже находились въ степяхъ придонскихъ; стало быть, послѣднее передвиженіе Угровъ въ западное Черноморье совершилось не позднѣе конца VIII вѣка. И дѣйствительно, въ той же первой половинѣ IX вѣка мы встрѣчаемъ ихъ тамъ, по свидѣтельству византійскихъ писателей (именно Льва Грамматика и Георгія Мниха). Македонскіе плѣнники, поселенные болгарскимъ царемъ Крумомъ на сѣверной сторонѣ Дуная, вздумали бѣжать отсюда съ помощью греческихъ кораблей. Такъ какъ главныя силы Болгаръ въ то время воевали Солунскую область, то Болгарскій царь Владиміръ пригласилъ на помощь Угровъ (которыхъ Византійцы при этомъ называютъ и Гуннами, и Турками). Угры явились въ большомъ числѣ на берега Дуная, однако не помѣшались бѣгству Македонянъ. А это событіе происходило въ эпоху императора Теофила (829—842 гг.), то-есть, именно въ эпоху упомянутого выше посольства Днѣпровской или Кіевской Руси къ этому императору ¹⁾.

Извѣстіе о русскомъ посольствѣ къ Теофилу, сохраненное намъ Бертинскими лѣтописями, есть драгоценный лучъ свѣта, прорѣзывающій тотъ мракъ, который покрываетъ судьбы Руси передъ ея грознымъ появленіемъ подъ стѣнами Константинополя въ 865 году. Это извѣстіе, несомнѣнно указывающее на существованіе Днѣпровско-Русскаго княжества и на его мирныя сношенія съ Византіей уже въ первой половинѣ IX вѣка, находится въ полномъ согласіи съ послѣдующимъ свидѣтельствомъ патріарха Фотія о Руси 865 года. Онъ

¹⁾ Вотъ еще явное доказательство произвольной хронологіи въ нашей начальной лѣтописи. Она помѣщаетъ пришествіе Черныхъ Угровъ въ южную Россію подъ 898 годомъ и ошибается при этомъ по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе. (Ранѣе означеннаго года Угры явились уже въ Панноніи). По всей вѣроятности, наши книжники извѣстіе Византійцевъ о войнѣ съ Уграми Симеона Болгарскаго истолковали въ смыслъ перваго пришествія Черныхъ Угровъ. А между тѣмъ исторіографія наша принимала на вѣру эту хронологію и пыталась согласить ее съ событіями!

говорить, что „варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе ихъ соплеменниковъ; они благословно требовали и ожидали кары, равной злодѣянію“. И въ другомъ мѣстѣ: „Ихъ привелъ къ намъ гнѣвъ ихъ, но, какъ мы видѣли, Божья милость отвратила ихъ набѣгъ“. (Четыре бесѣды Фотія—архим. *Порфирія Успенскаго*). Изъ этихъ словъ можно понять, что нападенію Руси предшествовали ея посольскія и торговыя сношенія съ Византіей, и не только сношенія, но и договоры (ибо извѣстные договоры Олега и Игоря являются только продолженіемъ прежнихъ). Ясно, что какое-то умерщвленіе Русскихъ людей въ Греціи вызвало набѣгъ Руси на Константинополь.

Подобно латинскому извѣстію о русскомъ посольствѣ 839 года, византійское свидѣтельство о построеніи Саркела также бросаетъ нѣкоторый лучъ свѣта на русскую исторію того времени. Это свидѣтельство устраняетъ нашу лѣтописную басню объ Аскольдѣ и Дирѣ, освободившихъ Кіевъ отъ хазарской дани; ибо оно показываетъ, что уже въ первой половинѣ IX вѣка границею Хазарскаго государства на сѣверѣ было нижнее теченіе Дона и Волги, и что Хазары стараются съ этой стороны защитить себя отъ нападеній другихъ народовъ, именно Печенѣговъ и Руси. Очевидно, лѣтописное преданіе или, какъ мы замѣтили, смѣшивало Турко-Хазаръ съ Аварами, или спутывало Днѣпровскую Русь съ Русью Тмутараканскою, собственно Болгарскою, которая дѣйствительно находилась въ зависимости отъ Хазаръ. Точно также невѣроятны извѣстія лѣтописи о хазарской дани у Радимичей, Сѣверянъ и Вятичей, если принять въ разчетъ географическое ихъ положеніе. Но вопросъ нѣсколько измѣняется, если названія двухъ послѣднихъ племенъ пріймемъ въ болѣе обширномъ значеніи, нежели какое онѣ имѣютъ у нашихъ лѣтописцевъ. Извѣстно, что наша Севера есть то же, что Сервы или Сербы, имя, когда-то бывшее не видовымъ, а родовымъ названіемъ для значительной части Славянскихъ племенъ. Точно также и названіе Вятичи есть только видоизмѣненіе другаго родоваго имени, то-есть, Антовъ или Вантовъ, Влтовъ (Венетовъ). А „безчисленные“ племена Антовъ, какъ замѣчаетъ Прокопій, соприкасались своими жилищами на югѣ съ таврическими и кубанскими Гуннами, (то-есть), Болгарами¹⁾.

¹⁾ Что касается до Сѣверянъ, то довольно трудно провести границу между этою славянскою вѣтвью и тѣми Гуннами Савирами, о которыхъ повѣствуютъ византійскіе писатели. Выше мы замѣтили, что этихъ Савировъ или Авировъ можно отождествлять съ Аварами. Но можно также ихъ и раздѣлять, какъ раз-

Вообще, Славянскія племена въ тѣ времена далеко распространились на юго-востокъ, до самаго Кавказа и нижней Волги. Только въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ многократнымъ наплывомъ кочевыхъ ордъ, начиная съ Гунновъ и кончая Татарами, юговосточныя вѣтви Славянъ были отторгнуты отъ своихъ соплеменниковъ и впоследствии утратили свою народность. Но въ эпоху, о которой идетъ

рѣшаютъ Прискъ и Θεοφιλактѣ, которые упоминаютъ о нападеніи Аваровъ на Савировъ. Византійскіе писатели, причисляющіе Савировъ къ Гуннамъ, суть преимущественно тѣ же самые, которые Гуннами называютъ и славянскихъ Болгаръ, то-есть, Прокопій, Агаѣй и Менаандръ. Иорнандъ также относитъ къ Гуннамъ Савировъ или Авировъ на ряду съ азовскими Болгарами. Прокопій говоритъ, что «Савиры, народъ гунскій, обитаютъ около Кавказа», что они «очень многочисленны, чрезвычайно воинственны и раздѣлены на многія княжества». Агаѣй также отзывается о нихъ, какъ о народѣ весьма многочисленномъ и очень опытнымъ въ войнѣ и грабежахъ. По его извѣстію, въ 556 г. въ римскомъ войскѣ, защищавшемъ закавказскія владѣнія отъ Персовъ, участвовало около 2.000 тяжело-вооруженныхъ Савировъ подъ начальствомъ трехъ знаменитѣйшихъ вождей—Балмаха, Кутильгиза и Илигера. А эти имена едва ли могутъ быть признаны за чисто гунскія, то-есть, угро-финскія, особенно послѣднее: оно весьма близко отзывается древне-русскимъ Елгъ (Олегъ), литовскимъ—Олегердъ и болгарскимъ—Вульгеръ (который встрѣчается въ томъ же VI вѣкѣ какъ предводитель Болгаръ, вторгшихся въ Мизию. См. у Θεοφана и Анастасія). По извѣстію Θεοφана, у Савировъ кавказскихъ была княгиня Боарисъ или Боариксъ, которая наследуетъ своему мужу Балаху, является также союзницей императора Юстиніана I въ его войнахъ съ Персами и сама предводительствуетъ войскомъ. Имя ея, по всей вѣроятности, одного корня съ славяно-русскимъ Борисъ или Богорисъ. Не забудемъ при этомъ, что Кавказскіе края въ древности почитались родиною Амазонокъ. Названіе Савиры или Савары слышится также въ древнемъ названіи Савароматы или Савроматы; а этотъ народъ былъ извѣстенъ своими воинственными женщинами, и по мнѣнію древнихъ, велъ происхожденіе отъ Скинозовъ, сочетавшихся съ Амазонками.

Вообще, трудно найти гдѣ-либо болѣе сбивчивую и запутанную массу народныхъ именъ сравнительно съ именами тѣхъ народовъ, которые вышли изъ странъ Прикавказскихъ. Какъ подъ именемъ Савировъ могутъ скрываться равно и наши Сѣверяне, и Черкесы Авары, такъ, напримѣръ, и имя Аланъ когда-то распространялось на разные народы, о чемъ прямо говоритъ Амміанъ Марцелинъ въ IV вѣкѣ; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что въ его время подъ этимъ именемъ скрывались, между прочимъ, и вождско-кубанскіе Болгаре. Въ послѣдствіи оно сосредоточилось преимущественно на одномъ кавказскомъ племени, остатки котораго мы узнаемъ въ современныхъ Осетинахъ (Ясы нашихъ лѣтописей). Исследования етнологовъ (особенно Шёгрена) показали, что это послѣднее племя принадлежитъ къ арійской семьѣ, именно къ группѣ сармато-индійскихъ народовъ, которая, по видимому, была родственна, съ одной стороны, съ группою германо-славяно-литовскою, а съ другой—съ языками иранскими.

рѣчь, часть этихъ Славянъ дѣйствительно входила въ предѣлы Хазарскаго государства. О томъ въ особенности свидѣлствуютъ арабскія извѣстія. Въ этихъ извѣстіяхъ Донъ и Волга нерѣдко встрѣчаются подъ именемъ „Славянской рѣки“. Баладури, писатель IX вѣка, говоритъ, что арабскій полководецъ Мерванъ, во время набѣга на Хазарію, взялъ въ плѣнъ 20.000 Славянъ, которыхъ поселилъ за Кавказомъ; а такая цифра ясно указываетъ на присутствіе многочисленнаго славянскаго населенія въ предѣлахъ Хазарскаго государства. Масуди прямо говоритъ, что нѣкоторые племена изычниковъ, обитающихъ въ землѣ хазарскаго царя, суть Славяне и Руссы, что изъ нихъ набираются отряды въ его войско, и что они населяютъ цѣлую часть его столичнаго города Итиля.

Д. Иловайскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1875.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1875.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Сношенія Россіи съ Европейскими держа-
вами предъ отечественною войною 1812
года. . . . . А. Н. Попова.

Болгаре и Русь на Азовскомъ Поморьѣ. . . Д. И. Иловайскаго.

Варяго-русская и варяго-англійская дру-
жина въ Константинополѣ XI и XII
вѣковъ . . . . . В. Г. Васильевскаго.

Бритика и библіографія:

Очерки русской исторической географіи. Географія
начальной лѣтописи. Изслѣдованіе Н. И. Бар-
сова. Варшавы, 1873 г. . . . . Е. Е. Замысловскаго.
Отвѣтъ г. Свѣтлану. . . . . М. И. Владиславлева.

Замѣтки по поводу первыхъ уроковъ гре-
ческаго языка . . . . . В. Боголюбова.

Начальные уроки рисованія и черченія. . Шумскаго.

Обозрѣніе дѣятельности министерства на-
роднаго просвѣщенія за 1874 годъ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) высшія учи-
лища б) низшія училища.

Отдѣлъ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обѣтки.)

БОЛГАРЕ И РУСЬ НА АЗОВСКОМЪ ПОМОРЬѢ ¹⁾.

VI.

Судовой путь изъ Кіева въ Азовское море и связи Днѣпровской Руси съ Боспорскимъ краемъ. — Угличи и Тиверцы суть племена Волгарскія. — Черная Болгарія и ея тожество съ третьею группою Руссовъ у арабскихъ писателей.

Сблизивъ, при помощи хронологіи и другихъ обстоятельствъ, построение Саркела съ извѣстіемъ о Руси Бертинскихъ лѣтописей, мы подходимъ къ уясненію исторической связи между Русью Днѣпровскою и тѣмъ краемъ, который является потомъ подъ именемъ Тмутраканскаго княжества. До прихода Печенѣжскихъ ордъ въ Черноморскія степи племена Антовъ, по всѣмъ признакамъ, еще жили почти сплошь отъ Днѣпра до Азовскаго моря. Последнее еще долго потомъ, до Половцевъ или даже до Татаръ, не было обнажено отъ славянорусскихъ поселеній на сѣверозападныхъ его берегахъ и славяноболгарскихъ—на юговосточныхъ. Если обратимъ вниманіе на положительное извѣстіе Масуди о томъ, что Руссы живутъ на одномъ изъ береговъ Русскаго моря, на которомъ никто, кромѣ ихъ, не плаваетъ, и если подъ этимъ моремъ признаемъ преимущественно Азовское (ибо о Черномъ никакъ нельзя было сказать того же), то убѣдимся, что еще въ X вѣкѣ Русь сохранила свои поселенія на Азовскомъ побережьи и свою связь съ этимъ побережьемъ. Эта связь объяснить намъ многое въ начальной исторіи нашего государства. Обыкновенно думали, что Кіевская Русь сообщалась съ Тмутраканью и ходила въ Азовское море Днѣпромъ и Чернымъ моремъ, то-есть, вокругъ Таврическаго полуострова. Такое мнѣніе не выдерживаетъ

---

¹⁾ Окончаніе. См. ильварскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875 г.

болѣе тщательнаго разсмотрѣнія обстоятельствъ. Наша исторіографія, очевидно, увлекалась картиннымъ описаніемъ плаванія Руси въ Византію у Константина Багрянороднаго. Исторіографія доселѣ не задала себѣ простаго вопроса: Константинъ описываетъ только путешествіе въ Грецію, а какимъ способомъ Русь возвращалась назадъ въ Кіевъ? Если плаваніе сквозь пороги внизъ по Днѣпру было сопряжено съ такими трудностями, то какъ же оно могло совершаться вверхъ, противъ теченія? Чтобы Руссы переволакивали свои ладьи по-суху мимо всѣхъ пороговъ, то-есть, на разстояніи 70-ти или 80-ти верстъ, это совершенно не вѣроятно. Изъ описанія Константина видно, что когда они плыли внизъ, то большею частію и не вытаскивали своихъ лодокъ на берегъ, а проводили ихъ у самаго берега по мелкому каменистому дну или спускали по быстринѣ. Притомъ Константинъ описываетъ собственно торговый караванъ; а какъ совершалось плаваніе военнаго флота въ нѣсколько сотъ и даже тысячъ ладей, отправлявшагося грабить берега Чернаго или Каспійскаго морей, и какъ онъ возвращался домой, этого не объясняетъ намъ прямо ни одинъ источникъ.

Не было ли еще какаго пути изъ Кіева въ Азовское море?

Такой путь дѣйствительно былъ. На него указываетъ Бопланъ въ своемъ описаніи Украйны. Разказывая о возвращеніи Запорожцевъ изъ своихъ походовъ по Черному морю, онъ поясняетъ, что кромѣ Днѣпра, у нихъ была и другая дорога изъ Чернаго моря въ Запорожье, а именно: Керченскимъ проливомъ, Азовскимъ моремъ и рѣкою Міусомъ; отъ послѣдняго они около мили идутъ волокомъ въ Тачаводу (Волчью Воду?), изъ нея въ Самару, а изъ Самары въ Днѣпръ. Въ настоящее время такія степныя рѣки, какъ Міусъ или Волчья Вода, не судоходны. Но онѣ, какъ видимъ, были судоходны еще въ XVII вѣкѣ. Судя по Боплану, пространство между Днѣпромъ, Самарой и Міусомъ въ его время еще было обильно остатками большихъ лѣсовъ. Въ XIII вѣкѣ Рубрукъ, описывая свое путешествіе къ Татарамъ, также говоритъ о большомъ лѣсѣ на западъ отъ рѣки Дона. Отсюда можно заключить, какіе густые лѣса росли здѣсь въ болѣе глубокой древности; а они-то и обуславливали значительную массу воды въ рѣкахъ этого края. Особенно въ полную воду судоходство могло совершаться безпрепятственно, и самый волокъ между Волчею Водой и какимъ-либо ближнимъ притокомъ Міуса или Калміуса, по всей вѣроятности, покрывался водою.

Нѣтъ ли указаній на этотъ путь въ древнѣйшихъ источникахъ Русской исторіи?

Есть. Тотъ же Константинъ Багрянородный, въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей“, говоритъ: „Къ сѣверу Печенѣги имѣютъ рѣку Днѣпръ, изъ котораго Руссы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію“. Очевидно, авторъ имѣлъ только общее свѣдѣніе объ этомъ пути и не зналъ его такъ отчетливо, какъ путь Днѣпровскій или Греческій; однако указаніе это для насъ очень важно. Прежде затруднялись, куда отнести эту Черную Болгарію. Но для насъ ясно, что тутъ рѣчь идетъ о Болгарахъ Таврическо-Таманскихъ, сосѣднихъ съ Хазарами. Сирія также запутываетъ это свѣдѣтельство, если подъ нею разумѣть известную страну, лежащую къ югу отъ Малой Азіи. Но чтобы достигнуть ея на судахъ, надобно было плыть мимо Константинополя въ Мраморное море и т. д., о чемъ нѣтъ никакого помину. Поэтому толкованіе Савельева („Мухамеданская нумизматика“), что тутъ подъ Сиріей разумѣется Ширванъ, довольно вѣроятно. Это толкованіе согласуется съ походами Руссовъ изъ Азовскаго моря Дономъ и Волгою въ Каспійское, о которомъ разказываютъ арабскіе писатели ¹⁾. Далѣе, въ томъ же Х-мъ вѣкѣ, кромѣ Константина Багрянороднаго, мы имѣемъ и другое византійское указаніе на азовско-днѣпровскій путь. У Льва Діакона сказано, что Игорь послѣ своего пораженія у береговъ Малой Азіи съ оставшимися десятью судами отплылъ въ Боспоръ Киммерійскій. Если бы не существовало означеннаго пути, то зачѣмъ было ему плыть къ Таврическому проливу, а не къ Днѣпровскому устью?

Наконецъ въ русскихъ лѣтописяхъ есть намекъ на то же сообщеніе, именно тамъ, гдѣ говорится о путяхъ *Солоню* и *Зиполоню* (Ипат. лѣт. подъ 1170 г.). Профессоръ Брунъ въ прекрасной своей статьѣ „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море“ (*Записки Одесск. Общ.*, т. V) весьма удовлетворительно разъясняетъ, что пути эти шли изъ Днѣпра къ солянымъ озерамъ Перекопскимъ, Геничскимъ и Бердянскимъ по рѣкамъ Молочной, Калміусу и Міусу. Одну изъ послѣднихъ, по его мнѣнію, весьма вѣроятному, должно подразумевать подъ именемъ „Русской рѣки“ у Эдрисы, арабскаго писа-

¹⁾ Можетъ быть, это—та страна, которая въ арабскихъ извѣстіяхъ встрѣчается подъ именемъ Сериръ, въ сосѣдствѣ съ Хазаріей (Альбалахи, Истахри и Ибнъ-Хаукаръ). Впрочемъ, еще вѣроятнѣе, что здѣсь вмѣсто *Сиріа* надобно читать *Зихія* (такъ читаетъ г. Куникъ); а эта область сосѣдила съ Таманью.

теля XII вѣка, и на генуэзскихъ картахъ XIV и XV столѣтій. То же судоходное сообщеніе, по словамъ г. Бруна, объясняетъ и заблужденіе нѣкоторыхъ средневѣковыхъ географовъ, которые думали, что Днѣпръ однимъ рукавомъ изливается въ Черное море, а другимъ въ Азовское.

Такимъ образомъ для насъ становятся понятны связи Киевской Руси съ Тмутраканью. Кромѣ судоваго сообщенія, было, конечно, и сухопутное, существовавшее особенно въ зимнее время и необходимое для конныхъ дружинъ. (Для примѣра напомнимъ вспомогательную черкесскую конницу, приведенную Мстиславомъ Чернымъ на берега Днѣпра противъ своего брата Ярославъ). Оно совершалось также при помощи Арабатской стрѣлки, какъ правдоподобно толкуетъ г. Брунъ, указывая на путешествіе равнина Петахія въ XII вѣкѣ. О сухопутномъ сообщеніи между Днѣпромъ и побережьемъ Азовскаго моря свидѣлствуетъ и знаменитый походъ нашихъ князей въ 1224 году: переправившись за Днѣпръ около Хортицы, они восемь или девять дней шли потомъ до береговъ Калки (Калміуса), гдѣ произошла несчастная битва съ Татарами. Если въ XIII вѣкѣ Русскія дружины хорошо знали пути къ Азовскому морю, то тѣмъ болѣе послѣдніе были имъ извѣстны въ древнѣйшую эпоху, когда кочевныя орды еще не успѣли оттѣснить ихъ отъ этого моря; судя по извѣстіямъ Арабовъ, значительныя русскія поселенія находились здѣсь несомнѣнно еще въ X вѣкѣ. Если бы не свидѣтельство Масуди о томъ, что Русь живетъ на берегахъ Русскаго моря и на немъ господствуетъ, то намъ трудно было бы и объяснить ея морскія предпріятія, торговныя и военныя, за которыми можно слѣдить отъ IX до XII вѣка включительно, то-есть, до той эпохи, когда она была совершенно оттерта отъ морскаго побережья. Иначе нельзя было бы понять, почему Киевская Русь въ IX и X вѣкахъ является смѣлымъ мореходнымъ племенемъ, и какимъ образомъ она могла объединить подъ своимъ господствомъ такія славянскія племена, какъ Кубанскихъ и Таврическихъ Болгаръ, обитавшихъ за моремъ. Жительство на берегахъ Азовскаго моря и исконныя связи Киевскаго края съ этими берегами устраняютъ и самый вопросъ о томъ, когда начались сношенія Днѣпровской Руси съ Азовско-Черноморскими Болгарами. Напомнимъ извѣстіе Прокопія, что къ сѣверу отъ Гунновъ-Утургуровъ живутъ племена Антовъ; слѣдовательно, уже въ VI вѣкѣ мы видимъ Болгаръ сосѣдями Руси. Отъ VI до IX вѣка въ ея положеніи еще не произошло большихъ перемѣнъ; движеніе Аваръ и Угровъ хотя и внесло новыя этнографиче-

скіе элементы въ край, заключенный между Днѣпромъ, Азовскимъ и Чернымъ моремъ, но 'главная масса этихъ 'народовъ передвинулась далѣе на западъ въ Придунайскую равнину.

Многочисленный Болгарскій народъ во время движенія къ Дунаю оставилъ значительную часть своихъ племенъ въ южной Россіи, на пространствѣ между Азовскимъ моремъ и Дунаемъ. У писателей VI вѣка (Прокопія и Агаѳіа) мы встрѣчаемъ здѣсь поселенія Утургуровъ и Кутургуровъ; а болѣе поздніе писатели (Феофанъ и Никифоръ), въ извѣстной легендѣ о раздѣлѣ сыновей Куврата, отнесли это пространство къ удѣламъ его втораго сына Котрага и третьаго Аспаруха. Котрагъ занялъ мѣсто на западъ отъ рѣки Дона и Азовскаго моря, противъ части старшаго брата Батбая, оставшагося на родинѣ, то-есть, за Азовскимъ моремъ. Мы уже говорили, что эта легенда произошла изъ попытки объяснить широкое разселеніе болгарскаго семейства. (*Русскій Архивъ*, 1874, № 7.) Затѣмъ, сближая разныя извѣстія, приходимъ къ тому выводу, что приводимыя нашею начальною лѣтописью самыя южныя славянскія племена, сидѣвшія по Днѣстру къ Дунаю до самаго моря, Улучи и Тиверци, были именно племена болгарскія. Лѣтопись замѣчаетъ, что племена эти (собственно мѣсто ихъ жительства) у Грековъ назывались *Великая Скувъ*. Только предѣлы имъ она назначаетъ слишкомъ тѣсныя, такъ какъ онѣ, по всѣмъ признакамъ, отъ Днѣстра сидѣли не только къ западу до Дуная, но и къ востоку до Днѣпра или до Азовскаго моря. Улучи, съ ихъ вариантами Умичи, Улутичи и Лутичи, обыкновенно отождествляются, и совершенно справедливо, съ народомъ Уличчи, у баварскаго географа Unlizi, у Константина Багрянороднаго Οὐλτινισι. Константинъ причисляетъ Ультиновъ къ тѣмъ славянскимъ племенамъ, которыя платили дань Руси. Восходя къ болѣе раннимъ источникамъ, мы встрѣчаемъ тѣхъ же Ультиновъ въ VI вѣкѣ у Агаѳіа, только съ обычнымъ въ то время окончаніемъ на *иуры* или *зуры*, а именно *Ультинзурь* (Οὐλτινζουροι). Агаѳіѣ приводитъ ихъ какъ подраздѣленіе Гуннскаго племени вмѣстѣ съ Котригурами, Утригурами и Буругундами; а подъ Гуннами у него являются никто другой какъ Болгаре. У старшаго Агаѳіева современника Йорпанда встрѣчаемъ тѣхъ же Ультинзуровъ, но подъ вариантомъ *Ульцимуровъ* (Ulzipigures); онъ приводитъ ихъ въ числѣ народовъ подвластныхъ Гуннамъ (сар. LIII). Что наши южныя Угличи были племена Болгарскія, подтверждаетъ также упомянутая выше легенда. Она повѣствуетъ, что Аспарухова часть пришла на Дунай отъ рѣки или отъ мѣстности,

которая „на ихъ языкѣ“ (то-есть, на болгарскомъ) называется *Онимъ* или *Оломъ* (то-есть, Унгуль или Ингуль, а безъ носоваго звука—*Уюлъ*).

Что касается до Тиверцевъ, то въ прежнихъ своихъ статьяхъ мы уже отождествляли это названіе съ византійскими *Тавроскиами* (*Русскій Вѣстникъ*, 1871 г., декабрь). Названіе Тавроскиовъ встрѣчается очень рано, именно у греко-латинскихъ писателей II вѣка по Р. Х. Птоломея и Юлія Капитолина. По ихъ свидѣтельству, они жили въ сосѣдствѣ съ Ольвией около полуострова, который назывался „Вѣгъ Ахилла“, то-есть, около Днѣпровскаго лимана и Кинбурнской косы. Какому народу первоначально дано было это имя, положительно сказать нельзя; оно намекаетъ только на смѣсь древнихъ обитателей Крымскаго полуострова или Тавровъ съ сосѣдними Скивами; а подъ этими послѣдними мы разумѣемъ въ тѣхъ мѣстахъ племена готскія и славянскія. У писателей византійскихъ опять встрѣчаемъ то же имя, начиная съ VI вѣка. Именно, Прокопій въ своемъ сочиненіи „О постройкахъ“ говоритъ, что города Херсонъ и Веспоръ лежали за Таврами и Тавроскиами. А въ тѣхъ мѣстахъ, какъ мы доказывали, жили тогда племена Болгарскія. Манасія, писатель XII вѣка, рассказывая о нападеніи Аварскаго кагана на Константинополь, въ числѣ его вспомогательныхъ войскъ упоминаетъ и Тавроскиовъ, вмѣсто которыхъ въ данномъ случаѣ у писателей болѣе раннихъ (напримѣръ, у Теофана) поставлены Болгаре. Эти свидѣтельства заставляютъ насъ предполагать, что Византійцы называли Тавроскиами сначала (приблизительно съ VI вѣка) часть Болгарскаго племени. Но позднѣе это имя перешло на тотъ родственный ему народъ, который завладѣлъ этою частью, то-есть, на Руссовъ. Извѣстно, что подъ именемъ Тавроскиовъ являются они въ X вѣкѣ у Льва Діакона, который замѣчаетъ при этомъ, что на своемъ родномъ языкѣ они называютъ себя *Рось* (а не Тавроскиами). Но въ то же время родиной ихъ онъ считаетъ страну, прилежащую къ Боспору Киммерійскому, — слѣдовательно, или смѣшиваетъ азовскихъ Болгаръ съ господствующимъ тогда у нихъ народомъ, то-есть, съ Русью, или разумѣетъ тутъ вообще Приазовскія края. Между прочимъ, къ Скивамъ или Тавроскиамъ онъ относитъ Ахиллеса (который, по словамъ Арріана, былъ родомъ изъ меотійскаго города Мирмикіона). Какъ на признаки его скинскаго происхожденія, онъ указываетъ на слѣдующія его черты, общія съ Русью: покрой плаща съ пряжкой, привычка сражаться

пѣшымъ, свѣтлорусые волосы, свѣтлые глаза, безумная отвага и жестокой нравъ ¹⁾).

Съ мнѣніемъ объ Ахиллѣ, не забудемъ, былъ связанъ въ особенности полуостровъ, образуемый Днѣпровскимъ лиманомъ и Перекопскимъ заливомъ; полуостровъ этотъ носилъ названіе „Тавроскииѳ“, а примыкающая къ нему Кинбурнская коса называлась „Ахилловымъ Бѣгомъ“ (Geogr. min. dd. *Huds.* T. 11, p. 87. См. *Skythien von Ukert.* 164 ²⁾). Но замѣчательно, что русскіе книжники, сколько извѣстно, не выводили свой народъ отъ Ахилла и его сподвижниковъ, между тѣмъ какъ мнѣніе о подобномъ происхожденіи встрѣчается именно у книжниковъ болгарскихъ. Такъ, въ одномъ болгарскомъ памятникѣ, передающемъ легенды о Троянской войнѣ, читаемъ: „Сій Ахиллеусъ имый воя своя, иже нарицахуся тогда Мурмидонесъ, нынѣ Болгаре и Унну“ (*Калайдовича: „Іоаннъ ексархъ Болгарскій“, 181.* Последнее слово показываетъ, что нѣкоторые болгарскіе книжники причисляли свой народъ къ Уннамъ или Гуннамъ, конечно, въ подражаніе Византійцамъ, отъ которыхъ они заимствовали и мнѣніе о скинскомъ происхожденіи Ахилла). Вообще, сказанія о Троянской войнѣ были любимымъ чтеніемъ у Дунайскихъ Болгаръ ³⁾. Итакъ, по

---

¹⁾ Какъ извѣстія патріарха Фотія и Константина Багрянороднаго, современниковъ легендарнаго Рюрика и историческаго Олега, не дѣлаютъ ни малѣйшаго намѣка на то, чтобы Русь была народомъ не туземнымъ, такъ и приведенное сейчасъ указаніе Льва Діакона, современника Игоря и Святослава, окончательно опровергаетъ басню о призваніи Руси изъ-за моря. Онъ считаетъ Ахилла ея соплеменникомъ, а Руссовъ производитъ отъ тѣхъ Скиновъ, у которыхъ были философы Анахарсисъ и Замолксисъ; по его словамъ, эти философы или товарищи Ахилла научили Руссовъ совершать надъ умершими жертвы и возліанія. Вспоминая о жестокосердіи Ахилла, онъ прибавляетъ, что «Тавроскииѳы и доселѣ обыкновенно рѣшаютъ свои распри убійствомъ и кровью; но что сей народъ отваженъ до безумія, храбръ, силенъ, что нападаетъ на всѣхъ соседственныхъ народовъ, то многіе свидѣлствуютъ и даже божественный Іезекіиль о семъ упоминаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «*Се азъ навожу на тя Гога и Маюга, князя Россъ*» (см. русскаго изданія, стр. 93). Еслибы Русь была не туземнымъ народомъ, а пришлымъ изъ-за Балтійскаго моря, то Левъ Діаконовъ не могъ бы производить ея отъ древнихъ Скиновъ, родиной ея называть страну около Веспора Киммерійскаго и отождествлять ее съ библейскимъ Россъ.

²⁾ Отъ этого Ахиллова Бѣга или *Дрома* византійскіе писатели называли иногда Русь *Дромидами*, какъ то справедливо доказываетъ г. Куникъ.

³⁾ Болгарскіе переводы и передѣлки этихъ сказаній, конечно, переходили потомъ и на Русь, и здѣсь распространялись между людьми книжно образованными. Это обстоятельство наводитъ насъ на мысль, что «вѣщи Трояни» Слова

всѣмъ соображеніямъ, Тавроскинами Византійцы назвали собственно Черноморскихъ Болгаръ, а потомъ уже перенесли это названіе на родственное имъ и покорившее ихъ племя Руссовъ. Послѣдніе не называли себя Тавроскинами, а именемъ подобнымъ, или отъ того же корня происходящимъ называли часть Черноморскихъ Болгаръ, то-есть, Тиверцевъ (собственно Тыричи или Тавричи). Между тѣмъ какъ племя Угличей жило преимущественно между Днѣпромъ и Днѣстромъ, Тиверцы, безъ сомнѣнія, обитали между нижнимъ Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ, и здѣсь ихъ поселенія сходились съ поселеніями Руси или древнихъ Роксаланъ ¹⁾.

Итакъ, связи между Русью, съ одной стороны, и Болгарами Таврическими и Таманскими, съ другой, существовали искони. Но начало русскаго вліянія у этихъ Болгаръ можно приблизительно опре-

---

о полку Игоревъ, пожелай, относятся не къ императору Траяну, а собственно къ Троянской войнѣ. Впрочемъ, могло быть, что воспоминанія о томъ и другомъ перепутывались.

¹⁾ Мы уже замѣтили, что Болгарскія племена, жившія около Нижняго Днѣпра, то-есть, Угличи и Тиверцы, объясняютъ намъ, откуда взялись двѣ параллели въ названіи Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго. Полагаемъ, что это были варианты славяно-русскіе и славяно-болгарскіе (*Русскій Архивъ* 1874 г., № 7). Кстати, по этому поводу, предложимъ еще догадку относительно одного изъ названій пороговъ у Константина, именно *Есуни* (Ἑσούνι), которое объяснялось словомъ «Не спи». Я уже указывалъ на странность подобнаго названія и его несогласіе съ духомъ славянскаго языка (см. *Русскій Вѣстникъ* 1872 г., декабрь). Теперь прибавлю, что, по всей вѣроятности, здѣсь произошло столь обыкновенное осмысленіе слова, котораго первоначальный смыслъ давно утратился, при чемъ воспользовались созвучіемъ. Ключъ къ первоначальному смыслу этого названія, я полагаю, заключается въ извѣстіи Геродота о томъ, что область, лежавшая между Гипанисомъ и Бористеномъ, на границахъ Скиевъ земледѣльцевъ и Алазоновъ, называлась *Ексамтей* (Ἐξαρταῖος), и что это скиевское названіе значило: «Святые пути». Мы видимъ тутъ темное извѣстіе именно о Днѣпровскихъ порогахъ, около которыхъ находилась священная для Скиевъ страна Герросъ. Каменные гряды, преграждающія теченіе Днѣпра, вѣроятно, у туземцевъ были связаны съ мифическимъ представленіемъ о какомъ-либо божествѣ или героѣ, переходившемъ рѣку по этимъ скаламъ, или съ чѣмъ-либо подобнымъ. Слово Ексампи (при сокращенномъ окончаніи) или Ессампи съ утратою носоваго звука (славянскаго Ѣ) должно было произноситься «Есуни». Такъ сначала назывались вообще Днѣпровскіе пороги; а потомъ, когда ихъ стали различать отдѣльными названіями, Есуни осталось за первымъ. Затѣмъ стало его осмысленіе въ формѣ: «Не спи». Еще позднѣе, подъ вліяніемъ этого осмысленія, одинъ изъ пороговъ сталъ называться «Вудило», то-есть, названіемъ, болѣе соотвѣтствующимъ духу языка при данномъ осмысленіи.

дѣлать первую половиною IX вѣка. Построеніе Саркела, имѣвшаго назначеніемъ защищать хазарскіе предѣлы отъ Руси и Печенѣговъ, и посольство русскаго кагана въ Константинополь въ 838—839 гг. могутъ свидѣтельствовать о томъ, что Днѣпровская или Полянская Русь около этого времени значительно подвинула впередъ свое дѣло объединенія восточныхъ Славянъ и выступила на болѣе широкое историческое поприще, такъ что ея имя вскорѣ сдѣлалось знаменитымъ и въ Европѣ, и въ Азіи. Слѣдующее за посольствомъ 839 года византійское извѣстіе о Руси относится уже прямо къ ея нападенію на Царьградъ въ 864—865 гг., нападенію, которое такъ ясно рисуютъ намъ бесѣды Фотія. Въ свою очередь, это нападеніе подтверждаетъ существованіе предварительныхъ связей Руси съ Болгарскими поселеніями на берегахъ Босфора Киммерійскаго; ибо только при такомъ условіи возможно было возвращеніе русскаго флота на родину, что впослѣдствіи повторилось и съ флотомъ Игоря. Начало русскаго вліянія на Боспоръ въ первой половинѣ IX вѣка совпадаетъ и съ ослабленіемъ хазарскаго могущества, которое замѣтно обнаруживается около того же времени. Хазарь начинаютъ тѣснить со всѣхъ сторонъ враждебные имъ народы: съ юга—Арабы и Закавказскія племена, съ сѣвера—Печенѣги, съ запада—Руссы; а нѣкоторые покоренныя племена свергають съ себя ихъ иго. Такъ, въ первой половинѣ X вѣка, судя по извѣстію Константина Багрянороднаго, Кавказскіе Алане не только являются независимыми отъ Хазарь, но и своими нападеніями препятствуютъ ихъ сношеніямъ съ Черноморскими областями и съ Таврическимъ полуостровомъ. А именно, въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей“ Константинъ говоритъ: „Узы могутъ воевать Хазарь какъ ихъ сосѣди (на сѣверѣ). Такъ и князь Аланіи, къ которой прилежатъ девять хазарскихъ округовъ; Аланинъ, если захочетъ, можетъ грабить эти послѣдніе, тѣмъ причинять Хазарамъ великій вредъ и производить у нихъ нужду; поелику изъ этихъ девяти округовъ Хазары получаютъ все свое довольство“. И далѣе: „Если государь Аланіи предпочитаетъ римскую дружбу хазарской, то въ случаѣ разрыва Хазарь съ Римлянами можетъ причинить Хазарамъ большой вредъ, устраивая засады и нечаянно нападая на нихъ въ то время, когда они отправляются въ Саркелъ, въ округи и въ Херсонъ. Если этотъ государь постарается преградить имъ путь, то въ Херсонѣ и въ округахъ (климатахъ) будетъ полное спокойствіе. Хазары, опасаясь аланскихъ вторженій и будучи не въ состояніи напасть съ войскомъ на Херсонъ и климаты,

принуждены оставаться въ мирѣ, такъ какъ не могутъ въ одно и тоже время вести войну съ обоими' непріателями".

Азовско-Черноморскимъ Болгарамъ, раздѣленнымъ на разныя княженія и общины и притомъ жившимъ въ равнинныхъ и низменныхъ мѣстахъ, было труднѣе освободиться отъ хазарской зависимости, нежели Аланскимъ горцамъ, которые, по ясному смыслу Константинова извѣстія, сосредоточены были подъ властью одного государя. Но на помощь Болгарамъ явились соплеменные Руссы. Цѣлый рядъ войнъ Руси съ Хазарами, о которомъ вспоминаетъ и наша лѣтопись, очевидно, произошелъ не изъ—за Радимичей и Вятичей, а именно изъ за Боспорскихъ или Черныхъ Болгаръ. Окончательное освобожденіе послѣднихъ отъ Хазаръ и подчиненіе ихъ Руси совершились, по всѣмъ признакамъ, въ періодъ между 911 и 945 годами, то-есть, въ періодъ между договорами Олега и Игоря. Въ первомъ, то-есть, въ Олеговомъ договорѣ, еще нѣтъ никакихъ статей относительно Черныхъ Болгаръ и Корсунской земли; а въ договорѣ Игоря поставлено условіе, чтобы Русскій князь не пускалъ Черныхъ Болгаръ воевать страну Корсунскую. Очевидно, въ эпоху послѣдняго договора Черные Болгаре находились уже въ вассальной зависимости не къ Хазарамъ, а къ князю кievскому. Къ этимъ Боспорскимъ Болгарамъ, какъ извѣстно, спасся Игорь съ остаткомъ своего флота въ 941 г. Да и самый походъ, по всей вѣроятности, былъ предпринятъ отсюда же, изъ Киммерійскаго Боспора. Онъ напалъ на восточные берега Малой Азіи; слѣдовательно, путь его былъ тотъ же, о которомъ мы говорили при описаніи византійскаго посольства къ Туркамъ въ VI вѣкѣ; то-есть: онъ туда и обратно пересѣкъ Черное море въ самомъ узкомъ его мѣстѣ, между Корсунемъ и Синопомъ.

Откуда взялось названіе Таврическихъ Болгаръ „Черными“ въ Игоревомъ договорѣ?

Очевидно, что оно буквально переведено съ греческаго, также какъ и весь договоръ. Замѣчательно, что и въ византійскихъ источникахъ оно встрѣчается только въ ту же самую эпоху, ни прежде, ни послѣ. А именно, Черные Болгаре упоминаются только у Константина Багрянороднаго въ его сочиненіи: „Объ управленіи имперіей“, и не болѣе двухъ разъ. Въ одномъ мѣстѣ (которое приведено нами выше) онъ говоритъ, что изъ Днѣпра Руссы отправляются въ Черную Булгарію, Хазарію и Сирію. Въ другомъ мѣстѣ Константинъ, по видимому, хотѣлъ посвятить Чернымъ Болгарамъ цѣлую главу, которую и обозначилъ такъ: „О Черной Булгаріи и Хазаріи“. Но, къ великому

сожалѣнію, почему-то подъ этимъ заглавіемъ онъ ограничился только слѣдующими словами: „Булгарія, которая называется Черною, можетъ воевать Хазарь“. То-есть, Черныхъ Болгаръ, также какъ и Аланъ, византійское правительство въ случаѣ нужды могло вооружить противъ Хазарь. Слѣдовательно, въ это время, повторяемъ, и Черные Болгаре, и Алане были уже независимы отъ Хазарь.

Два одновременныя свидѣтельства, Игорева договора и Константина Багрянороднаго, относительно Черныхъ Болгаръ, сосѣдившихъ съ Хазаріей и Корсунскою областю, окончательно уничтожаютъ всякое сомнѣніе, съ одной стороны, въ томъ, что Гунны Прокопія (Утургуры), пришедшіе съ Кубани и поселившіеся между Херсономъ и Боспоромъ, были никто иное какъ Болгаре, а съ другой, что эти Болгаре существовали тамъ еще въ X вѣкѣ. Свидѣтельства эти подтверждаютъ, что Русь Тмутраканская явилась на основѣ болгарской, то-есть, родственной славянской. Отсюда понятно, почему Константинъ Багрянородный, сообщившій такіа драгоцѣнныя свѣдѣнія о Руссахъ, ничего не упоминаетъ о Руси Черноморской или Тмутраканской. Дѣло въ томъ, что эта область въ его время у Византійцевъ была извѣстна подъ именемъ Черной Болгаріи. А нѣсколько ранѣе, писатели VIII и IX вѣковъ, какъ мы знаемъ, называли ее Великою или Древнею Болгаріей. Названіе „Черная“, по всей вѣроятности, находится въ связи съ сѣвернымъ рукавомъ Кубани, который и въ настоящее время именуется Черною Протокою. Г. Брунъ, въ упомянутой выше статьѣ, весьма правдоподобно отождествляетъ этотъ рукавъ съ Константиновою рѣкой Харакуль, которая изливалась въ Меотійское море съ востока и славилась ловлею рыбы *берзетиконъ*. Это извѣстіе Константина совпадаетъ съ извѣстіемъ Теофана о томъ, что около (полуострова) Оапагоріи въ рѣкѣ Куфисѣ (то-есть, Кубани) ловилась болгарская рыба *кситось*. Г. Брунъ эту рыбу считаетъ за одну и ту же съ Константиновою—*берзетиконъ*; а слово Харакуль, по его мнѣнію, слѣдуетъ читать *Карауль*; что и будетъ буквально соответствовать названію Черная Протока. Впрочемъ и самая Кубацъ въ нижнемъ своемъ теченіи отчасти называется Кара-кубанъ; также называется одинъ изъ ея притоковъ съ лѣвой стороны. А что касается до того, будто Харакуль или Карауль есть турецкое названіе, то это еще вопросъ (ибо у восточныхъ Славянъ встрѣчаются названія рѣкъ, оканчивающихся на *уль*; есть у нихъ и слово *карий*, въ смыслѣ темный).

Высказанное нами положеніе, что Черная Болгарія окончательно

подчинилась Руси въ эпоху Игоря, находятъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ арабскихъ извѣстіяхъ X-го вѣка, а именно у тѣхъ писателей (Истахри и Хаукала), которые рядомъ съ Киевомъ и Новгородомъ упоминаютъ третье племя Руси (*Арманию*); послѣднее иначе и объяснить нельзя, какъ Черною Болгаріей или Тмутраканью. Сюда же надобно отнести извѣстія (Ибнъ-Даста и Мукадеси) о Руси, живущей на лѣсистомъ, болотистомъ и нездоровомъ островѣ, подъ которымъ, очевидно, разумѣется Фанагорія или Тамань ¹⁾.

Не встрѣчается ли у Арабовъ этотъ край также и подъ своимъ собственнымъ именемъ Болгаръ?

Думаемъ, что встрѣчается, хотя и сбивчиво. До сихъ поръ все, что у арабскихъ писателей говорится о Болгарахъ, толкователи обыкновенно относили или къ Дунайскимъ, или къ Камскимъ. Но они упускали изъ виду существованіе третьей Болгаріи, Кубанской, благодаря которой извѣстія арабскія иногда получаютъ болѣе смысла, чѣмъ имѣли его доселѣ. Напримѣръ, Масуди въ своихъ „Золотныхъ Лугахъ“ говоритъ, что городъ Бургаръ лежитъ на берегу Азовскаго моря. Это мѣсто сильно затрудняло толкователей, и они прибѣгали къ разнымъ натяжкамъ для его объясненія (для примѣра см. *Хвольсона* „Ибнъ-Даста“ стр. 81). Но если возьмемъ въ расчетъ Черныхъ Болгаръ, то увидимъ, что подъ этимъ городомъ, вѣроятно, разумѣется Таматарха. Тотъ же Масуди говоритъ, что Болгаре воюютъ Грековъ, Славянъ, Хазаръ и Турокъ. Толкователи думали, что онъ смѣшиваетъ здѣсь Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими; но Камскіе не могли воевать Грековъ, а Дунайскіе Хазаръ; поэтому, съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить смѣшеніе Дунайскихъ не съ Камскими, а съ Черными или Кубанскими. Это предположеніе будетъ совершенно согласно съ приведеннымъ выше и современнымъ извѣстіемъ Константина Багрянороднаго, что Черные Болгаре могутъ воевать Хазаръ; а судя по

¹⁾ Этой характеристикѣ особенно соответствуетъ та низменная, сѣверо-восточная часть Кубанской дельты, которая лежитъ между сѣвернымъ рукавомъ Кубани или Черною Протокой и Курчанскимъ или Верхнекумюрскимъ лиманомъ. Эта низменность наполнена плавнями, то-есть, тростникомъ и болотами. Въздѣвъ своей непроходимой почвы и нездороваго климата, она обыкновенно не посѣщается ни естествоиспытателями, ни археологами; а между тѣмъ, въ древности она была обитаема, и конечно, такому судоходному народу, какъ Руссы, доступъ къ ней не представлялъ затрудненій—тѣмъ болѣе, что Черная Протока шире и глубже, чѣмъ самая Кубань. (См. Археологич. Топограф. Таманск. полуострова — *К. Гёрца*. Москва, 1870).

Игореву договору, они воевали и Грековъ, то-есть, Корсунцевъ. Далѣе нѣкоторыя черты болгарскихъ нравовъ, приводимыя у Масуди, также заставляютъ предполагать смѣшеніе Дунайскихъ не съ Камскими, а съ Черными. Бурджане, говоритъ онъ, суть язычники и не имѣютъ священной книги; напротивъ того, у Дунайскихъ въ это время уже процвѣтала богословская литература, а Камскіе были магометанами; между тѣмъ какъ Черные только отчасти были христіанами, а большинство, по всѣмъ признакамъ, коснѣло въ язычествѣ. Къ послѣднимъ, вѣроятно, относится извѣстіе, что, когда умереть Булгаринъ (конечно, знатный), то слугъ его сожигаютъ вмѣстѣ съ мертвецомъ, или что у нихъ есть большой храмъ, и покойника заключаютъ въ этомъ храмѣ вмѣстѣ съ женой и слугами, которые и остаются тамъ, пока умрутъ. Въ извѣстіи этомъ, конечно, есть неточности; но въ общихъ чертахъ оно достовѣрно. Два способа погребенія указываютъ, что у языческихъ Болгаръ, съ одной стороны, существовало сожженіе какъ у Русскихъ Славянъ, а съ другой—заклучали жену и нѣкоторыхъ слугъ въ могилу покойника (которую надобно разумѣть подъ словомъ храмъ или покой); въ томъ и другомъ случаяхъ надъ ними, конечно, насыпали курганъ ¹⁾. Второй способъ погребенія также существовалъ у языческихъ Руссовъ по ясному свидѣтельству Ибнъ-Даста (*Хвольтсонъ*, 40). Послѣднее еще болѣе убѣждаетъ насъ, что Болгары Масуди въ этомъ случаѣ суть Черные Болгары, которые не только имѣли съ Руссами много общаго въ обычаяхъ, но и находились въ то время съ ними въ политическомъ единеніи. Далѣе, Масуди замѣчаетъ, что Бурджане не имѣютъ ни золотой, ни серебряной монеты, а всѣ ихъ покупки и свадьбы оплачиваются коровами и овцами. Это извѣстіе подходитъ и къ Дунайскимъ Болгарамъ и къ Чернымъ, но особенно къ послѣднимъ, а равно и къ языческой Руси. (Отсюда понятно, почему въ древне-русскомъ языкѣ слово *скомъ* имѣло значеніе денегъ). Наконецъ, въ большомъ Словарѣ Якута сказано, что Булгарія составляетъ область Хазаріи, и что мусульмане нападали на нее при халифѣ Османѣ. Это извѣстіе вошло въ Словарь, конечно, изъ болѣе древняго источника. Толкователи видятъ здѣсь необъяснимую путаницу (см. о томъ у *Гаркави*, стр. 20). Но вопросъ рѣшается очень просто существованіемъ Черной или Кубанской Булгаріи, когда-то дѣйствительно входившей въ составъ Хазарскаго государства.

¹⁾ Болѣе тщательныя изысканія въ курганахъ Тамани и восточнаго Крыма, можетъ быть, подтвердятъ эти извѣстія Масуди.

По поводу арабскихъ извѣстій о Болгарахъ, обратимъ вниманіе людей компетентныхъ на то мѣсто „Золотыхъ Луговъ“ Масуди, гдѣ онъ описываетъ племена Славянъ. „Изъ этихъ племенъ“, говоритъ онъ,— „одно господствовало въ древности надъ остальными; царь его именовался Маджакъ (Махакъ, Бабакъ?), а само племя называлось Валинана. Этому племени прежде подчинялись всѣ прочія Славянскія племена, ибо верховная власть была у него, и прочіе цари ему повиновались“. И нѣсколько ниже: „Славяне составляютъ многія племена и многочисленные роды. Мы уже выше рассказали про царя, коему повиновались въ прежнее время остальные цари ихъ; это былъ Маджакъ, царь Валинаны, каковое племя есть одно изъ коренныхъ поколѣній славянскихъ и обще почитаемое между ними. Но впослѣдствіи пошли раздоры между ихъ племенами; порядокъ былъ нарушенъ; онѣ раздѣлились, и каждое племя избрало себѣ царя“. (Relation de Masoudy, etc., par Charney, въ *Bulletin de l'Academie*. VI-me serie). Это любопытное мѣсто подвергалось различнымъ толкованіямъ; но ни одно изъ нихъ, очевидно, не попало на истину, за исключеніемъ самаго имени Валинана, въ которомъ съ достовѣрностью узнаютъ Волинянъ. Все сказанное у Масуди объ этомъ племени, по нашему мнѣнію, замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ, конечно, въ общихъ чертахъ, съ исторіей Болгарскаго народа, если припомнимъ его первоначальныя судьбы. Онъ былъ могущественъ и страшенъ своимъ сосѣдямъ, пока жилъ въ юговосточной Европѣ и не раздѣлился, не расфѣлся по разнымъ странамъ. Раздѣлившись, онъ потерялъ прежнюю силу и подпалъ отчасти подъ власть другихъ народовъ. Имя его царя читается разнымъ образомъ (о вариантахъ см. у *Гаркави*, 163); одинъ изъ вариантовъ его, Бабакъ, не напоминаетъ ли Батбал (иначе Баяна), который, по извѣстію Византійцевъ, властвовалъ когда-то надъ Болгарами Приазовскими? А имя Волинянъ развѣ не въ связи съ Каспійскимъ моремъ, которое въ древней Россіи извѣстно было подъ названіемъ Хвалынскаго или собственно Валинскаго? Звукъ *x* есть не болѣе какъ придыханіе. Въ свою очередь и буква *v* могла явиться приставочною (подобно тому какъ Анты и Ванты, или Ваты), и тогда получимъ корень этого названія, то-есть, *Алин* или *Алан*. А что Болгаре также какъ Русь (то-есть, Роскалане) были когда-то извѣстны и подъ родовымъ названіемъ Аланъ, о томъ свидѣтельствуется Аммианъ Марцелинъ, который въ IV-мъ вѣкѣ описываетъ многочисленность и храбрость Аланскихъ племенъ, жившихъ въ его время тамъ, откуда вскорѣ потомъ двинулся на западъ Болгаръ.

скій народъ. Слова Масуди о Валинана въ особенности напоминаютъ это описаніе Аланъ у Марцеллина. Впослѣдствіи коренное названіе, то-есть, Алане, въ своемъ видовомъ, тѣсномъ смыслѣ осталось, какъ извѣстно, за однимъ изъ Кавказскихъ племенъ, которое въ нашихъ лѣтописяхъ называется Ясы (теперь Осетины); а видоизмѣненія этого названія встрѣчаются въ русскихъ *Палянахъ* и *Валинанахъ*.

Имѣли ли какое отношеніе къ Болгарамъ наши Волянне-Древляне, сказать трудно: нѣкоторые племенные названія у Славянъ повторялись, и встрѣчаются въ совершенно различныхъ мѣстахъ (напримѣръ, Сербы или Сѣвера, Друговичи, тѣ же Поляне и Древляне). Но принимая въ расчетъ невозможность опредѣлить, гдѣ кончались Угличи и начинались Древляне, а также извѣстный антагонизмъ между Полянами - Русью и Древлянами - Волянью, которые оказали Киевскимъ князьямъ наиболѣе упорное сопротивленіе, можно допустить, что Древлянское племя, подобное Угличамъ и Тиверцамъ, было вѣтвію собственно не Русскаго, а Болгарскаго семейства, или по крайней мѣрѣ, имѣло значительную болгарскую примѣсь. Тогда, пожалуй, мы прійдемъ къ возможности уяснить нѣсколько вопросовъ, откуда пошли два главныхъ нарѣчія Русскаго языка, то-есть, откуда взялось нарѣчіе малорусское. Языкъ Киевской Руси, судя по письменнымъ памятникамъ, мы можемъ отнести именно къ нарѣчію великорусскому, а не малорусскому. Предлагая свои догадки по этому вопросу, мы, конечно, еще не думаемъ о его рѣшеніи, а указываемъ только на тотъ путь, который можетъ впослѣдствіи привести къ нѣкоторымъ болѣе положительнымъ выводамъ.

Итакъ, Черныя Болгаре являются въ арабскихъ извѣстіяхъ отчасти подъ собственнымъ своимъ именемъ, но преимущественно подъ именемъ Руси. Повторяемъ, что арабскія извѣстія о дѣленіи Руси на три части: Куяву, Славію и Артанію (или Артсанію) невозможно объяснить помимо Руси Азовско-Черноморской или Болгарской. Относительно первыхъ двухъ всѣ согласны, что тутъ разумѣются Киевъ и Новгородъ; но прежнія толкованія Артаніи Мордвой Эрдзянами (Френъ) или Біарміей, то-есть Пермью (Рено), какъ мы говорили, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Да и незачѣмъ отыскивать ее гдѣ-нибудь на сѣверѣ, когда сама лѣтопись наша съ конца X вѣка указываетъ на существованіе Руси Тмутраканской. А послѣдняя, какъ мы доказываемъ, возникла на почвѣ родственнаго намъ племени, то-есть, Черныхъ Болгаръ. Арабскія извѣстія объ этой части относятся

къ тому времени, когда имя Руси уже сдѣлалось славнымъ и громкимъ на востокѣ, послѣ ихъ извѣстныхъ походовъ въ Каспійское море и послѣ ударовъ, нанесенныхъ ими Хазарскому царству, и когда Черная Болгарія была уже объединена съ Русью подъ властью того могучаго княжескаго рода, который сидѣлъ въ Кіевѣ. Впрочемъ и вообще имя *Русь* гораздо болѣе было распространено въ тѣ времена на востокѣ, нежели на западѣ: между тѣмъ какъ Арабы указываютъ на поселенія Руссовъ въ Итилѣ, на ихъ торговцевъ въ Камской Болгаріи и въ Хазаріи, прямо называя ихъ Руссами, Византійцы отчасти продолжаютъ именовать ихъ Скивами и особенно усваиваютъ имъ названіе Тавроскиновъ ¹⁾,

¹⁾ Относительно Артаніи прежде мы высказали мнѣніе, что это имя, вѣроятно, есть искаженіе греческаго названія Таматарха, русскаго Тмутраканя. (*Русскій Вѣстн.* 1871, № 12). Въ настоящее время не будемъ настаивать на этомъ предположеніи: могло быть, что слово Артанія существовало независимо отъ слова Тмутраканя, потому что это названіе или подобныя ему повторяются не одинъ разъ. Обратимъ вниманіе на впадающую въ Черное море въ Византію рѣку *Артану*, на берега которой часть Волгарскихъ Славянъ переселилась съ позволенія императора Константина Копронима. Далѣе укажемъ на *Артекъ*, урочище на южномъ берегу Крыма у подножья Аюдага, *Артавани*, мѣстечко въ Закавказьѣ недалеко отъ Ахалыкы, пожалуй и на *Артаксату*, древнюю столицу Арменіи. Подобныя названія группируются преимущественно около Чернаго моря или около Кавказа. Слѣдовательно, въ той сторонѣ находилась и Русь Артанія, а не въ сѣверной полосѣ Восточной Европы.

Уже прежніе толкователи, отыскивавшіе Русь-Артанію въ глубинахъ мордовскихъ и пермскихъ лѣсовъ, предлагали догадки болѣе или менѣе невѣроятныя. Но ихъ всѣхъ превзошелъ въ этомъ направленіи г. Гаркави, который упомянутую Русь сближаетъ съ извѣстіями объ островѣ *Өуль*, и прямо переноситъ ее на крайній сѣверъ, то-есть въ Скандинавію. (См. *Записки Академіи Наукъ*, т. XXII, 1873). Сближеніе это, разумѣется, основано на соображеніяхъ и предположеніяхъ пессимистическихъ, при чемъ упущено изъ виду существованіе крымской *Өулы* (хоть мы уже пмѣли случай о ней напоминать; см. *Русскій Вѣстн.* 1871, № 12), которая у средневѣковыхъ писателей иногда спутывалась съ *Өулой* Сѣвернаго океана. Въ данномъ случаѣ это упущеніе особенно замѣтно, потому что, по словамъ же г. Гаркави, въ рукописи одного Масудіева сочиненія вѣсто море *Тумія* стоитъ Малюта, то-есть Азовское. А между тѣмъ г. Гаркави представилъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній, говорящихъ не въ пользу норманской школы, въ своей добросовѣстно составленной книгѣ 1870 года: «Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ».

Интересно также и то, что Френъ, отождествлявшій Русь-Артанію съ Мордовіе-Эрдзянами, предлагаетъ цѣлый рядъ арабскихъ свидѣтельствъ, указывающихъ на присутствіе Руси у береговъ Чернаго и Азовскаго морей (Мукадзи, Димешки, Едриси, Махреби, Ибнъ-Әль-Варди). См. *Frachn—Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte*, стр. 27 и далѣе.

Нѣкоторые этнографическія черты, сообщенныя тѣми же арабскими извѣстіями о Руси - Артаніи, подтверждаютъ наше предположеніе, что это край Азовско-Черноморскій. А именно: Руссы, тамъ живущіе, будто бы убиваютъ всякаго попавшаго къ нимъ иностранца; они ведутъ торговлю водянымъ путемъ и ничего не разказываютъ про свои дѣла и товары. Судоходство, конечно, можетъ указывать на приморское положеніе этой Руси; а слухи о жестокомъ обращеніи ея съ иноземцами сильно напоминаютъ древнія басни о Таврахъ, которые приносили въ жертву своей богинѣ всякаго иноземца, занесеннаго на ихъ берегъ. Вѣрословная примѣсь въ этихъ арабскихъ извѣстіяхъ несомнѣнна, ибо по другимъ арабскимъ свидѣтельствамъ (напримѣръ, Ибнъ-Дасты) Руссы именно отличались гостепріимствомъ. „Изъ Арты“, говоритъ Истахри, — „вывозятся черные соболи, черныя лисицы и свинець“. Пушныя мѣха были однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли у древнихъ Руссовъ; водились ли соболи и лисицы въ самой странѣ Черныхъ Болгаръ, трудно сказать; во всякомъ случаѣ Русь Черноморская получала ихъ отъ своихъ болѣе сѣверныхъ единоплеменниковъ. То же можно сказать и о нѣкоторыхъ металахъ, если послѣдніе не добывались въ горахъ Крыма и сосѣдняго Кавказа; кромѣ того, они могли вымѣниваться у Грековъ, собственно у Корсунцевъ, и потомъ продаваться Русью въ Хазаріи и другихъ восточныхъ странахъ.

VII.

Русская церковь по уставу Льва Философа. — Сказаніе о хазарской миссіи Кирилла и Меводія и его историческія данныя. — Достоверность извѣстій о славянскихъ книгахъ, найденныхъ въ Корсунѣ.

Мы сказали, что названіе Черныхъ Болгаръ Русью встрѣчается по преимуществу у арабскихъ писателей X вѣка. Но его можно встрѣтить и у Византійцевъ. А именно въ уставѣ императора Льва Философа (886—911 гг.) „О чинѣ митрополичьихъ церквей, подлежащихъ патріарху Константинопольскому“, въ спискѣ этихъ церквей находимъ на 61 мѣстѣ церковь Русскую (Ρωσικα) рядомъ съ слѣдующею за нею церковью Аланскою; а далѣе, въ числѣ архіепископій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, находимъ на 29-мъ мѣстѣ Боспоръ и на 39-мъ—Метраху (та Метрахα), то-есть, Таматарху или Тмутракань, рядомъ съ Готіей, Сугдіей и Фулою (Codini de officiis. Париж. изд. Т. I, стр. 379 и слѣд.). О какой Русской митрополіи тутъ упоминается? Едва ли подъ нею можно разумѣть церковь, собственно Кіевскую; скорѣе можно видѣть здѣсь именно Черную Бол-

гарію или Русь Азовско-Черноморскую. Къ этой-то Руси, вѣроятно, и относится извѣстіе Фотія о ея обращеніи въ окружномъ посланіи 866 года. Трудно предположить здѣсь Кіевъ, въ которомъ во времена Льва Философа княжилъ язычникъ Олегъ; не только Кіевскій князь, но и вся дружина его была языческою, ибо въ Олеговомъ договорѣ о крещеной Руси не упоминается; послѣдняя, а равно и христіанскій храмъ въ Кіевѣ, встрѣчаются только со времени Игоря (Мы оставляемъ въ сторонѣ легендарныя лица Аскольда и Дира; а отдѣльные случаи обращенія въ Кіевѣ до того времени, конечно, не могли составить особой митрополичьей церкви). Поэтому мы въ правѣ предложить вопросъ: подѣ именемъ Россіи въ уставѣ Льва Философа не слѣдуетъ ли разумѣть соединенныя Боспоръ и Таматарху? Не только у арабскихъ писателей, но и въ западныхъ источникахъ, встрѣчаемъ иногда Боспоръ или Керчь подѣ именемъ города „Росіа“ (напримѣръ, въ договорѣ Генуэзцевъ съ Греками въ 1170 г. (см. въ упомянутой статьѣ г. *Бруна*, стр. 132). Собственно Боспорская церковь существовала, по крайней мѣрѣ, съ IV вѣка, и упоминаніе Боспорской архіепископіи рядомъ съ Русскою митрополіей можетъ быть объяснено тѣмъ, что Кодицъ приводилъ списки церквей, не различая строго времени, къ которому относились эти списки. Титулъ архіепископіи Боспорская церковь имѣла во времена болѣе раннія; а въ эпоху Льва Философа она могла быть повышена на степень митрополіи съ расширеніемъ своихъ предѣловъ, то-есть, съ соединеніемъ архіепископій Боспора и Таматархи въ одну митрополію; подобный примѣръ мы видимъ въ сосѣднихъ съ нею архіепископіяхъ Сугдейской и Фульской, которыя были соединены въ одну митрополію (см. о томъ у преосв. Макарія: „Исторія христіанства доВладимира“, стр. 86). Херсонъ, Сугдея, Боспоръ и Таматарха были именно тѣми пунктами, откуда христіанство постепенно распространялось между Болгарскими племенами, жившими по обѣимъ сторонамъ Боспорскаго пролива. А примѣры ихъ обращенія мы уже видѣли въ VI и VII вѣкахъ.

Тѣ Черпые Болгаре, которые исповѣдывали христіанскую религію, по всей вѣроятности, получили богослуженіе на родномъ языкѣ, а слѣдовательно, ужъ имѣли переводъ Священнаго Писанія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе необходимыхъ богослужебныхъ книгъ. Это предположеніе, совершенно согласное съ духомъ греческой проповѣди и съ примѣрами другихъ восточныхъ народовъ, приводитъ насъ къ извѣстному спорному мѣсту изъ житія Константина Философа. Этотъ славянскій апостолъ на пути своемъ къ Хазарамъ напелъ въ Кор-

суни Евангеліе и Псалтирь, написанные *рускими письменами*. Теперь, когда мы знаемъ о существованіи въ тѣ времена Таврическихъ и Таманскихъ Болгаръ и не сомнѣваемся въ ихъ исконныхъ связяхъ съ Руссами, теперь мы не найдемъ ничего страннаго въ этомъ извѣстїи, которое предыдущимъ изслѣдователямъ казалось какимъ-то недоразумѣніемъ. Очевидно, тутъ разумѣется переводъ Священнаго Писанія на древне-болгарскій языкъ, иначе называемый у насъ церковно-славянскимъ. Почему же письма въ житїи названы „рускими“? На этотъ вопросъ можно отвѣчать двояко: или составитель житія употребилъ названіе Русь, подъ которымъ Черные Болгаре болѣе были извѣстны собственно въ его время, приблизительно во второй половинѣ X-го вѣка; или это названіе употреблялось для обозначенія тѣхъ же Болгаръ уже во второй половинѣ IX вѣка, то-есть, въ эпоху Кирилла и Меѳодія. Первое намъ кажется вѣроятнѣе; но и второе было бы соотвѣтственно упомянутой выше „Русской митрополїи“ времени Льва Философа, которую мы также относимъ въ страну Черныхъ Болгаръ.

Но обратимся къ самому сказанію о миссіи Константина въ Хазарїю. Напомнимъ содержаніе этого любопытнаго сказанія по наиболѣе полному его житію, такъ-называемому Паннонскому.

Къ императору Византійскому пришли послы отъ Хазаръ и сказали: „Съ одной стороны Сарацины, съ другой — Евреи стараются насъ обратить въ свою вѣру; просимъ у васъ мужа, свѣдущаго въ книжномъ ученїи; если онъ переспоритъ Евреевъ и Сарацинъ, то мы примемъ вашу вѣру. Царь послалъ къ нимъ Константина Философа. Послѣдній отправился въ путь и прибылъ въ Корсунь. Здѣсь онъ научился жидовскому языку и письму и перевелъ восемь частей грамматики. Тутъ жилъ нѣкій Самарянинъ, который далъ ему свою книгу; философъ съ Божіею помощію научился читать и самарянскія книги; вслѣдствіе сего удивленный Самарянинъ принялъ крещеніе. Константинъ нашелъ тутъ Евангеліе и Псалтирь, *написанные русскими письменами*, и человека нашелъ, который говорилъ русскимъ языкомъ; бесѣдуя съ нимъ, онъ научился читать и говорить на этомъ языкѣ. Потомъ, услыжавъ, что мощи св. Климента, папы Римскаго (сосланнаго въ Херсонесъ во время гоненія на христіанъ при Траянѣ и утопленнаго здѣсь по его приказанію), все еще находятся въ морѣ, Константинъ, съ помощію Херсонскаго архіепископа и клира, предпринялъ трудъ отыскать мощи, сѣлъ на корабль и дѣйствительно нашелъ ихъ.

Между тѣмъ хазарскій воевода осадилъ какой-то христіанскій городъ. Узнавъ о томъ, философъ отправился къ этому воеводѣ и такъ подѣйствовалъ на него своею проповѣдью, что тотъ обѣщаль креститься и отступилъ отъ города. Вслѣдъ затѣмъ на философа во время пути напали Угры въ тотъ часъ, когда онъ молился, и хотѣли его убить, но онъ не устршился и продолжалъ свою молитву. Угры укротились, послушали его назидательныхъ словъ и отпустили невредимымъ со всѣми спутниками. Послѣ того Константинъ сѣлъ на корабль и отправился въ Хазарію по Меотійскому озеру, къ Каспійскимъ воротамъ Кавказскихъ горъ. Слѣдуютъ пренія о вѣрѣ съ хитрыми и лукавыми еврейскими учителями въ присутствіи Хазарскаго кагана о Св. Троицѣ, о воплощеніи сына Божія, о Моисеевомъ законѣ обрѣзанія, объ иконопочитаіи и проч. Разумѣется, Константинъ „перепрѣлъ“, то-есть, побѣдилъ своихъ противниковъ. Каганъ далъ своимъ людямъ позволеніе креститься; изъ нихъ было окрещено двѣсти человѣкъ. Самъ каганъ однако ограничился похвалою Константину и благодарственнымъ письмомъ царю Византійскому. Вмѣсто предложенныхъ ему даровъ, Константинъ испросилъ у кагана освобожденія двадцати плѣннымъ Грекамъ. Послѣ того онъ воротился въ Корсунскую страну.

По сосѣдству съ этою страной лежала область Фульская, населенная какимъ-то племенемъ, хотя и принявшимъ уже христіанскую вѣру, но все еще не покидавшимъ своихъ языческихъ обрядовъ и суевѣрій. Здѣсь стоялъ большой дубъ, сросшійся съ черешнею; жители называли его Александромъ и совершали подъ его тѣнію свои языческіе обряды; только женщинамъ было запрещено приближаться къ заповѣдному дубу. Константинъ отправился въ эту область и началъ уговаривать жителей оставить идолопоклонство и предать дубъ огню. Жители отвѣчали, что почитаніе дуба они наслѣдовали отъ своихъ отцовъ и привыкли обращаться къ нему въ своихъ нуждахъ, особенно съ моленіемъ о дождѣ; что, если кто дерзнетъ коснуться его, то будетъ пораженъ смертію, и не будетъ имъ болѣе дожда. Философъ, взявъ Евангеліе, своимъ поученіемъ наконецъ такъ подѣйствовалъ на нихъ, что старѣйшина сдѣлалъ поклонъ и облобызалъ Евангеліе; за нимъ послѣдовали и другіе. Константинъ раздалъ имъ зажженные свѣчи и съ пѣніемъ молитвъ повелъ ихъ къ дубу. Взявъ топоръ, онъ ударилъ тридцать-три раза по дубу; затѣмъ велѣлъ срубить его и сжечь. Въ ту же ночь Богъ послалъ обильный дождь.

Мы указываемъ преимущественно на эти подробности, потому что онѣ имѣютъ важность для вопросовъ, насъ занимающихъ,—между тѣмъ какъ главное вниманіе сказанія о путешествіи Константина къ Хазарамъ посвящено преніямъ его съ Евреями. Тутъ прямо указано, что разказъ объ этихъ преніяхъ взятъ изъ книги Меодія, который написалъ о нихъ особое сочиненіе и раздѣлилъ его на восемь главъ. Тому же сочиненію, конечно, принадлежатъ и указанная нами подробности о путешествіи Кирилла въ Корсунъ и Хазарію, путешествіи, въ которомъ Меодій сопутствовалъ своему брату. Въ то время, когда составлены были Паннонскія житія обоихъ братьевъ, очевидно, дѣянія ихъ сдѣлались уже предметомъ легенды, такъ что не легко выдѣлать историческій элементъ. Первое составленіе этихъ житій совершилось, конечно, не ранѣе X вѣка; а редація, въ которой онѣ дошли до насъ, относится ко времени болѣе позднему. Постараемся теперь опредѣлить тѣ историческія данныя, которыя можно извлечь изъ сказанія о Хазарской миссіи Кирилла.

Вопервыхъ, самое посольство Хазарскаго кагана къ Византійскому императору съ просьбою прислать учителя по вопросу о религіи есть общій мотивъ для подобныхъ сказаній. Но обыкновенно просьба о присылкѣ учителей слѣдуетъ уже послѣ принятія вѣры, собственно для утвержденія въ ней, и подобная просьба встрѣчается не только въ христіанскомъ мірѣ, но и въ мусульманскомъ (напримѣръ, у Камскихъ Болгаръ по Ибнъ-Фодлану). А такъ какъ Хазарскіе каганы уже съ VIII вѣка исповѣдывали іудейскую религію, то въ дѣйствительности едва ли они могли обращаться къ императору съ просьбою о присылкѣ христіанскихъ миссіонеровъ. Правда, между ихъ подданными, по извѣстію арабскихъ писателей (впрочемъ X вѣка), было много христіанъ; но и это обстоятельство едва ли могло побудить кагана къ особой заботливости объ успѣхахъ христіанской религіи. Результатъ миссіи при Хазарскомъ дворѣ, очевидно, не былъ особенно блистательный, такъ какъ онъ ограничился крещеніемъ двухъ сотъ человѣкъ, при чемъ самъ каганъ не принялъ христіанской вѣры. Поэтому въ просьбѣ верховнаго Хазарскаго кагана о присылкѣ христіанскихъ проповѣдниковъ мы сомнѣваемся. Но мы знаемъ, что христіанская проповѣдь въ странахъ Прикавказскихъ былъ предметомъ постоянныхъ заботъ и попеченій со стороны византійскаго правительства. Примѣромъ этихъ попеченій служить распространеніе христіанства въ Лазіи (Мингреліи), Иверіи (Грузіи), Авазгіи (Абхазіи) и Зихии или сосѣдней съ Таманью части Кавказа. Мы знаемъ также при-

мѣры крещенія у тѣхъ Гунновъ, которые позднѣе являются подъ именемъ Черныхъ Болгаръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что византійское правительство неоднократно дѣлало попытки обратить въ христіанство и народъ Хазарскій. Но очевидно, оно встрѣтило здѣсь сильное препятствіе въ лицѣ іудейства, которое успѣло укрѣпиться при Хазарскомъ дворѣ въ VIII вѣкѣ, то-есть, въ томъ вѣкѣ, когда греческая церковь была полнѣе иконоборствомъ, и слѣдовательно, не могла сосредоточить свою энергію на борьбѣ съ этимъ препятствіемъ. Подобныя соображенія приводятъ насъ къ вопросамъ: куда собственно путешествовалъ Кириллъ? Былъ ли онъ дѣйствительно у Хазарскаго кагана, гдѣ-то подлѣ Каспійскихъ воротъ, то-есть, около Дербента? Эти „Каспійскія ворота Кавказскихъ горъ“ не представляютъ ли здѣсь какого-либо позднѣйшаго искаженія, когда миссія Кирилла облечлась уже въ легендарную форму? Можетъ быть, Кириллъ плавалъ Меотійскимъ моремъ (и рѣкою Кубанью) просто къ подошвѣ Кавказскихъ горъ (около Дарьяльскаго пути), туда, гдѣ жило настоящее Хазарское племя? Такимъ образомъ мы снова приходимъ къ вопросу о двойственномъ составѣ Хазарской народности и рѣшаемся предположить, что Кириллъ путешествовалъ не къ тѣмъ Турко-Хазарамъ, которые жили около Каспійскаго моря и нижней Волги, а собственно къ Хазарамъ-Черкесамъ. Онъ могъ частью Меотійскаго моря приплыть въ правый рукавъ Кубани, то-есть, въ Черную Протоку, и потомъ пробраться въ Кабарду, при чемъ собственно Кавказскія ворота (Дарьяльскія) въ преданіи могли быть смѣшаны съ воротами Каспійскими, то-есть, съ Дербентомъ.

Въ языческой Черкесіи въ то время сталкивались проповѣдники трехъ сосѣднихъ религій: іудейской, магометанской и христіанской. Христіанская религія проникла сюда, вѣроятно, еще въ предыдущіе вѣка, и очень можетъ быть, что нѣкоторые черкесскіе князья обратились къ Константинопольскому двору съ просьбою прислать имъ учителей, которые могли бы утвердить ихъ въ вѣрѣ и вступить въ пренія съ проповѣдниками другихъ религій, особенно съ еврейскими раввинами; послѣдніе дѣйствовали тѣмъ пастойчивѣе, что ихъ поддерживалъ и самъ верховный каганъ. Миссія Кирилла у Черкесовъ, конечно, могла быть гораздо успѣшнѣе чѣмъ у Каспійскихъ Турокъ: извѣстно, что христіанство потомъ дѣйствительно процвѣтало въ Черкесскихъ горахъ, чему явнымъ свидѣтельствомъ служатъ остатки христіанскихъ храмовъ.

Кромѣ Черкесовъ Кавказскихъ миссія эта могла быть связана съ

отношеніями къ Черкесамъ Таврическимъ. Извѣстно, что въ VII и VIII вѣкахъ Хазары были господствующимъ народомъ въ Крыму, который они завоевали, за исключеніемъ только южной его части. Владычество Хазарь-Черкесовъ оставило здѣсь глубокіе слѣды, особенно въ географическихъ названіяхъ. Такъ еще въ XIII вѣкѣ Крымъ назывался у Генуезцевъ *Газаріей*, хотя владычество Хазарь давно уже перешло въ область преданій. Нѣкоторые топографическія имена показываютъ, что сюда когда-то направлялась хазарская колонизація, но не Турецкая, а собственно Аваро-Черкесская—явленіе совершенно естественное при близкихъ, сосѣдственныхъ отношеніяхъ Крыма и Кабарды. Таковы: замокъ *Черкесъ-Кермень*, развалины котораго существуютъ недалеко отъ Бахчисарая, *Черкесъ-Эли*, деревня на рѣкѣ Алымѣ, *Черкесъ*, селеніе въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, и другія названія разныхъ урочищъ, соединенныя съ именемъ Черкесовъ ¹⁾. Что въ этихъ мѣстахъ жили когда-то Черкесы изъ племени Хазарь-Кабаровъ, на это указываютъ и верховья рѣки Бельбека, именуемая *Кабардою*.

Въ житіи Константина, какъ мы видѣли, упоминается какой-то хазарскій вождь: онъ осадилъ христіанскій городъ, но уступилъ увѣщаніямъ проповѣдника и снялъ осаду. По всей вѣроятности, здѣсь идетъ рѣчь о какомъ-либо хазарскомъ или черкесскомъ князѣ, находившемся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ верховному кагану. Мы имѣемъ здѣсь намекъ на борьбу, которая шла въ то время между мѣстными племенами и пришлыми хазарскими дружинами. Не забудемъ, что вскорѣ потомъ, то-есть, въ 864 г., мы встрѣчаемъ уже Руссовъ, предпринимавшихъ походы на Византію, и конечно, не безъ связи съ Боспоромъ Киммерійскимъ, на берегахъ котораго обитали ихъ соплеменники Болгаре. Окончаніе этой борьбы и совершенное уничтоженіе хазарскихъ владѣній въ Крыму мы встрѣчаемъ въ началѣ XI вѣка, когда, по извѣстію Кедрена, соединенныя греко-русскія силы покорили страну Хазарь и взяли въ плѣнъ ихъ князя Георгія Чула. Последнее имя указываетъ на то, что эти Хазары или часть ихъ была въ то время христіанами.

Въ сказаніи о миссіи Кирилла видна также историческая связь Хазарь-Черкесовъ съ Уграми. Вслѣдъ за пребываніемъ его въ станѣ Хазарскаго вождя онъ попалъ было въ руки Угровъ. Эти кочевники, по всей вѣроятности, встрѣчались тогда и въ сѣверной, степной части

¹⁾ О нихъ см. въ Крымскомъ Сборникѣ *Кеннена*, стр. 251.

Крыма, или являлись сюда въ качествѣ хазарскихъ союзниковъ и подручниковъ именно для войны съ Греками, Болгарами и Руссами. Такія отношенія совпадаютъ съ тѣмъ, что Константинъ Багрянородный сообщаетъ о хазарскомъ влияніи на Угровъ и объ ихъ связяхъ съ Хазаро-Кабарами.

Далѣе, въ житіи упоминается какой-то языкъ или народъ Фульскій, который уже принялъ христіанскую вѣру, но еще такъ мало укрѣпился въ ней, что продолжалъ совершать свои языческіе обряды и жертвоприношенія. Что это за Фульскій языкъ? Городъ Фулла встрѣчается въ жизнеописаніи епископа Іоанна Готскаго, который жилъ въ VIII вѣкѣ. Потомъ въ уставѣ Льва Философа о порядкѣ церквей, Фульская епархія приводится въ числѣ архіепископій на 36-мъ мѣстѣ, вслѣдъ за епархіями Готскою и Сугдейскою. Впослѣдствіи въ уставѣ императора Андроника встрѣчается епархія Сугдейско-Фульская, то-есть, Сугдія и Фулла были соединены въ одну митрополию. Все это ясно говоритъ, что Фулла находилась въ сосѣдствѣ Готіи и Сугдіи (Судака); но положеніе ея мы можемъ опредѣлять только приблизительно ¹⁾. Итакъ, подъ Фульскимъ языкомъ въ житіи Константина должно разумѣть какое-то племя, обитавшее между Готіей и Судакомъ. Это не могли быть сами Готы, потому что они вели свое христіанство по крайней мѣрѣ съ IV вѣка; у нихъ упоминается особый епископъ уже въ первой половинѣ VI вѣка. Прокопій еще въ то время засвидѣтельствовалъ о ихъ благочестіи и преданности православію; слѣдовательно, трудно предположить, чтобы въ IX вѣкѣ они еще совершали языческіе обряды и приносили жертвы подъ дубомъ. Это не могли быть Хазары, ибо житіе называетъ ихъ своимъ именемъ и ясно отличаетъ отъ другихъ народовъ; притомъ Хазары-Черкесы если и жили въ Крыму, то преимущественно въ качествѣ дружинъ, разсѣянныхъ по городамъ и замкамъ, откуда они, конечно, собирали дани съ подчиненныхъ туземцевъ. Остается предположить, что это была какая-либо часть все тѣхъ же Черныхъ Болгаръ или Гунновъ, по извѣстію Прокопія, занимавшихъ всю восточную полосу Крыма отъ Корсуна до Боспора. Мы уже приводили извѣстія объ ихъ обращеніи въ христіанство въ VI и VII вѣкахъ. Разумѣется, оно продолжало распространяться и въ послѣдующія вѣка, и преимущественно по сосѣдству съ такими греческими центрами,

¹⁾ Названіе Фуллы не скрывается ли въ названіи Русско-фулей или Усгро-фуль на Никитскомъ мысу, около Ялты? (См. Крымск. Сборн. Кеппеля, 132).

какъ Корсунъ и Сугдея. Эти языческіе обряды у народа, еще не твердаго въ вѣрѣ, и это поклоненіе дубу совершенно согласны какъ съ общимъ ходомъ христіанства у Черныхъ Болгаръ въ Крыму, такъ и вообще съ языческою религіей Славянъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ Кириллъ и Меѳодій, обращаясь къ туземцамъ, могли показать свое знаніе славянскаго языка. Последнее обстоятельство приводитъ насъ къ вопросу объ упомянутыхъ въ житіи *русскихъ писмѣнахъ*, а также вообще къ вопросу о писмѣнахъ Славянъ и переводѣ Священнаго Писанія на церковно-славянскій языкъ.

По смыслу житія Константинъ (и Меѳодій), прибывъ въ Корсунъ, остановился здѣсь на нѣкоторое время и началъ изучать языки сосѣднихъ народовъ. Это извѣстіе весьма правдоподобно. Херсонесъ Таврическій былъ въ то время дѣятельнымъ торговымъ посредникомъ между византійскими областями, лежавшими по западному и южному берегу Чернаго моря съ одной стороны, и варварскими народами, обитавшими на сѣверъ и востокъ отъ этого моря, съ другой. На Херсонскомъ торжищѣ сходились весьма разнообразныя языки. Здѣсь, между прочимъ, можно было встрѣтить Евреевъ, Хазаръ, Болгаръ и Руссовъ. Слѣдовательно, этотъ городъ представлялъ большое удобство для знакомства съ языками упомянутыхъ народовъ. Такъ Константинъ здѣсь научился „жидовской бесѣдѣ“ и еврейскимъ книгамъ. Въ данномъ случаѣ я думаю, что жидовская бесѣда и еврейскія книги суть не одинъ и тотъ же языкъ. Извѣстно, что Евреи давно уже перестали говорить на своемъ древнемъ языкѣ, а принимали обыкновенно рѣчь тѣхъ народовъ, посреди которыхъ они жили. Слѣдовательно, Константинъ съ помощью книгъ дѣйствительно могъ изучать древне-еврейскій языкъ. Въ житіи говорится именно о Самаритинѣ, и можетъ быть, Константинъ выучился понимать книжное самаританское нарѣчіе ¹⁾. А что касается до живой разговорной рѣчи, которой онъ научился отъ Евреевъ въ Херсонѣ, то вѣроятно, это была рѣчь Хазаръ или Черкесовъ, посреди которыхъ жили Евреи, и часть которыхъ они обратили въ свою религію. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Константинъ отправлялся именно къ Хазарамъ и, слѣдовательно, имѣлъ нужду ознакомиться съ ихъ языкомъ. Далѣе въ Херсонѣ Кон-

¹⁾ Упомянутое о Самаритинѣ принадлежитъ къ тѣмъ чертамъ, которыя свѣдѣтельствуя о достовѣрности этой части житія. Крымскіе Евреи среднихъ вѣковъ считали себя именно выходцами Самаританскими и имѣли Самаританскую веру. См. о томъ въ упомянутомъ выше любопытномъ изслѣдованіи г. Хвольсона: Achtzehn Hebräische Grabschriften aus der Krim. 1865 г.

стантинъ нашелъ русскія книги, Псалтирь и Евангеліе, и человѣка, говорившаго русскимъ языкомъ; у этого Русина онъ выучился читать и говорить порусски, „къ удивленію многихъ“.

На послѣднемъ извѣстіи мы остановимся и спросимъ: на какомъ языкѣ были написаны означенныя книги?

По всѣмъ соображеніямъ эти книги были ничто иное какъ церковно-славянскій, то-есть, болгарскій переводъ Священнаго Писанія. Если бы подобный переводъ существовалъ въ IX вѣкѣ собственно на русскомъ языкѣ, то естественно представляется вопросъ: затѣмъ же Кіевская Русь, принявшая христіанство въ X вѣкѣ, не воспользовалась переводомъ на своемъ родномъ нарѣчій, а приняла церковныя книги на языкѣ болгарскомъ? Если существовалъ русскій переводъ, то куда же онъ пропалъ? Затѣмъ: есть ли вѣроятность, чтобъ около половины IX вѣка былъ уже русскій переводъ, когда мы не имѣемъ указаній на христіанство Русскаго народа до этого времени? Между тѣмъ, если обратимся къ Болгарамъ, то увидимъ всѣ данныя на ихъ сторонѣ. Мы говорили о начаткахъ христіанской религіи у Таврическихъ Болгаръ въ VI и VII вѣкахъ. Съ того времени она, конечно, утверждалась все болѣе и болѣе, и около половины IX вѣка значительная часть Черныхъ Болгаръ исповѣдывала греческую вѣру, между тѣмъ какъ другая часть оставалась въ язычествѣ. Если христіанство не получило еще между ними окончательнаго господства, то конечно, вслѣдствіе ихъ раздробленія на мелкія общины и владѣнія, то-есть, вслѣдствіе недостатка централизаціи. Значеніе послѣдней въ этомъ отношеніи мы видимъ у Дунайскихъ Болгаръ при Борисѣ и въ Кіевской Руси при Владимірѣ: когда принимали крещеніе верховный князь и его дружина, то съ помощью ихъ могущественной поддержки крещеніе подчиненныхъ племенъ пошло быстро.

Если часть Болгаръ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій исповѣдывала христіанство, то слѣдовательно, имѣла и богослуженіе на своемъ языкѣ. Греческая проповѣдь, какъ мы знаемъ, отличалась отъ латинской тѣмъ, что первая почти вездѣ новообращеннымъ народамъ давала богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ языки переводилось и Священное Писаніе. Еслибъ у Болгаръ VII, VIII и первой половины IX вѣка было богослуженіе на греческомъ языкѣ и греческія богослужебныя книги, то они успѣли бы на столько укорениться, что едва ли уступили бы потомъ безъ борьбы свое мѣсто славянскому языку. Между тѣмъ никакой борьбы, никакихъ слѣдовъ этого перехода мы не видимъ. Но если существовали

болгарскіе переводы, то были и болгарскія, то-есть, славянскія письмена до Кирилла. Мы съ достаточною вѣроятностію можемъ утверждать, что сказанія объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ Кирилломъ имѣютъ легендарную примѣсь.

Повторяемъ, изъ всѣхъ сказаній, вошедшихъ въ такъ называемыя Паннонскія житія Константина и Меѳодія, сказаніе о путешествіи къ Хазарамъ, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ наиболѣе историческихъ данныхъ, хотя и въ немъ есть легендарная, то-есть, позднѣйшая примѣсь. Этотъ болѣе историческій характеръ подтверждаетъ, что въ основу его дѣйствительно легло сочиненіе Меѳодія о хазарской миссіи, тогда какъ для другихъ частей житія основаніемъ послужили сочиненія и разказы его учениковъ, и слѣдовательно, эти части успѣли болѣе проникнуться духомъ легенды. А потому данныя изъ перваго сказанія послужатъ для насъ исходными пунктами, и именно данныя, относящіяся къ пребыванію братьевъ въ Тавридѣ или собственно въ Корсуни, такъ какъ здѣсь мы находимъ наиболѣе точныя и обстоятельныя указанія. Напрасно ученые слависты относились съ пренебреженіемъ къ этимъ указаніямъ, и такъ сказать, обходили ихъ, предпочтительно давая вѣру другимъ даннымъ, несогласнымъ съ ними и менѣе ихъ достовѣрнымъ. Они слишкомъ легко рѣшали вопросъ о русскихъ, то-есть, славянскихъ Псалтирѣ и Евангеліи, найденныхъ въ Корсуни, предполагая въ нихъ то готскую письменность, то глагольскую, то просто считая все это мѣсто о русскихъ письменахъ позднѣйшею вставкою. Впрочемъ, невозможно винить однихъ филологовъ въ этомъ случаѣ: главная вина должна пасть на историковъ, которые и не подозрѣвали исконнаго существованія Славяно-Болгарскаго племени на Таврическомъ полуостровѣ въ сосѣдствѣ съ Корсунскою областю, а Русь IX вѣка считали народомъ норманскимъ¹⁾.

---

¹⁾ Исключеніе изъ ученыхъ славистовъ въ данномъ случаѣ представляетъ И. И. Срезневскій, который на первомъ археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ въ 1869 г., предложилъ нѣкоторые новыя соображенія о началѣ славянской азбуки, связавъ ихъ съ извѣстіемъ житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни. Вотъ сущность его соображеній: Онъ указалъ, во первыхъ, на то, что начертаніе буквъ или уставное письмо въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ совсѣмъ не соответствуетъ греческимъ рукописямъ IX—X вѣка, то-есть, эпохѣ, къ которой относятъ изобрѣтеніе Кирилла; въ эту эпоху въ греческихъ рукописяхъ преобладаетъ уже скоропись. Слѣдовательно, буквы, вошедшія въ славянскую азбуку, взяты изъ того греческаго письма, ко-

VIII.

Вопросъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ. — Недостовѣрное сказаніе Храбра. — Одновременное существованіе кириллицы и глаголицы. — Принесеніе первой пѣть Корсуня Кирилломъ и Меѳодіемъ. — Домысли позднѣйшихъ книжниковъ. — Труды ученыхъ славистовъ.

Константинъ и Меѳодій были родомъ, очевидно, Греки, и первоначально познакомились съ славянскимъ языкомъ, конечно, благодаря сосѣдству болгарскихъ поселеній съ Солунью, или вѣроятному присутствію болгарскаго элемента въ самомъ городѣ. Но едва ли они владѣли этимъ языкомъ вполнѣ. Особенно послѣднее можно сказать о Константиנѣ, который еще во время отрочества былъ взятъ въ Константинополь, гдѣ и получилъ свое образованіе. Меѳодій, вѣроятно, долѣе оставался на родинѣ и ближе ознакомился съ языкомъ болгарскимъ. Не даромъ же въ одномъ древнемъ прологѣ сказано, что Кириллъ упросилъ брата Меѳодія сопутствовать ему въ Хазарію, *заше умѣяше языкъ словѣнскъ* (О времени происк. слав. письменъ, *Болдьянскаю*, 73). Братья, по видимому, очень хорошо знали, что въ Хазаріи они прежде всего встрѣтятъ Болгарское племя. Въ Корсуни они нашли нѣкоторыя книги Священнаго Писанія въ переводѣ на славянскій языкъ и принялись изучать эти славянскія письмена. Въ то же время они воспользовались проживавшими въ Корсуни Славянами, чтобъ усовершенствовать себя и въ разговорной славянской рѣчи.

Затѣмъ, славянскій языкъ и найденный переводъ Псалтири и Евангелія проходятъ уже чрезъ все житіе Солунскихъ братьевъ¹⁾.

торое господствовало въ болѣе раннее время, приблизительно въ VI—VII вѣкахъ. Далѣе онъ указалъ на господство надстрочныхъ знаковъ и правильное употребленіе знаковъ препинанія въ греческомъ письмѣ IX вѣка, чего нѣтъ въ славянскихъ рукописяхъ. Наконецъ, онъ напомнилъ извѣстіе Константинова житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни, извѣстіе, которое, «не смотря на многочисленность рукописей, вездѣ читается одинаковымъ образомъ». Противъ готскаго языка, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ само житіе, которое говоритъ, что Константинъ, услышавъ Русскаго, долженъ былъ только прислушиваться къ вѣдоушійшеніямъ гласныхъ и согласныхъ и скорѣй началъ «честн и складати», то-есть, читать и объяснять. Это указаніе, по замѣчанію г. Срезневскаго, очень важно, и его «не слѣдуетъ упускать изъ виду». (См. Труды съѣзда, т. I, стр. CXV).

¹⁾ См. Паннонскія житія Константина и Меѳодія въ *Чтен. Общ. истор. и древн.* 1863 г., № 2 и 1865 г., № 1.

Такъ, еще не выѣзжая изъ Тавриды, Константинъ укрѣпляетъ въ вѣрѣ обитателей Фуллы и обращается къ нимъ съ рѣчью, конечно, на ихъ родномъ языкѣ, а иначе они его не поняли бы; при этомъ онъ даетъ имъ цѣловать святое Евангеліе. А мы уже замѣтили, что эти обитатели Фуллы, по всѣмъ соображеніямъ, были никто иное, какъ часть тѣхъ же Черныхъ Болгаръ. Послѣ его возвращенія изъ Тавриды является къ императору посольство отъ Моравскихъ князей съ просьбою прислать имъ учителей, и императоръ отправляетъ къ нимъ Солунскихъ братьевъ, какъ хорошо знающихъ славянскій языкъ. Снаряжаясь въ Моравію, братья, какъ повѣствуетъ ихъ житіе, готовятъ прежде всего Евангеліе и Псалтирь, какъ книги наиболѣе необходимы для богослуженія. Конечно, это были тѣ самыя книги, которыя они нашли въ Корсуні и, по всей вѣроятности, взяли съ собою или списали. Во всякомъ случаѣ, дѣло идетъ о переписываніи готовыхъ славянскихъ книгъ и о продолженіи переводовъ, и едва ли имѣетъ какую-либо вѣроятность извѣстіе житія о томъ, чтобы братья принялись изобрѣтать славянскія письмена только тогда, когда императоръ рѣшилъ отправить ихъ въ Моравію. Не возможно было бы въ такой короткій срокъ составить алфавитъ и перевести хотя одно Евангеліе. Да притомъ и не было нужды изобрѣтать славянское письмо и переводить Евангеліе, такъ какъ братья то и другое уже нашли въ Корсуні. Впрочемъ, въ житіи и не говорится объ изобрѣтеніи письменъ; а употребляются неопредѣленные и весьма краткія выраженія: „и тогда сложи писмена и нача бесѣду писати евангельскую“. Это говорится въ Паннонскомъ житіи Константина; а въ житіи его брата Меодія по поводу отправленія въ Моравію сказано: „Да ту яви Богъ философу словенскы книги, и абіе устрои въ писмена и бесѣду ставъ“; а далѣе упоминается, что „псалтирь бо бѣ токмо и евангеліе съ апостоломъ и избранными службами церковными съ философомъ предложилъ первѣ“; то-есть, это сдѣлалъ Меодій еще вмѣстѣ съ братомъ, отчасти въ Моравіи, а отчасти (какъ свидѣтельствуетъ житіе Константина) до прихода въ Моравію. По смерти брата, когда Меодій одинъ подвизался въ Моравіи въ санѣ архіепископа, то онъ „отъ ученикъ своихъ посажъ два цопы скорописца зѣло, приложи въбързѣ вся книги испълнь, развѣ Макавѣи, отъ греческа языка въ словѣнскѣ шестію мѣсяць“. Уже самое указаніе на время, то-есть, на шесть мѣсяцевъ, и на скоропись исключаютъ всякое вѣроятіе, чтобы тутъ шла рѣчь собственно о переводѣ почти всего Священнаго Писанія, отчасти переведеннаго прежде Кон-

стантина и Меѳодія, отчасти сдѣланнаго ихъ трудами, или подъ ихъ руководствомъ.

Что въ житіяхъ Константина и Меѳодія обозначается еще общими неопредѣленными выраженіями, допускающими разнообразныя толкованія, то въ болѣе позднемъ произведеніи, именно въ Сказаніи черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ, облекается въ болѣе опредѣленныя формы. Послѣднее уже прямо приписываетъ Константину и Меѳодію изобрѣтеніе славянскихъ письменъ и переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ. Но въ хронологическомъ отношеніи между житіями и Храбромъ существуетъ непримиримое разногласіе. По смыслу житій, изобрѣтеніе письменъ предпринято было только вслѣдствіе посольства Моравскихъ князей, то-есть, въ 862 году; этотъ годъ принимаютъ и наиболѣе извѣстные слависты, напримѣръ, Шафарикъ и Бодянский. (См. доказательства, собранныя въ книгѣ послѣдняго: О времени происхожденія славянскихъ письменъ). Но Храбръ приводитъ самый годъ изобрѣтенія, именно 855, и этого года держались нѣкоторые другіе слависты (напримѣръ, Добровскій и Гильфердингъ). Но если принять послѣднюю хронологию, то уничтожится самый поводъ изобрѣтенія, приводимый житіемъ, то-есть, предстоявшая миссія въ землю Моравскихъ Славянъ, такъ какъ въ 855 году еще не было о ней рѣчи. Притомъ, по замѣчанію г. Бодянскаго, Храбръ говоритъ, что письмена были изобрѣтены во время Михаила царя Болгарскаго, Гастинца князя Моравскаго и Коцела Блатенскаго, — между тѣмъ какъ Коцелъ наследовалъ своему отцу въ княжествѣ Блатенскомъ только въ 861 году. Г. Бодянскій указываетъ и другія обстоятельства, противорѣчащія 855 году, какъ времени изобрѣтенія письменъ. Кто былъ черноризецъ Храбръ, когда и гдѣ писалъ свое сказаніе, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Его относятъ обыкновенно къ X вѣку и даже считаютъ современникомъ царя Симеона, преимущественно на основаніи слѣдующаго выраженія: „суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ“, то-есть, живы тѣ, которые видѣли Константина и Меѳодія. Но это выраженіе встрѣчается только въ одномъ спискѣ сказанія (въ библиотекѣ Московской духовной академіи), и потому даетъ поводъ къ нѣкоторымъ сомнѣніямъ, то-есть, не есть ли это позднѣйшая вставка? А также: дѣйствительно ли подъ словомъ ихъ надобно подразумѣвать Кирилла и Меѳодія? Далѣе, мы не имѣемъ списковъ этого сказанія ранѣе второй половины XIV вѣка; по смыслу же сказанія совсѣмъ не видно, чтобы сочинитель по времени жилъ очень близко къ Солунскимъ братьямъ.

По нашему мнѣнію, изслѣдователи недостаточно обращали вниманія на полемическій характеръ Храброва сказанія. Оно, очевидно, было написано съ цѣлью защитить уже сложившееся представленіе о Солунскихъ братьяхъ, какъ изобрѣтателяхъ письменъ, отъ тѣхъ скептиковъ, которые не согласны были съ этимъ представленіемъ. Напримѣръ, онъ указываетъ на людей, утверждавшихъ, что Константинъ и Меѳодій не хорошо устроили письма, такъ какъ онѣ все еще продолжаютъ устроиваться. А въ концѣ сказанія, обозначая время изобрѣтенія письменъ, сочинитель прибавляетъ: „суть же и ини отвѣти, аже и индѣ речемъ“, то-есть, существуютъ и другіе отвѣты или мнѣнія объ этомъ предметѣ; но о нихъ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Слѣдовательно, во времена Храбра были разныя мнѣнія о времени изобрѣтенія. Все это указываетъ, что онъ совсѣмъ не жилъ такъ близко къ эпохѣ Кирилла и Меѳодія, какъ это казалось. Мы полагаемъ, что сказаніе Храбра едва ли было написано ранѣе XI вѣка, а слѣдовательно, едва ли ранѣе того времени, когда дѣятельность Солунскихъ братьевъ и происхожденіе славянскихъ письменъ уже сдѣлались достояніемъ легенды.

Храбръ не даромъ намекаетъ въ своемъ сочиненіи, что были и другія мнѣнія, и дѣйствительно, если сравнить между собою всѣ извѣстные намъ источники, относящіеся къ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, то мы найдемъ значительныя разнорѣчія. Наибольшую цѣну для насъ имѣютъ, конечно, источники, современные Солунскимъ братьямъ, именно, латинскія свидѣтельства папы Іоанна VIII и Зальцбургскаго анонима. Іоаннъ VIII въ письмѣ своемъ 880 года къ Моравскому князю Святополку говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „По справедливости хвалимъ письма славянскія, открытыя нѣкимъ философомъ Константиномъ, по которымъ воздается должное славословіе Господу“ (*Litteras denique slavonicas a Constantino quodam philosopho repertas, quibus Deo laudes debitae resonent, jure laudamus*). А Зальцбургскій анонимъ въ своей запискѣ объ обращеніи Баварцевъ и Хорутанъ, составленной около 873 года, между прочимъ, выражается такъ: „Пока не появился какой-то Г^и именемъ Меѳодій, со вновь изобрѣтенными славянскими письмами“ (*noviter inventis slavonicis litteris*; см. соч. Бодянскаго). Что же можно извлечь изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ? Главнымъ образомъ то, что латинское духовенство того времени считало славянскія письма недавно открытыми или изобрѣтенными. Это открытіе, судя по словамъ Іоанна VIII, приписывалось Константину; Зальцбургскій анонимъ не называетъ из-

обрѣтателя, а замѣтилъ только, что Меѳодій принесъ въ Моравію эти вновь изобрѣтенныя письма. Мы не находимъ здѣсь яснаго отчетливаго представленія о самомъ открытіи или изобрѣтеніи; несомнѣнно только одно, что письменность эта была новостью, принесенною въ Моравію Кирилломъ и Меѳодіемъ. Отсюда вытекаетъ вопросъ: въ какой степени Кириллъ и Меѳодій могутъ быть названы изобрѣтателями этихъ писменъ? Чтобы разяснить сколько-нибудь подобный вопросъ, мы все-таки возвращаемся къ ихъ Паннонскимъ житіямъ, въ основаніе которыхъ легли достовѣрные факты, но впоследствии затемненные или запутанные нѣкоторыми легендарными примѣсами.

Упомянутое о русскихъ Евангеліи и Псалтири, найденныхъ въ Корсуни, мы считаемъ драгоцѣннымъ извѣстіемъ, которое бросаетъ лучъ свѣта на вопросъ объ изобрѣтеніи славянскихъ писменъ. Уже и прежде слышались возраженія противъ непосредственнаго изобрѣтенія; основательно указывали на то, что письма обыкновенно не изобрѣтались вдругъ, однимъ человѣкомъ; что они создавались постепенно, съ помощью заимствованій, передѣлокъ и приспособленій. Слѣдовательно, говоря о Кириллѣ и Меѳодіи, невозможно понимать слово изобрѣтеніе въ буквальномъ смыслѣ. Самъ Храбръ говоритъ, что Славяне уже употребляли греческія и латинскія письма, но только съ затрудненіями, которыя, конечно, происходили главнымъ образомъ отъ недостатка знаковъ, способныхъ выразить звуки шипящіе и свистящіе, почти чуждые классическимъ языкамъ. Основаніе нашего алфавита или большинство буквъ чисто греческое, и древній славянскій уставъ въ этомъ отношеніи немного отличается отъ устава греческаго VI—VII вѣковъ. Слѣдовательно, тутъ не было никакого изобрѣтенія, а прямое заимствованіе. Это заимствованіе, мы думаемъ, возникло преимущественно тамъ, гдѣ Восточно-Славянскій міръ соприкасался съ Греческимъ и находился съ нимъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, то-есть, на берегахъ Чернаго моря, въ греко-скифскихъ епархіяхъ Херсона и Боспора. Впрочемъ, относительно прямого перехода 24 греческихъ буквъ въ славянскій алфавитъ теперь почти никто не сомнѣвается; вопросъ заключается собственно въ 12 или 14 знакахъ для передачи звуковъ носовыхъ, шипящихъ, свистящихъ и такъ-называемыхъ полугласныхъ. Откуда они взялись, и можно ли изобрѣтеніе ихъ приписывать Солунскимъ братьямъ? Мы думаемъ, что и эти буквы уже существовали, и что онѣ не были сочинены или взяты Константиномъ изъ другихъ восточныхъ алфавитовъ. Что подобныя буквы существовали, доказательствомъ тому служить другой

славянскій алфавитъ, извѣстный подъ именемъ *глаголицы*. Тамъ есть также шипящія и свистящія буквы, но при этомъ почти весь алфавитъ своимъ начертаніемъ не похожъ на греческій. Можно ли предположить, что и глаголица есть также изобрѣтеніе какого-либо лица?

Извѣстно, что Шафарикъ въ послѣднее время своей жизни отказался отъ прежняго мнѣнія и считалъ глаголицу изобрѣтеніемъ Константина и Меодія, а кирилицу — дѣломъ ученика ихъ Климента, который будто бы отступилъ отъ изобрѣтенія своихъ учителей и приблизилъ славянскій алфавитъ къ греческому. Такое оригинальное мнѣніе не нашло послѣдователей и встрѣтило сильныя опроверженія. И дѣйствительно, оно не подтверждается никакими данными. Извѣстенъ также споръ между учеными славистами о томъ, какая азбука древнѣе: кирилица или глаголица? Главный источникъ подобнаго спора, также какъ причина недоумѣнія великаго славянскаго ученаго и вообще противорѣчивыхъ мнѣній объ этомъ предметѣ, заключается въ томъ, что исходный пунктъ былъ не вѣренъ. Доселѣ ученые въ своихъ мнѣніяхъ исходили отъ *изобрѣтенія* письменъ, совершеннаго извѣстнымъ лицомъ въ извѣстное время, — тогда какъ въ дѣйствительности подобнаго изобрѣтенія не было. Уже самое существованіе двухъ славянскихъ азбукъ, существованіе параллельное и стародавнее, показываетъ, что изобрѣтенія не было: если одна какая-либо азбука издавна существовала у Славянъ, то Константину и Меодию не было надобности изобрѣтать другую. Толкованіе, что глаголица изобрѣтена специально для отдѣленія Славянъ католическихъ отъ православныхъ, не подтверждается никакими данными; католическое духовенство могло только воспользоваться для этой цѣли уже существовавшимъ алфавитомъ. Мы думаемъ, что два означенные алфавита и при самомъ началѣ своемъ также относились другъ къ другу, какъ они относятся и теперь, то-есть: это — алфавиты западно-славянскій и восточно-славянскій.

Нѣкоторые (напримѣръ, г. Григоровичъ) полагали, что русскія книги, найденныя Константиномъ въ Корсунѣ, по всей вѣроятности, принадлежали собственно глагольской письменности. Но доселѣ ни одинъ памятникъ не позволяетъ думать, чтобъ эта письменность получила начало въ южной Россіи. Почти всѣ значительныя глагольскія памятники принадлежатъ Славянамъ Иллирійскимъ и Дунайскимъ. (Нѣкоторые отрывки, найденные въ Россіи, еще не могутъ свидѣтельствовать о русскомъ происхожденіи глаголицы). Когда возникъ этотъ алфавитъ, мы не знаемъ; по всей вѣроятности, онъ издавна существовалъ

у этихъ Славянъ. Замѣчательно, что на западѣ, то-есть, въ латинскомъ мірѣ, онъ имѣлъ, между прочимъ, названіе алфавита „Булгарскаго“ (Abecedarium Bulgaricum). Но и это названіе еще не указываетъ на его происхожденіе. Мы можемъ предположить, что Дунайскіе Болгаре нашли его у Илирійскихъ и Мизійскихъ Славянъ, которыхъ они отчасти покорили въ VI—VII вѣкахъ. Между этими послѣдними уже распространилось христіанство, и очень вѣроятно, что у нихъ уже существовали начатки переводовъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ, написанныхъ именно глагольскими знаками. Но въ послѣдствіи глаголица у Болгаръ была вытѣснена такъ-называемою кириллицей. Откуда же взялась послѣдняя? Полагаемъ, что это былъ восточно-славянскій алфавитъ, именно тотъ, которымъ были написаны русскія книги, найденныя въ Корсуни. Мы говорили, что между Черными Болгарами уже давно существовало христіанство, а слѣдовательно, можемъ предположить у нихъ существованіе славянскаго богослуженія и славянскихъ переводовъ Священнаго Писанія. Извѣстіе Паннонскаго житія о русскихъ письменахъ совершенно соотвѣтствуетъ этому предположенію. Оно согласуется и съ тѣмъ выводомъ, что въ распространеніи христіанства здѣсь главную роль игралъ Корсунъ. Мы видѣли, что та Фульская область, въ которой находилось полужизическое, полухристіанское населеніе, лежала по сосѣдству съ Корсунскою землею. Здѣсь-то въ Корсуни, вѣроятно, и были положены начатки восточно-славянскихъ переводовъ неизвѣстными міру миссіонерами полугреческаго, полуславянскаго происхожденія, хорошо владѣвшими и тѣмъ, и другимъ языкомъ.

Переводы эти въ житіи названы письменами *рускими*. Но такое названіе нисколько не должно насъ затруднять. Оно могло быть уже въ первоначальной запискѣ о путешествіи Константина въ Хазарію. Въ эпоху Солунскихъ братьевъ Русь уже проникла въ Крымъ, что подтверждается нападеніемъ ея на Царьградъ, нападеніемъ, которое, какъ мы говорили, обуславливалось присутствіемъ русскаго вліянія или русскаго владычества на берегахъ Боспора Киммерійскаго ¹⁾.

¹⁾ Это присутствіе Руси въ томъ краю подтверждается и арабскими извѣстіями, на которыя мы уже не разъ ссылались. Между прочимъ, Табари разсказываетъ, что уже въ VII вѣкѣ арабскіе завоеватели, проникнувъ на Кавказъ, очутились между двумя врагами, Хазарами и *Руссами*. (*Dorn—Nachrichten ueber die Chazaren* въ *Mémoires de l'Acad. des Sciences*, t. VII). Если предположить даже здѣсь какую-нибудь ошибку со стороны Табари, то-есть, смѣшеніе современной ему Руси съ какимъ либо другимъ народомъ, то все-таки не забудемъ,

Но возможно также, что это названіе принадлежитъ собственно редакціи житія, то-есть, тому времени, когда Русь, господствуя въ странѣ Черныхъ Болгаръ, уже получила болгаро-славянскую письменность, которую, поэтому, могли иногда вмѣсто „славянской“ называть „русскою“. Что корсунскіе Евангеліе и Псалтирь были написаны собственно не на русскомъ, а на болгарскомъ языкѣ, это ясно. Повторяемъ, никакихъ слѣдовъ русскаго перевода мы не имѣемъ; а еслибъ онъ существовалъ въ Корсуни, то крещеной Руси потомъ не было бы нужды усвоивать себѣ богослуженіе и переводы на языкѣ древне-болгарскомъ. Между тѣмъ, всѣ данныя подтверждаютъ, что и начало русскаго христіанства было также въ Крыму; что оно возникло между Руссами послѣ ихъ соединенія съ Черными Болгарами, и что въ нашемъ христіанствѣ первенствующая роль принадлежитъ все тому же Корсуню. Не даромъ и самый главный актъ въ исторіи нашего христіанства, то-есть, крещеніе Владиміра, совершилось именно въ Корсуни. Археологическія изысканія доказываютъ, что и первые Кіевскіе храмы, напримѣръ Десятинная церковь, были созданы по плану и образу именно храмовъ Корсунскихъ.

Итакъ, мы полагаемъ, что Солунскіе братья дѣйствительно нашли въ Корсуни восточно-славянскую азбуку и начатки собственно болгарскихъ переводовъ. Они благоразумно и искусно воспользовались этою письменностію для своей миссіи къ Славянамъ Моравскимъ. Мы собственно отрицаемъ изобрѣтеніе ими письменъ; но затѣмъ остаются за ними огромныя заслуги по устроенію и распространенію этой письменности. По всей вѣроятности, они привели въ болѣе стройный порядокъ славянскую азбуку, продолжали дѣло перевода, исправляли переводы прежніе и особенно много заботились о списываніи богослужебныхъ книгъ. Эти восточно-славянскія книги, принесенныя ими въ Моравію, дѣйствительно могли показаться тамъ вновь изобрѣтенными письменами. Что же касается Дунайскихъ Болгаръ, то здѣсь эта письменность, по всей вѣроятности, была распространена собственно учениками Солунскихъ братьевъ, которые по смерти Меоо-

---

что онъ жилъ во второй половинѣ IX и въ первой четверти X вѣка, слѣдовательно, былъ младшимъ современникомъ Кирилла и Меодія. (Интересно, что норманизмъ, отвергая это извѣстіе Табарн, не заключающее въ себѣ ничего невѣроятнаго въ виду исконнаго жительства Роксаланъ или Руси у береговъ Азовскаго моря, въ то же время отстѣпываетъ извѣстіе Аль-Катиби о нападеніи Руси на Севилью въ 814 году—извѣстіе ни съ чѣмъ несообразное и основанное на очевидномъ недоразумѣніи).

дія принуждены были, вслѣдствіе гоненій, покинуть Моравію и удалиться въ Болгарію. Таковы знаменитые седмичисленники—Гораздъ, Наумъ, Климентъ, Сава и Ангеларій. Кирилловское письмо тѣмъ легче могло восторжествовать здѣсь надъ другимъ письмомъ (глагольскимъ), что само оно (то-есть, кирилица) было собственно болгарскаго происхожденія.

Краткое извѣстіе житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни, и о человѣкѣ, научившемъ Константина русской грамотѣ, не осталось безъ кривыхъ толковъ и у нашихъ старинныхъ книжниковъ. Оно служитъ нагляднымъ примѣромъ тому, какъ неудобопонятны мѣста древнѣйшихъ памятниковъ подвергаются произвольнымъ толкованіямъ со стороны позднѣйшихъ писателей. Упомянутое извѣстіе породило у русскихъ книжниковъ домыслъ о томъ, что русская грамота никѣмъ не изобрѣтена, но самимъ Богомъ явлена въ Корсуни нѣкоему благочестивому Русину во дни царя Михаила и матери его Прины, и что отъ этого Русина Константинъ Философъ научился русской грамотѣ, которую ввелъ между Моравами, Чехами и Ляхами, откуда она потомъ была вытѣснена ревнителемъ католическаго обряда Войтехомъ. Это сказаніе встрѣчается въ рукописи XV вѣка, принадлежащей Московской духовной академіи, въ той же рукописи, гдѣ находится Паннонское житіе Константина Философа (См. *Чт. Общ. Ист.* „Др. 1863 г., № 2). Достоуважаемый авторъ изслѣдованія „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“ справедливо называетъ это сказаніе позднѣйшимъ домысломъ (стр. 101). Но мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ, что этотъ домыслъ породилъ вставку о русскихъ письменахъ въ самомъ житіи Константина. Очевидно, дѣло произошло наоборотъ, то-есть, какъ мы выше замѣтили, плохо понятое извѣстіе Константинова житія породило сказаніе о русскихъ письменахъ, явленныхъ самимъ Богомъ нѣкоему Русину. Читая извѣстіе, что Константинъ нашелъ въ Корсуни русскія письмена, пытливый книжникъ не могъ не задать себѣ вопроса: а откуда же взялись эти письмена,—и рѣшилъ его совершенно въ духѣ своего патріотизма и своего благочестія.

Рядомъ съ этимъ толкованіемъ возникло другое сказаніе о происхожденіи русскихъ письменъ. Это сказаніе приписываетъ изобрѣтеніе ихъ епископу, крестившему Русь во времена императора Василія Македонянина. Оно дошло до насъ въ греческомъ сочиненіи, принадлежащемъ неизвѣстному автору, и напечатано у Бандури въ его *Imperium Orientale* съ латинскимъ переводомъ (т. II, стр 112). Сказа-

ніе это повѣствуетъ объ отправленіи Русскимъ княземъ пословъ сначала въ Римъ, потомъ въ Константинополь для испытанія обряда. Послы отдають предпочтеніе обряду греческому. Тогда великій князь Русскій обращается къ императору Василию Македонянину съ просьбой о присылкѣ епископа, который крестилъ бы его и народъ его. Императоръ отправилъ епископа съ двумя товарищами Кирилломъ и Аванасіемъ. Эти мужи дѣйствительно крестили народъ; но увидавъ его грубость и невѣжество, они составили для него азбуку изъ 35 буквъ, въ число которыхъ помѣстили 24 греческія буквы. (Слѣдуютъ славянскія ихъ названія, то-есть, азъ, буки, вѣди и пр.). Потомъ разсказывается встрѣчающееся и въ другихъ греческихъ источникахъ чудо съ Евангеліемъ, которое епископъ по требованію князя и народа бросилъ въ зажженный костеръ, и оно осталось невредимымъ. Все это сказаніе есть, очевидно, довольно позднее сочиненіе и представляетъ смѣсь разныхъ легендъ, по всей вѣроятности, болѣе русскаго происхожденія, чѣмъ греческаго. О томъ свидѣлствуютъ славянскія названія буквъ, представляющія слѣды южно-русскаго произношенія (какъ доказываетъ г. Бодянский въ упомянутомъ выше изслѣдованіи). Тутъ съ извѣстными разказами о посольствѣ русскихъ мужей для испытанія церковныхъ обрядовъ связалась и легенда о Кириллѣ и Меѳодіѣ, какъ изобрѣтателяхъ славянскихъ письменъ; но изобрѣтеніе это назначается собственно для Русскаго народа. Подобное назначеніе также указываетъ на русское происхожденіе самого сказанія. Можетъ быть, приведенное выше толкованіе о русскихъ письменахъ, явленныхъ нѣкому Русину самимъ Богомъ, отчасти имѣло въ виду отпоръ другому мнѣнію, которое считало ихъ изобрѣтеніемъ Грековъ. Все это свидѣлствуетъ о томъ, какія разнообразныя мнѣнія существовали въ старину о дѣятельности Кирилла и Меѳодія и о происхожденіи славянскихъ письменъ.

Для даннаго вопроса весьма важно то обстоятельство, что во всей обширной литературѣ византійской мы не имѣемъ ни одного греческаго источника, современнаго или близкаго по времени къ эпохѣ Константина и Меѳодія, источника, который хотя бы однимъ словомъ упомянулъ о дѣятельности Солунскихъ братьевъ на пользу Славянъ. Это полное молчаніе бросаетъ сильную тѣнь на достовѣрность сказаній объ *изобрѣтеніи* славянскихъ письменъ въ IX вѣкѣ. Трудно предположить, чтобы византійскіе историки умолчали о такомъ важномъ дѣлѣ двухъ своихъ соотечественниковъ, еслибъ это дѣло совершилось въ дѣйствительности. Всѣ попытки объяснить подобное

молчаніе представляютъ крайнія натяжки. Помянутое сочиненіе анонима у Бандури хотя и написано по гречески, но какъ мы замѣтили, есть довольно позднее произведеніе, основанное не на греческихъ источникахъ. То же самое можно сказать о другомъ памятникѣ, именно о *Житіи святого Климента, епископа Бумарскаго*, существующемъ на греческомъ языкѣ. Это сочиненіе приписывается болгарскому архіепископу Теофилакту (умершему въ 1107 году), родомъ Греку ¹⁾. Но очевидно, что оно составлено въ Болгаріи и на основаніи болгарскихъ, а не греческихъ источниковъ. Житіе это приписываетъ изобрѣтеніе письменъ обоимъ братьямъ Кириллу и Меѳодію. Существуетъ еще другое, краткое житіе Климента, также на греческомъ языкѣ (изданное г. Григоровичемъ въ *Журналъ Мин. Народн. Просв.* 1847 г. № 1). Последнее составляетъ, по видимому, сокращеніе перваго житія, но имѣетъ сравнительно съ нимъ разныя прибавки и передѣлки. Такъ, въ этомъ краткомъ житіи встрѣчается извѣстіе, котораго нѣтъ въ полномъ, именно о томъ, будто бы Климентъ изобрѣлъ „другіе знаки письменъ, явственнѣе тѣхъ, которые открыты ученымъ Кирилломъ“. Извѣстіе это сдѣлалось источникомъ сильныхъ споровъ между нѣкоторыми представителями славянской науки. Шафарикъ, на основаніи его и нѣкоторыхъ открытыхъ памятниковъ глагольской письменности, восходящихъ къ X вѣку, измѣнилъ свой прежній взглядъ на кирилицу и началъ доказывать, что письмо, изобрѣтенное Кирилломъ и Меѳодіемъ, есть глаголица, а что такъ называемая кириллица произошла изъ глаголицы и введена трудами Климента (*Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Von P. J. Schafarik. Prag. 1858*). Это мнѣніе не было принято наукою, не смотря на великій авторитетъ Шафарика; оно вызвало горячія опроверженія и вообще замѣтно оживило вопросъ о взаимномъ отношеніи кирилловскаго и глагольскаго письма ²⁾. Упомянутое краткаго житія Кли-

¹⁾ Нѣкоторые слависты, впрочемъ, не признаютъ его сочиненіемъ Теофилакта, считаютъ произведеніемъ собственно болгарской литературы, переведеннымъ впоследствии на греческій языкъ (см. соч. *Бодянскаго*, стр. 9). Доказательства послѣдняго мнѣнія мы не находимъ убѣдительными; онѣ направлены къ тому, чтобы житіе это перенести во время болѣе близкое къ Клименту (умершему въ 916 г.) и приписать его кому-либо изъ учениковъ Климента; слѣдовательно, эти доказательства отымаются предвзятою мыслию.

²⁾ Въ русской литературѣ укажу на возраженія Гильєрдинга; но самое обстоятельное опроверженіе доводовъ Шафарика и сводъ мнѣній по этому вопросу см. въ прекрасной статьѣ г. *Викторова*: «Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ» (*Литописи Русской литературы*: Изд. *Тихомирова*. Т. II и III).

мента объ изобрѣтеніи имъ другихъ писменъ можно толковать только въ смыслѣ упрощенія, улучшенія и вообще дальнѣйшаго развитія кирилловскаго письма, что совершенно согласно съ свидѣтельствомъ Храбра о продолжавшемся устроеніи этого письма и послѣ Кирилла. То и другое свидѣтельство подтверждаетъ нашу мысль, что кирилловское письмо утверждено въ Болгаріи трудами не самихъ Солунскихъ братьевъ, но преимущественно ихъ учениковъ, удалившихся изъ Моравіи въ Болгарію, а процвѣло оно здѣсь постепенно уже трудами ихъ преемниковъ.

Извѣстно, что дѣятельность Кирилла и Меѳодія и происхожденіе славянскаго письма представляютъ поприще, на которомъ пробовали свои силы многіе славянскіе и нѣкоторые нѣмецкіе ученые. Вопросъ этотъ имѣетъ весьма богатую литературу; напомнимъ только труды: Шлецера, Добровскаго, Калайдовича, Венелина, Шафарика, архимандрита Макарія, епископа Филарета, отца Горскаго, Копитара, Миклошича, Шлейхера, Ваттенбаха, В. И. Григоровича и И. И. Срезневскаго. Почти всѣ эти предшествовавшіе труды нашли себѣ тщательную оцѣнку въ упомянутомъ выше сочиненіи О. М. Бодянскаго: О времени происхожденія славянскихъ писменъ (Москва. 1855 г.). Но и послѣ этой книги разработка вопроса не прекратилась; напротивъ, онъ оживился и обогатился новыми трудами. Кромѣ сочиненія Дюмлера, появившагося почти одновременно съ книгою Бодянскаго (*Die rannponische Legende vom heiligen Methodius* въ *Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen*. Wien. 1854), укажу на Гануша (*Zur slavischen Runen Frage*. Ibid. 1857), Гинцеля (*Geschichte der Slaven Apostel*. Leitmeritz. 1857), Рачкаго (*Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda*. U Zagrebu. 1859), Викторова („Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ“ 1859—1861 годовъ и „Кириллъ и Меѳодій“ 1865 г.), П. Лавровскаго (Кириллъ и Меѳодій. Харьковъ. 1863 г.), Лежера (*Cyrille et Methode*. Paris. 1868) и Вильбасова (Кириллъ и Меѳодій. 1868—1871 гг.).

Казалось бы, что можно прибавить къ столь подробной и многосторонней обработкѣ предмета? Но въ томъ-то и дѣло, что, не смотря на эту обработку, уже самое разнообразіе мнѣній говоритъ, что вопросъ все еще далекъ отъ положительнаго рѣшенія. Слѣдовательно, въ немъ самомъ, то-есть, въ его постановкѣ или въ его исходныхъ пунктахъ заключались условія, не благопріятствующія его разрѣшенію. Мы думаемъ, что эти условія прежде всего суть легендарный элементъ, отъ котораго наука все еще не могла вполне освободиться. Исслѣдователи по большей части шли отъ изобрѣтенія писменъ Ки-

рилломъ и Мееодиѣмъ и пытались опредѣлить: какое письмо изобрѣтено прежде, глагольское или кириловское? Мы думаемъ, исходные пункты будутъ ближе къ истинѣ, если примемъ положеніе, что обѣ азбуки существовали до времени Солунскихъ братьевъ и возникли независимо другъ отъ друга, хотя и могли оказывать потомъ взаимное вліяніе ¹⁾. Повторяемъ, наука доселѣ слишкомъ мало обращала вниманія на извѣстіе Константинова житія о славянскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни. Очень вѣроятно, что это восточно-славянское письмо заключало въ себѣ ту азбуку, которая впослѣдствіи была названа кириллицей; она, вмѣстѣ съ начатками переводовъ, была принесена Кирилломъ и Мееодиѣмъ въ Моравію, трудами ихъ учениковъ и преемниковъ утверждена въ Болгаріи, откуда вытѣснила западно-славянское письмо или глаголицу, существовавшую у дунайскихъ Славянъ. Надѣмся, что нашимъ мнѣніемъ не умаляются заслуги Солунскихъ братьевъ. Безспорно имъ принадлежитъ честь лучшаго устройства и приспособленія восточно-славянской азбуки къ потребностямъ, крещенаго славянскаго міра, а также ея утвержденіе и распространеніе посредствомъ дальнѣйшихъ переводовъ Священнаго Писанія и дѣятельнаго размноженія его списковъ. Уже самое появленіе легендъ, относящихся къ ихъ дѣятельности все начало славянской письменности, показываетъ, что они дѣйствительно совершили великіе подвиги на этомъ поприщѣ и произвели значительный переворотъ въ этомъ дѣлѣ.

Далѣе, филологи, занимавшіеся вопросомъ о славянскихъ письменахъ, повторяемъ, и не могли прійти къ удовлетворительному разрѣшенію этого вопроса уже вслѣдствіе невѣрнаго представленія о народностяхъ болгарской и русской. Большинство ихъ считало эти народности чуждыми славянскому міру и еще менѣе подозрѣвало присутствіе чистаго Славяно-Болгарскаго элемента, притомъ элемента христіанскаго, въ Крыму по сосѣдству съ Корсунемъ, въ эпоху пребыванія тамъ Константина и Мееодія. Вотъ новое доказательство тому, въ какой тѣсной связи находятся филологія и исторія при разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Какъ бы ни была тщательна филологическая разработка предмета, но если къ ней присоединились не-

¹⁾ Говоримъ только о совмѣстномъ существованіи двухъ славянскихъ азбукъ въ эпоху предкириловскую; но не входимъ въ разсмотрѣніе вопроса объ ихъ происхожденіи и объ ихъ связи съ древними рунами (которую старается доказать, напримѣръ, Ганушъ) или съ тѣми чертами и рѣзами, на которыя указываетъ Храбръ. Этотъ предметъ еще слишкомъ мало обследованъ, чтобы дѣлать какіе-либо вѣроятные выводы.

вѣрныя историческія положенія, то и выводы ея никогда не достигнутъ надлежащей ясности и точности. Мы, конечно, далеки отъ притязанія рѣшить положительно вопросъ о происхожденіи славянскихъ письменъ и о взаимномъ отношеніи двухъ славянскихъ азбукъ; но смѣемъ надѣяться, что добытые нами выводы, относительно народности и разныхъ вѣтвей великаго Болгарскаго племени, могутъ принести свою долю участія въ рѣшеніи помянутаго вопроса.

IX.

Выводъ о времени русскаго владычества въ Черной Болгаріи.—Извѣстія о Руси въ житіяхъ св. Георгія и св. Стефана. — Свидѣтельство Таврическаго анонима и его предполагаемое отношеніе къ Игорю.—Таматарха.

Изъ всего предыдущаго выводимъ, что тѣсныя связи Черныхъ Болгаръ съ Руссами или Азовско-Днѣпровскими Роксаланами начались приблизительно въ первой половинѣ IX вѣка.

Представимъ въ сжатомъ видѣ сущность доказательствъ, на которыхъ мы основываемъ это положеніе. По извѣстію византійскихъ историковъ Теофана и Никифора, Кубанская или Черная—а по ихъ словамъ *Великая* или *Древняя* — Болгарія въ тѣ времена платила дань Хазарамъ; историки эти писали въ первой четверти IX вѣка. Въ 864—865 гг. Русь совершаетъ морской набѣгъ на Царьградъ; а мы доказывали, что подобные набѣги сдѣлались возможны только съ ея появленіемъ на берегахъ Боспора Киммерійскаго. Бесѣды патріарха Фотія даютъ понимать, что это нападеніе Руссовъ на столицу Византіи произведено было въ первый разъ, но что самый народъ Русскій не былъ тамъ неизвѣстенъ, то-есть, что русскіе послы и торговцы уже посѣщали Византію. Слѣдовательно, утвержденіе Руси на берегахъ Боспора Киммерійскаго совершилось въ періодъ времени между Теофаномъ и Никифоромъ, съ одной стороны, и Фотіемъ—съ другой. И дѣйствительно, на этотъ періодъ падаютъ два свидѣтельства, которыя могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ въ темную эпоху, насъ занимающую: это извѣстіе Константина Багрянороднаго о построеніи Саркеда около 835 года и упоминаніе Бертинскихъ лѣтописей о послахъ Русскаго кагана къ императору Византійскому Теофилу около 839 года. Мы говорили, что эти два извѣстія, по всей вѣроятности, имѣютъ связь между собою, то-есть, намекаютъ на борьбу Руси съ Хазарами, при чемъ тотъ и другой народъ искалъ союза съ Византійскою имперіей. Русское посольство не воротилось тѣмъ же путемъ въ Кіевъ по причинѣ варварскихъ народовъ. По всей вѣроят-

ности, на югѣ Россіи и на Таврическомъ полуостровѣ въ то время кипѣли жестокия войны Болгарь, съ которыми соединились Руссы, противъ Хазарь и Угровъ. Эти войны окончились освобожденіемъ Черныхъ Болгарь, но вмѣстѣ съ тѣмъ, хазарское иго они должны были промѣнять на нѣкоторую зависимость отъ Русскихъ князей. Руссы, по всей вѣроятности, прежде всего утвердили свое господство на берегахъ Боспора Киммерійскаго, то-есть, изгнали хазарскіе гарнизоны изъ городовъ Боспора (Керчи), Фанагурии (Тмутраканя) и нѣкоторыхъ другихъ и замѣнили ихъ своими дружинами; а разнымъ племенамъ Черныхъ Болгарь, вѣроятно, предоставили управляться по прежнему своими вѣчами и мелкими князьями. Вообще, первая половина IX вѣка по всемъ признакамъ была эпохой упадка Хазарской державы. Съ сѣвера ее тѣснили Печенѣги, съ запада — Русь, съ юга—мусульманскіе халифы. Въ то же время покоренные народы возставали и завоевывали себѣ независимость. Такъ, около этой эпохи возвратили свою независимость Прикавказскіе Аланы, ибо въ первой половинѣ X вѣка, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, они уже не только свободны, но и тѣснятъ самихъ Хазарь. Черкесскія племена, то-есть, собственные Хазары или Кабардинцы, иначе Касоги, неохотно сносили иго каспійско-волжскихъ хагановъ, на что ясно указываетъ извѣстіе Константина о кабарскомъ возстаніи. Хотя время этого возстанія и выселенія части Кабарь онъ не опредѣляетъ (мы относимъ его къ концу VI вѣка), но по всей вѣроятности, оно повторялось не одинъ разъ и подрывало крѣпость Хазарской державы. Въ первой половинѣ X вѣка находимъ Черкесскія племена только въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Итильскому верховному хагану, и конечно, подъ управленіемъ своихъ собственныхъ князей или хагановъ.

Мы уже говорили, что хазарское владычество въ Крыму держалось собственно черкесскими дружинами, и что съ этими-то дружинами должны были бороться Черные Болгаре, Русь и Греки. Борьба была продолжительна, такъ какъ Черкесы-Хазары, очевидно, засѣли во многихъ укрѣпленныхъ пунктахъ восточной и нагорной части Крыма; опираясь на эти пункты, они долго еще держались въ Крыму, и конечно, не разъ пытались вновь завоевать утраченные области. Ихъ союзниками въ этихъ войнахъ или просто наемниками служили Угры, кочевавшіе на западной и южной сторонѣ Азовскаго моря. Одну изъ такихъ попытокъ мы усматриваемъ въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ житія Константинова объ осадѣ Хазарами какого-то хри-

стіанскаго города. Городъ этотъ могъ быть самымъ Боспоромъ или Корчевомъ, который уже давно служилъ резиденціей особаго епископа.

Сюмъзъ Руси съ Греками противъ Хазаръ въ началѣ XI вѣка заставляетъ предполагать, что и прежде того хитрая, властолюбивая Русь, смотря по обстоятельствамъ, то дружила съ Греками противъ Хазаръ, то наоборотъ, воевала противъ Грековъ и занимала въ свою службу черкесскія дружины (подобно Мстиславу Тмутраканскому, который имѣлъ у себя черкесскія дружины въ войнѣ съ братомъ Ярославомъ). До появленія Руси владичество въ Крыму раздѣлялось между Хазарами и Греками. Русь втѣснилась между ними, и справившись съ Хазарами, не остановилась передъ Греками. Фотій намекаетъ на убіеніе какихъ-то Русскихъ людей. На основаніи послѣдующихъ отношеній можемъ заключать, что тутъ дѣло идетъ о русскихъ торговцахъ; ибо Русь съ самаго начала является народомъ не только воинственнымъ, но и торговымъ. Гдѣ произошло это убійство или обида русскихъ торговцевъ—не извѣстно; событіе могло совершиться въ Царьградѣ или гдѣ-либо по близости его; но оно могло также произойти и въ Корсуни, этомъ важномъ торговомъ пунктѣ, лежавшемъ на пограничьи Византійскаго міра съ сѣверными варварами. Мы замѣтили, что житіе Константина можетъ указывать на присутствіе Русскихъ людей въ этомъ городѣ около половины IX вѣка.

Далѣе, если Русь въ 864—865 гг. считала себя достаточно сильною, чтобы напасть на самый Царьградъ, то по всей вѣроятности, она ужъ имѣла и прежде столкновенія съ Греками тамъ, гдѣ ихъ владѣнія соприкасались съ Русскими землями, то-есть, на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, и преимущественно въ Крыму, котораго юго-восточный горный берегъ въ тѣ времена былъ покрытъ греческими городами и замками, именно пространство между Херсонесомъ и Сугдией. Извѣстная осада Корсуни Владиміромъ была, конечно, только послѣднимъ эпизодомъ въ стремленіи Русскихъ князей присоединить къ своимъ владѣніямъ и этотъ берегъ. Точно также, если Русь въ 864 году отважилась сдѣлать нападеніе прямо на Царьградъ, то понятно, что она уже хорошо была знакома съ Чернымъ моремъ и съ его берегами; что, слѣдовательно, этотъ первый набѣгъ на столицу Византійской имперіи не былъ вообще ея первымъ морскимъ набѣгомъ на предѣлы имперіи. Такимъ образомъ намъ становятся понятными извѣстія о Руси, встрѣчающіяся въ житіяхъ св. Георгія, епископа Амастрійскаго, и св. Стефана, епископа Сурожскаго. Въ этихъ

извѣстіяхъ, не смотря на сильную легендарную примѣсь, мы можемъ признать дѣйствительную, то-есть, историческую, основу.

Въ первомъ житіи говорится, что русскіе пираты, разоривъ и плѣнивъ всю приморскую страну, начиная отъ Пропонтиды, напали, между прочимъ, на городъ Амастриду (на южномъ берегу Чернаго моря, въ Пафлагоніи). Они вторглись въ храмъ, гдѣ покоились мощи св. Георгія, и начали раскапывать его гробъ, думая найти тамъ сокровища, но были схвачены внезапною немощью и остались какъ-бы связаны невидимыми узами. Князь варваровъ, пораженный чудомъ, раскаялся въ своей жестокости и алчности и отпустилъ христіанскихъ плѣнниковъ; усердными молитвами послѣднихъ варвары получили исцѣленіе, и удалились, заключивъ миръ съ христіанами (*Acta Sanct.* подъ XXI февраля, III, 278).

Другое житіе даетъ еще болѣе любопытныя подробности, хотя, впрочемъ, еще болѣе заключаетъ въ себѣ легендарной примѣси. Какой-то Русскій князь, поплѣнивъ всю страну отъ Корсуна до Корчева, съ великою силою приступилъ къ Сурожу. Послѣ десятидневной битвы, онъ вломился въ городъ и устремился въ храмъ Софіи, гдѣ находился гробъ св. Стефана. Забравъ всѣ золотыя сосуды и драгоценныя вещи, онъ захотѣлъ ограбить и самыя мощи святаго, прикрытыя многоцѣнными паволоками. Но едва прикоснулся къ нему, какъ упалъ на землю съ искривленнымъ лицомъ и пѣной, исходявшею изо рта: какая-то сила давила его и едва позволила ему дышать. Князь велѣлъ тотчасъ возвратитъ въ храмъ все похищенное. Но тутъ онъ услышалъ гласъ святаго: „Если ты не крестишься въ семъ храмѣ, то и не изыдешь изъ него“. Князь изъявилъ готовность креститься, что и было немедленно исполнено; послѣ того онъ получилъ исцѣленіе. Вмѣстѣ съ нимъ крестились и всѣ его бояре. По возвращеніи, князь далъ свободу всѣмъ своимъ плѣнникамъ и съ миромъ отошелъ отъ города ¹⁾).

Тотъ и другой святой жили въ VIII вѣкѣ, и событія, на которыя намекаютъ ихъ жизнеописанія, могли совершиться еще въ IX вѣкѣ, чему не противорѣчитъ общій историческій ходъ подвorenія

¹⁾ См. *Зап. Одесск. Общ.*, т. I и *Описан. Румянц. Музея—Востоковъ*, 689. Житіе Стефана Сурожскаго дошло до насъ въ спискахъ XV и XVI вѣковъ, и очевидно, искажено разными прибавками. Такъ, князь Русскій, нападавшій на Сурожъ, будто прибылъ изъ Новгорода и назывался Бравлинъ; нима это, какъ объясняютъ, передѣлано позднѣйшими писателями изъ прилагательнаго «бравлявъ».

Руссовъ на Таврическомъ полуостровѣ, ихъ морскихъ предпріятій и ихъ постепеннаго обращенія въ христіанскую вѣру. Относительно послѣдняго обстоятельства укажемъ на окружное посланіе патріарха Фотія въ 866 году. Въ этомъ посланіи говорится о крещеніи Руссовъ, которое послѣдовало за ихъ нашествіемъ на Константинополь. По всей вѣроятности, они въ то время не ограничились однимъ нападеніемъ на столицу имперіи, а старались захватить или разграбить и греческіе города въ Тавридѣ, и слѣдовательно, могли, между прочимъ, взять Сугдею или Сурожъ. Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, мы можемъ приурочивать обѣ легенды и къ другимъ историческимъ событіямъ и лицамъ. Такъ, описаніе русскаго нашествия на Амастриду своими чертами напоминаетъ византійскія описанія Игорева нашествия на Визинскіе берега, то-есть, на мѣста со-сѣднія, и нѣтъ ничего удивительнаго, если во время этого нашествия Русь успѣла заглянуть и въ Амастриду. А чудо, совершившееся съ Русскимъ княземъ въ Сурожѣ и крещеніе его сильно отзываются извѣстною легендой о крещеніи Владиміра, только не въ Сурожѣ, а въ Корсуни. Послѣднее сближеніе подтверждается чудеснымъ исцѣленіемъ царицы Анны, о которомъ упоминаетъ то же житіе св. Стефана.

Дѣятельность отважнаго и предприимчиваго Игоря, по видимому, составила важную эпоху въ отношеніяхъ Черныхъ Болгаръ къ Русскимъ князьямъ. Мы имѣемъ поводы догадываться, что именно ему принадлежитъ окончательное утвержденіе русскаго господства на берегахъ Восточнаго Киммерійскаго и болѣе рѣшительное подчиненіе Черныхъ Болгаръ. Главнымъ поводомъ для этой догадки служить сравненіе двухъ извѣстныхъ намъ договоровъ съ Греками, Олега и Игоря. Въ Олеговомъ договорѣ 911 года нѣтъ помину ни о Черныхъ Болгарахъ, ни о Корсунской землѣ; тогда какъ въ Игоревомъ договорѣ 945 года прямо говорится о томъ, чтобы Русскій князь не имѣлъ никакихъ притязаній на города Корсунской области, не воевалъ бы этой страны и не позволялъ воевать ее Чернымъ Болгарамъ. Слѣдовательно, окончательное утвержденіе русскаго владычества въ Тавридѣ и подчиненіе Черныхъ Болгаръ русскому княжескому роду, сидѣвшему въ Кіевѣ, совершилось въ періодъ между 911 и 945 годами; а этотъ періодъ приходится на княженіе Игореву. Что въ Олеговомъ договорѣ не случайно пропущено условіе о Корсунскомъ пограничьи, подтвержденіемъ тому служитъ слѣдующій за Игоревымъ договоръ Святослава: въ послѣднемъ опять повторяется условіе не

воевать страны Корсунской. Слѣдовательно, со временъ Игоря Византійская имперія на этомъ своемъ пограничьи пришла въ непосредственное столкновение съ Руссами. Въ Святославовомъ договорѣ мы не встрѣчаемъ Черныхъ Болгаръ. Это могло произойти или оттого, что до насъ не дошелъ договоръ въполнѣ, и мы имѣемъ изъ него только небольшую часть, или потому, что Черные Болгаре къ тому времени уже находились на такой степени слиянія съ господствующею у нихъ Русью, что особое о нихъ упоминаніе дѣлалось излишнимъ. Приписывая Игорю подчиненіе Таврическихъ Болгаръ, мы, однако, не должны упускать изъ виду, что это было только дальнѣйшимъ шагомъ русскаго владычества въ восточной части Таврическаго полуострова. Самое естественное для Азовско-Днѣпровской Руси стремленіе было прежде всего завладѣть берегами этого пролива: черезъ него проходилъ главный ихъ судовой путь въ Черное море и области Византійской имперіи. Во времена Олега между русскими владѣніями на Боспорѣ и Корсунскою областью еще лежала земля Черныхъ Болгаръ, хотя и освобожденная съ помощью Руси отъ хазарскаго ига и находящаяся къ ней въ полузависимыхъ отношеніяхъ; русскія владѣнія еще не пришли въ тѣсное соприкосновеніе съ греческими владѣніями, и потому въ Олеговомъ договорѣ нѣтъ условія объ этихъ пограничныхъ отношеніяхъ. Игорь распространилъ свои владѣнія далѣе на юго-восточномъ Таврическомъ берегу, и прежнія союзническія, полузависимыя отношенія Черныхъ Болгаръ къ русскимъ князьямъ обратилъ силою меча въ отношенія подчиненія. Такой поворотъ находился, конечно, въ связи съ хазарскими дѣлами: русское владычество усиливалось по мѣрѣ того, какъ вытѣснились Хазары. Пока борьба съ Хазарами еще была трудна, смѣтливые Русскіе князья ограничивались союзническими или полусвободными отношеніями Черныхъ Болгаръ; а когда удалось сломить хазарское могущество, они стали дѣйствовать рѣшительнѣе. Но борьба съ Хазарами за обладаніе восточнымъ Крымомъ и Таманью еще далеко не кончилась, и Русскіе князья иногда дѣйствовали противъ нихъ въ союзѣ съ Греками. Это предположеніе мы выводимъ изъ того мѣста Игорева договора, гдѣ Византія, въ замѣнъ обязательства Руси не воевать Корсунской области, обѣщаетъ давать Русскому князю военную помощь, сколько ему потребуется. Противъ кого могла быть направлена эта помощь? Естественнѣе всего предположить, что противъ сосѣднихъ Крымскихъ и Кавказскихъ Черкесовъ-Хазаръ.

Мы позволяемъ себѣ привести въ тѣсную связь съ дѣятельностію

Игоря на Таврическомъ полуостровѣ одинъ изъ греческихъ отрывковъ, изданныхъ Газомъ (Leo Diacopus. Ed. Bon. 496 — 505. Nota ad p. 175). Въ этомъ отрывкѣ какой-то греческій военачальникъ доноситъ о войнѣ съ варварами. Судя по тому, что онъ упоминаетъ о Климатахъ, дѣйствіе происходитъ въ Тавридѣ, ибо Климатами называлась греческая область въ южной части Крыма по сосѣдству съ Корсунемъ. Начальника варваровъ онъ называетъ „княземъ страны, лежащей къ сѣверу отъ Дуная“. Эти варвары отличались прежде справедливостію, такъ что къ нимъ „добровольно“ присоединялись многіе города и цѣлыя народы; но теперь они принялись безъ жалости грабить и опустошать землю даже своихъ близкихъ союзниковъ и подчиненныхъ, чтобы поработить ихъ совершенно. Они разорили болѣе десяти городовъ и не менѣе 500 селеній. Это опустошеніе приблизилось наконецъ къ предѣламъ греческимъ. Тщетно греческій начальникъ посылалъ съ предложеніемъ о мирѣ; непріатели ворвались въ его область, то-есть, въ Климаты, съ великою конницею и пѣхотою, и осадили какую-то крѣпость, но послѣ неудачныхъ приступовъ отступили. Однако война продолжалась. Авторъ донесенія послалъ звать на совѣщаніе тѣхъ сосѣднихъ жителей, которые были его союзниками (eos autem, qui ditionis nostrae erant). Когда они собрались, то онъ устроилъ совѣтъ изъ ихъ старшинъ и держалъ къ нимъ рѣчь о мѣрахъ, какія надобно было принять въ подобныхъ обстоятельствахъ. Но тѣ, „не имѣя понятія о дѣйствіи императорскаго благоволенія, или чуждаясь греческихъ обычаевъ и любя независимость, или по сосѣдству и сходству своихъ нравовъ съ княземъ варваровъ, обладающимъ большою военною силою, рѣшили заключить съ нимъ союзъ“, — къ чему склоняли и греческаго начальника. Тогда послѣдній отправился въ станъ непріятельскій. Князь варваровъ принялъ его очень ласково, возвратилъ ему Климаты, даже присоединилъ къ тому еще цѣлую область и опредѣлилъ въ его пользу какіе-то доходы съ собственной земли.

Подъ именемъ князя варваровъ, владѣвшаго землею къ сѣверу отъ Дуная, конечно, скрывается князь Кіевской Руси, ибо никакаго другой владѣтель подобной земли не могъ въ то же время имѣть области въ Крыму и вести тамъ войну съ Греками. Но изслѣдователи терялись въ догадкахъ о томъ, кого изъ извѣстныхъ Кіевскихъ князей здѣсь можно разумѣть. Одни предполагали Владиміра и его походъ на Корсунь. Но это предположеніе не вѣроятно. Таврическій анонимъ говоритъ о нападеніи только на Климаты и о неудачной оса-

дѣ какой-то изъ второстепенныхъ греческихъ крѣпостей въ Крыму, послѣ чего былъ заключенъ миръ; тогда какъ походъ Владиміра окончился взятіемъ Корсуня и крещеніемъ князя, а на эти событія тутъ нѣтъ никакого намека. Другіе думали видѣть здѣсь Святослава, и это предположеніе имѣетъ за себя уже болѣе вѣроятности. Русскіе и византійскіе источники довольно тѣсно связываютъ дѣятельность Святослава съ берегами Киммерійскаго Боспора, то-есть, съ Крымомъ и Таманью. По нашей лѣтописи, онъ воевалъ съ Ясами и Касогами, слѣдовательно, въ той же сторонѣ; а договоръ съ Цимисхіемъ обязываетъ его не нападать на Корсунскую область. Левъ Діаконъ разказываетъ, что императоръ Никифоръ Фока, приглашая Святослава напасть на Дунайскихъ Болгаръ, отправилъ къ нему патриція Калокира, котораго Кедринъ называетъ сыномъ херсонскаго начальника, и мы можемъ догадываться, что самыя эти переговоры происходили, вѣроятно, въ Крыму, то-есть, въ русскихъ владѣніяхъ, сосѣднихъ съ Корсунью. Левъ Діаконъ называетъ Киммерійскій Боспоръ отечествомъ Тавроскиновъ или Святославовыхъ Руссовъ, говоря, что греческія суда на Дунаѣ отрѣзали имъ бѣгство въ ту сторону.

Оставляя за Святославомъ нѣкоторую вѣроятность по' отношенію къ упомянутому отрывку, мы однако думаемъ, что еще съ болѣею вѣроятностію можно отнести разказанное въ немъ событіе къ дѣятельности Святослава отца Игоря. Впервые, отрывокъ повѣствуетъ о порабоженіи княземъ варваровъ союзаго и родственнаго племени; это племя было, конечно, ничто иное какъ Черныя Болгаре, занимавшіе восточныя побережья Крыма; о подчиненіи же ихъ Кіевскому князю впервые упоминается въ Игоревомъ договорѣ. Въ вторыхъ, тотъ же договоръ впервые упоминаетъ и о Корсунской области; слѣдовательно, владѣнія Кіевского князя при Игорѣ вошли въ непосредственное съ нею соприкосновеніе, вмѣстѣ съ окончательнымъ подчиненіемъ Черныхъ Болгаръ. Въ третьихъ, въ договорѣ Греки обѣщаютъ военную помощь Русскому князю, и мы уже говорили, что это, безъ сомнѣнія, была помощь противъ общаго врага, то-есть, сосѣднихъ Хазаръ. Подтверженіе нашему предположенію можно найти и въ извѣстіи Константина Багрянороднаго, который говоритъ, что въ случаѣ пужды, противъ Хазаръ можно вооружить или Аланъ, или Черныхъ Болгаръ. Недаромъ же варварскій князь, если вѣрить отрывку, легко помирился съ греческимъ начальникомъ и даже щедро наградилъ его; можетъ быть, хазарскія отношенія имѣли тутъ нѣкоторую долю вліянія. Въ четвертыхъ, Левъ Діаконъ подтверждаетъ связь Игоревой

дѣятельности съ восточною частью Тавриды: онъ сообщаетъ, что послѣ пораженія у береговъ Малой Азіи, Игорь съ остатками своего флота бѣжалъ въ Киммерійскій Боспоръ. Наконецъ, вѣдѣтъ, Игорь является первымъ Киевскимъ княземъ, котораго по имени знаютъ византійскіе и западные писатели, и конечно, потому, что это былъ князь предприимчивый, властолюбивый и жадный къ добычѣ; онъ предпринималъ дальніе походы и заставлялъ много говорить о себѣ и своихъ Руссахъ. Жестокость и жадность, выказанныя имъ особенно по отношенію къ Древлянамъ и причинившія ему гибель, весьма походятъ на черты, которыми анонимный отрывокъ, не безъ примѣси реторики, описываетъ его образъ дѣйствія по отношенію и къ его Таврическимъ данникамъ, то-есть, къ Чернымъ Болгарамъ. Но главное историческое значеніе его дѣятельности, конечно, было болѣе важное, нежели разоренія и вымогательства; судя по всѣмъ даннымъ, этотъ энергическій князь сильно подвинулъ впередъ объединеніе Восточно-Славянскихъ племенъ подъ властью великаго князя Киевскаго. Онъ-то и совершилъ, вѣроятно, полное подчиненіе Черныхъ Болгаръ, такъ что слѣдующій за нимъ договоръ Святослава съ Греками (или дошедшій до насъ отрывокъ этого договора) уже не упоминаетъ о Черныхъ Болгарахъ, а говоритъ прямо о сопредѣльности русскихъ владѣній съ Корсунскою областю ¹⁾.

Но кто были туземцы даннаго отрывка, нѣсколько зависимые отъ Грековъ, а въ тоже время сосѣдніе съ княземъ варваровъ и подобныя ему нравами? Очевидно, это была та часть Черныхъ Болгаръ, которая обитала около греческихъ Климатовъ и находилась подъ нѣ-

---

¹⁾ Въ прежнихъ своихъ статьяхъ я уже доказывалъ, что имена первыхъ нашихъ князей, то-есть, впервые исторически известныхъ, Олега и Игоря, суть имена славянорусскія и вмѣстѣ одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ древней Россіи. Я приводилъ ихъ въ связь съ названіями нашихъ рѣкъ Волги и Угры. Кроме того, съ именемъ Олега я отождествлялъ имя нашего мѣстнаго богатыря Вольги, а привычнымъ именемъ Игоря объяснялъ произношеніе св. Георгія Егоромъ или Егоріемъ. Пользуюсь случаемъ упомянуть о томъ, что по этому поводу писалъ ко мнѣ профессоръ Харьковскаго университета Н. Я. Аристовъ въ мартѣ 1874 года. Соглашаясь съ моими толкованіями, онъ идетъ еще далѣе, и между прочимъ, приводитъ имя Игоря въ связь съ языческимъ великаномъ нашихъ былинъ Святогоромъ (*Святъ-Игоръ*). Прибавка слова «святъ» къ имени Игоря, по его мнѣнію, получилась подъ вліяніемъ христіанства и примѣшавшагося представленія о св. Георгіѣ. Что дѣйствительно первоначальное его имя было несложное, г. Аристовъ подтверждаетъ стихомъ былинъ:

Былъ на землѣ богатырь *Егоръ-Святогоръ*.

которымъ вліяніемъ Грековъ, хотя и не успѣла еще проникнуться большимъ сочувствіемъ къ ихъ обычаямъ, а сохраняла обычаи сходные съ другою частью того же племени, то-есть, съ Руссо-Болгарскимъ элементомъ въ Тавридѣ. Мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если предположимъ въ этихъ туземцахъ тотъ Фульскій языкъ, который во время Константина и Меѳодія хотя исповѣдывалъ уже христіанскую религію, однако еще поклонялся своему священному дубу и соблюдалъ прежніе языческіе обряды. По всей вѣроятности, и лѣтъ 70 спустя, то-есть, во время Игоря, этотъ народъ еще не далеко ушелъ въ усвоеніи христіанскихъ правовъ и все еще по своимъ понятіямъ и образу жизни былъ ближе къ своимъ соплеменникамъ (отчасти принявшимъ также крещеніе), нежели къ Грекамъ или къ сосѣднимъ Готамъ; послѣдніе уже во время Юстиніана I отличались преданностію христіанству и были союзниками Грековъ противъ Утургуровъ-Болгаръ. Малая симпатія къ греческому господству и особенно племенное родство съ Русью, конечно, увлекли Фульскихъ туземцевъ на сторону Русскаго князя въ войнѣ съ Греками ¹⁾. Послѣдніе, какъ извѣстно, старались привлечь на свою сторону сосѣднихъ варваровъ, обращая ихъ въ христіанство или склоняя ихъ подарками. Очень можетъ быть, что греческія интриги между Таврическими Болгарами не остались безъ вліянія на какія либо ихъ попытки къ отпаденію отъ Русскихъ князей, что, въ свою очередь, могло послужить поводомъ къ жестокому наказанію и окончательному подчиненію этихъ Болгаръ, а также и къ войнѣ съ самими Греками. Во всякомъ случаѣ склонная къ интригамъ византійская политика, умѣвшая снѣять раздоры между сосѣдями, очень хорошо всѣмъ извѣстна. То, что авторъ отрывка говоритъ о награжденіи его областью и о доходахъ, назначенныхъ въ его пользу изъ собственныхъ земель непріятельскаго князя, отзывается неточностію донесенія, то-есть, пѣкоторымъ хвастовствомъ. Конечно, тутъ надобно разумѣть возвращеніе какого-либо клочка земли, занятаго варварами во время войны, и обѣщаніе помогать хлѣбомъ и скотомъ, въ которыхъ Греки нуждались, и которые у варваровъ были въ изобиліи. Указаніе отрывка на доходы непріа-

---

¹⁾ Съ христіанскимъ элементомъ у Таврическихъ Болгаръ можно привести въ связь и христіанскій элементъ Игоревой дружины, о которомъ упоминается въ договорѣ. Этотъ энергическій и даже жестокий князь, очевидно, отличался терпимостію въ отношеніи къ христіанамъ; слѣдовательно, религія не мѣшала Фульскому народу вступить съ нимъ въ союзъ.

тельскаго вождя съ собственныхъ земель, конечно, лежавшихъ по сосѣдству, свидѣтельствуешь, что Русскій князь не впервые только пришелъ и покорилъ сосѣдную страну, но что дѣло идетъ именно объ усмирении и окончательномъ подчинении Черныхъ Болгаръ. А иначе было бы непонятно, о какихъ доходахъ идетъ рѣчь. Конечно, эти доходы, то-есть, дани съ туземнаго населенія Киевскому князю, уже существовали; впрочемъ, теперь они могли быть увеличены ¹⁾).

¹⁾ На дняхъ мы прочли новое разсужденіе А. А. Куника «О запискѣ Готскаго топарха» (изъ XXIV томъ *Зап. Акад. Наукъ*); такъ онъ называетъ анонимный отрывокъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь. Въ этомъ разсужденіи уважаемый ученый представляетъ нѣсколько очень дѣльныхъ соображеній, но увь, еще болѣе такихъ, съ которыми нѣтъ никакой возможности согласиться. При всей ученой обстановкѣ, то-есть, при богатствѣ ссылокъ на источники, разсужденіе страдаетъ выводами, лишенными основаній. Такъ, г. Куникъ, подобно г. Ламбину, два разные отрывка, изданные Газомъ, приписываетъ одному лицу и считаетъ ихъ автографами самого Готскаго топарха, хотя на это нѣтъ никакихъ серьезныхъ доказательствъ. А главное, чтобы рѣшить вопросъ о народностяхъ, подразумеваемыхъ въ отрывкѣ, надо было прежде произвести точное изслѣдованіе о томъ, какіе народы въ то время обитали въ Крыму, и каковы были ихъ взаимныя отношенія. Такъ, г. Куникъ варваровъ, напавшихъ на Климаты, считаетъ Хазарами, въ особенности потому, что они являются тутъ могущественнымъ народомъ, хотя въ X вѣкѣ Хазары были уже стѣснены въ Крыму Печенѣгами и Русью. Между прочимъ онъ считаетъ Аланъ въ числѣ *народцевъ, сопредѣльныхъ съ Корсунемъ*, а Черныхъ или Кубанскихъ Болгаръ помѣщаетъ только на Кубани, хотя о положеніи Аланъ на сѣверъ отъ Кавказа, а не въ Крыму, ясно говорить Константинъ Багрянородный, а на сѣвѣдство Черныхъ Болгаръ съ Корсунскою областю, то-есть, въ жительствѣ ихъ въ восточной части Крыма, указываетъ договоръ Игоря. Кромѣ того, тожество Прюкопѣевыхъ Гунновъ, обитавшихъ между Херсонесомъ и Востпоромъ, съ Болгарами было уже доказуемо мною въ изслѣдованіи о славянствѣ Болгаръ. Никакихъ опроверженій на эти доказательства пока не вижу, и не знаю, на какихъ основаніяхъ А. А. Куникъ называетъ Болгаръ «Тюркскою ордою». Въ числѣ ошибочныхъ положеній укажу и на то, что г. Куникъ помѣщаетъ въ Керчи, въ VIII вѣкѣ, греческаго топарха, тогда какъ изъ источниковъ извѣстно, что Керчь еще въ концѣ VI вѣка была завоевана Хазарами, и что VIII вѣкъ былъ временемъ почти полнаго господства Хазаръ въ Крыму. Далѣе, Климаты, о которыхъ говорится въ отрывкѣ, дѣйствительно могутъ быть Готскими; но отсюда еще не слѣдуетъ считать Готами и тѣхъ союзныхъ Грекамъ жителей, которые передались на сторону князя варваровъ, властвующаго къ сѣверу отъ Дуная. Г. Куникъ идетъ далѣе г. Ламбина, и связывая два разные отрывка, вмѣсто поѣздки въ станъ непріятельскаго князя, заставляетъ греческаго военачальника путешествовать въ Кіевъ, единственно на основаніи того, что этотъ князь властвовалъ къ сѣверу отъ Дуная. Но владѣя Киевскою землею, Русскіе

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, появленіе Руси на берегахъ Боспора Киммерійскаго восходитъ собственно къ первой половинѣ IX вѣка; но окончательное утвержденіе здѣсь Кіевскихъ князей и распространеніе ихъ господства на всю восточную часть Таврическаго полуострова совершилось не ранѣе эпохи Игоря, то-есть, приблизительно во второй четверти X вѣка. Въ это-то время, какъ надобно полагать, образовалось здѣсь то русское владѣніе, которое вскорѣ сдѣлалось извѣстно подъ именемъ Тмутраванскаго княжества. Русское названіе Тмутраванъ (позднѣе сокращенное въ Тамань), конечно, есть только видоизмѣненіе греческаго имени *Таматарха*. А послѣднее, въ свою очередь, произошло отъ слитнаго названія *Матарха* или *Метраха* съ членомъ *та*. Въ церковномъ уставѣ Льва Философа—слѣдовательно, IX вѣка—въ числѣ архіепископій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, на 39-мъ мѣстѣ упоминается *та Метрахъ*. Константинъ Багрянородный, у котораго впервые встрѣчается слитое названіе *Таматарха*, рядомъ съ нимъ употребляетъ и названіе простое, то-есть, *Матарха*. Затѣмъ въ источникахъ находимъ слѣдующіе варианты этого названія: въ средневѣковыхъ еврейскихъ надписяхъ — *Матерка*, у Нубійскаго географа — *Метреха*, у Арабовъ и у Генуэзцевъ XII вѣка — *Матерха*, у Рубруквиса — *Матриша* и *Матерха*, на италіанскихъ картахъ XIV и XV вѣковъ — *Матрека* и *Матраша* и пр.

Такимъ образомъ, на мѣстѣ Фанагоріи древнихъ писателей и Фанагуріи Проконія и Теофала встрѣчается у Константина Багрянороднаго Таматарха или Матарха. Но въ періодъ времени между Теофаномъ и Константиномъ въ странахъ Азовско-Черноморскихъ совершились довольно важныя перемѣны. Хазарское могущество было сломлено возстаніями нѣкоторыхъ покоренныхъ племенъ, а также усиліями двухъ сосѣднихъ народовъ — Печенѣговъ и особенно Руссовъ. Послѣднія своими судовыми походами въ Азовское и Каспійское моря нанесли сильныя удары Хазарскому государству и уничтожили его господство на берегахъ Киммерійскаго Боспора, гдѣ и основали свою собственную колонію. Печенѣги долгое время тѣснили Хазаръ съ сѣвера и опустошали ихъ области; наконецъ, стѣсненные, въ свою очередь, союзомъ Хазаръ и Узовъ или Комановъ, они устремились на

князя въ X вѣкѣ господствовали и въ восточной части Крыма, на что указываютъ договоры Игоря и Святослава; не говоря уже о прочихъ соображеніяхъ, нами представленныхъ.

западную сторону Дона и нахлынули на черноморскія степи, занявша дотолѣ племенами Угровъ и отчасти Кабаровъ. Угро-Кабары не выдержали этого нашествія и двинулись далѣе на западъ въ Дунайскія равнины. Нѣкоторая часть Печенѣговъ осталась въ своихъ прежнихъ жилищахъ за Дономъ и Волгой, въ сосѣдствѣ съ Команами: но большая часть ихъ орда заняла огромное пространство отъ нижняго Дуная до нижняго Дона. Византійское правительство съ помощью золота и ловкой политики не замедлило воспользоваться этими варварами, чтобы сдерживать своихъ сосѣдей какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ Черноморскихъ владѣніяхъ, то-есть, Болгаръ, Руссовъ и Хазаръ. Впрочемъ, Печенѣги служили орудіемъ обоюднѣе, то-есть, за плату и добычу давали вспомогательныя дружины и тѣмъ, которые воевали съ Греками, напримѣръ, Русскимъ князьямъ. Этотъ варварскій народъ, въ свою очередь, внесъ еще большее раззореніе и запустѣніе въ Черноморскія области и расширилъ тамъ господство степной природы. Онъ также началъ затруднять Дѣвпровской Руси ея связи съ берегами Азовскаго и Чернаго морей. Но онъ далеко не отрѣзалъ Русь отъ этихъ береговъ. какъ отрѣзали впоследствии болѣе многочисленные и еще болѣе дикіе варвары, то-есть, Половцы и Татары.

Печенѣги, между прочимъ, выгнали Угровъ и Хазаръ также изъ сѣверной, степной части Крыма, и такимъ образомъ, очутились на этомъ полуостровѣ сосѣдями греческихъ областей, то-есть, Херсона и Климатовъ. По словамъ Константина Багрянороднаго, они даже оказывали услуги Херсонитамъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Русью, Хазаріей и Зихіей, а именно, за условную плату перевозили въ Херсонесъ и обратно разные товары, какъ-то: рыбу, воскъ, хлѣбные запасы, сукна, разныя украшенія одежды, пряности, дорогіе мѣха и пр. Сами они доставляли Грекамъ быковъ, овецъ, кожи и прочія сырыя произведенія своего скотоводства.

Х.

Географическія извѣстія Константина Багрянороднаго о Болгаро-Тмутраканскомъ краѣ.—Девять Хазарскихъ округовъ.—Русское Тмутраканское княжество и его судьбы.

Константинъ Багрянородный сообщаетъ намъ нѣкоторыя любопытныя географическія подробности о Болгаро-Тмутраканской области. а также и вообще о сѣверномъ Черноморьѣ.

Вотъ что говоритъ онъ въ 42-й главѣ своего сочиненія „Объ управленіи Имперіей“.

„Падинакія ограничиваетъ всю Русь и Боспоръ до самаго Херсона, а также до Серета и Прута. Морской берегъ отъ Дуная до Днѣпра (Днѣстра?) заключаетъ 120 миль (μίλιον—тысяча шаговъ, слѣдовательно, около нашей версты). Днѣстръ отъ Днѣпра отстоитъ на 80 миль, и этотъ берегъ называется Золотымъ“. „Отъ Днѣпра до Херсона 300 миль; по срединѣ встрѣчаются гавань и озера, въ которыхъ Херсониты добываютъ соль. Между Херсономъ и Боспоромъ разстояніе въ 300 миль; тутъ лежатъ города Климатовъ. За Боспоромъ находится устье Меотійскаго озера, которое по его величинѣ всѣ называютъ моремъ; въ него впадаютъ многія и великія рѣки. Такъ, на сѣверѣ онъ имѣетъ Днѣпръ рѣку, изъ которой Руссы отправляются въ Черную Булгарію, Хазарію и Сирію. Заливъ Меотиды достигаетъ до Некропилъ, отстоящихъ отъ Днѣпра на четыре мили, и соединяется съ ними тамъ, гдѣ древніе переплывали море каналомъ поперекъ Херсона, Климатовъ и Боспора на разстояніи тысячи или болѣе миль. Но съ теченіемъ времени путь этотъ засыпался и обратился въ густой лѣсъ, и теперь существуютъ двѣ дороги, по которымъ Печенѣги отправляются въ Херсонъ, Боспоръ и Климаты. Съ восточной стороны Меотійское озеро принимаетъ въ себя многія рѣки, каковы Такаисъ, который идетъ отъ Саркела, и Харакуль, въ которомъ ловится рыба *берзетикъ* (βερζήτιχον), кромѣ того—рѣки Балъ, Бурликъ, Хадыръ и многія другія. Устье Меотиды, изливающееся въ Понтъ, также называется Бурликъ; здѣсь есть городъ Боспоръ, а напротивъ его лежитъ городъ, называющійся Таматарха. Это устье простирается на 18 миль, и посреди его находится большой, низменный островъ, называемый Атехъ. Отъ Таматархи на разстояніи 15 или 20 миль есть рѣка, именуемая Укрухъ, которая отдѣляетъ Зихію отъ (области) Таматархи. Зихія простирается на разстояніи 300 миль отъ Укруха до рѣки Никописъ, на которой находится городъ того же имени. Выше Зихіи лежитъ страна Папагія, выше Папагіи Казахія, надъ Казахіей Кавказскія горы, позади Кавказа Аланія. Морской берегъ Зихіи имѣетъ острова, одинъ большой и три малыхъ, между которыми есть и другіе острова, населенные и воздѣланные Зихами, то-есть, Турганерхъ и Чарбагани; кромѣ того, еще островъ при устьѣ рѣки, и еще около Птелеевъ; на послѣдній спасаются Зихи во время нападенія Аланъ. Отъ Зихіи, то-есть, отъ рѣки Ни-

копсиса до города Сотеріополя по морскому побережью лежитъ Авазія на протяженіи 300 миль“.

Излишне было бы ожидать отъ подобныхъ извѣстій полной ясности и точности. Очевидно, сѣверные берега Чернаго моря и особенно страны, лежащія къ востоку отъ Азовскаго моря, были извѣстны любознательному императору въ общихъ чертахъ, и только мѣстами онъ могъ сообщить нѣкоторыя вѣрныя подробности. Наиболѣе темныя и запутанныя свѣдѣнія относятся къ какому-то древнему каналу, который шелъ поперекъ Херсона, областей и Боспора и потомъ обратился въ густой лѣсъ съ двумя сухопутными дорогами. Мы предложимъ слѣдующій вопросъ: въ этомъ мѣстѣ у Константина не скрывается ли отголосокъ древнѣйшихъ преданій, вспоминающихъ о томъ времени, когда Крымъ былъ островомъ, и когда суда, напримѣръ, изъ Ольвіи, то-есть, Днѣпровско-Бугскаго лимана, могли проходить въ Азовское море и слѣдовать до Боспора вдоль сѣверныхъ, а не южныхъ береговъ Крыма? А что касается до двухъ сухопутныхъ дорогъ, ведущихъ въ Крымъ изъ Печенѣжскихъ степей, то здѣсь, можетъ быть, подразумеваются Перекопскій перешеекъ и Арабатская стрѣлка, которая только узкимъ Геническимъ проливомъ отдѣляется отъ сѣвернаго берега Азовскаго моря. Послѣднимъ путемъ, какъ мы замѣчали, по всей вѣроятности, происходили сухопутныя сообщенія Днѣпровской Руси съ Тмутраканскою областью, и конечно, имъ пользовались въ особенности при движеніи конницы. Далѣе изъ словъ Константина можно понять, что самый Днѣпръ какъ бы соединялся (какимъ-то протокомъ) съ Азовскимъ моремъ, и Русь ходила этою дорогою на судахъ въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію. Въ этомъ представленіи, повторяемъ, заключается подтвержденіе того, что дѣйствительно между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ существовало водное сообщеніе посредствомъ Самары, Міуса и ихъ притоковъ, при небольшомъ волокѣ. Что касается до рѣкъ, выпадающихъ въ Азовское море съ восточной стороны, то опять повторяемъ, подъ Харакулемъ можно разумѣть сѣверный рукавъ Кубани или такъ-называемую Черную Протоку, а Балъ, Бурикъ и Хадиръ или Хадырь, по всей вѣроятности, суть ничто иное какъ другіе рукава той же рѣки или протоки, наполнявшіе Кубанскую дельту. Не забудемъ, что въ X вѣкѣ Тамань имѣла нѣсколько иной видъ, нежели въ настоящее время: нѣкоторые протоки заволокло пескомъ и землею, другіе, вслѣдствіе засыпавшагося устья, обратились во внутренніе лиманы; такимъ образомъ, Кубанская дельта получила характеръ полуострова. Но въ X

вѣкъ, по всей вѣроятности, она представляла еще группу острововъ. Боспорскій или Керченскій проливъ у Константина называется устьемъ Меотиды, и дѣйствительно, его можно такъ назвать вслѣдствіе теченія изъ Азовскаго моря въ Черное. Упомянутый посреди этого пролива низменный островъ Атахъ, конечно, есть ничто иное какъ часть южной Таманской косы, въ тѣ времена еще представлявшая совершенно отдѣльный островъ. Области, лежавшія по восточному берегу Чернаго моря, то-есть, Зихія и Авазгія, обозначены вѣрно; но тѣ, которыя находились далѣе внутрь страны, очевидно, въ своемъ взаимномъ отношеніи опредѣлены только приблизительно, то-есть, Папагія, Казахія и Аланія. Аланія будто бы находилась надъ Кавказомъ, а Казахія подъ Кавказомъ; выходитъ, что между ними лежалъ Кавказъ. Но тутъ, конечно, заключается неточность, и можно понять такъ, что онѣ были раздѣлены какими-либо отрогами Кавказа. Судя по тому, что Алане могли заграждать сообщеніе Каспійско-Волжскимъ Хазарами съ Кавказскими, то-есть, съ Кабардою или Папагіей и Казахіей, а также затруднять сообщеніе съ Саркеломъ, надо полагать, что Аланія въ тѣ времена простиралась довольно далеко къ сѣверу отъ хребта; а впослѣдствіи Команами и Татарами Алане были ограничены тою горною областью, въ которой обитаютъ предполагаемые ихъ потомки, то-есть, нынѣшніе Осетины.

Нельзя также не обратить вниманія на нѣкоторыя названія рѣкъ съ ихъ филологической стороны. Одинъ изъ рукавовъ Кубани, именно самый южный, назывался Укругъ, а другой рукавъ и вмѣстѣ самый проливъ именовались Бурликъ — эти слова, очевидно, славянскія и принадлежали къ названіямъ болгаро-русскимъ. Въ Харакулѣ мы узнаемъ Кара-Ингулъ или Черный (Карій) Ингулъ (можетъ быть, то же, что впослѣдствіи Черная Протока); названіе Хадырь (Хадыр) представляетъ также славянскую форму. А слово Балъ и до сихъ поръ въ польскомъ языкѣ означаетъ бревно (у насъ въ уменьшительной формѣ *балка*); если же греческое β произносить какъ *в*, то получимъ другое славянское слово, „валъ“, которое могло означать первоначально водяной валъ или волну, а потомъ уже и земляную насыпь¹⁾.

¹⁾ Какъ въ X вѣкѣ Киммерійскій Боспоръ по имени рукава Кубани, и пѣкѣ и по характеру своему, назывался у славянскихъ туземцевъ Бурликъ (то-есть Бурливый), такъ въ XII вѣкѣ встрѣчаемъ названіе Балванъ, напоминающее другой рукавъ Кубани, то-есть Балъ. Мы разумѣемъ тутъ известное мѣсто въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «Днѣвъ кличетъ верху древа, велитъ послушати земли незнаемъ, Вазъ и Поморію, и Посулѣю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тму-

Въ 53-й главѣ того же сочиненія, въ главѣ, посвященной разказамъ изъ исторіи города Херсона и его борьбы съ Боспорскими царями, Константинъ даетъ еще слѣдующія подробности о Тмутраки и сосѣднихъ съ нею областяхъ:

„За городомъ Таматархою находятся многіе источники, которые послѣ питья производятъ сыпь во рту. Также и въ Зихи, подлѣ мѣста, называемаго Пагисъ, около Папаги, существуетъ девять источниковъ, производящихъ сыпь во рту. Но они имѣютъ неодинаковые цвѣта: одинъ красный, другой желтый, третій темный. Въ Зихи, въ мѣстѣ, называемомъ Папага, по сосѣдству съ округомъ, именуемымъ Сапакси (Σαπαξι), что значить „грязь“, есть источникъ, который также возбуждаетъ сыпь; существуетъ и другой подобный источникъ въ округѣ, называемомъ Хамухъ, по имени своего основателя Хамуха. Это мѣсто отстоитъ отъ моря на одинъ день коннаго переезда. Въ области Дерзинесъ, подлѣ двухъ округовъ, изъ которыхъ одинъ называется Сапикій (Σαπικίου), а другой Епископій (Επισκοπίου) есть тоже производящій сыпь источникъ, а также и въ области Чилипертъ (Τσιλιπερτ) въ округѣ Срехябаракъ (Σρεχιαβαράξ)“.

Очевидно, Константинъ описываетъ здѣсь вулканическія грязи и источники Таманскаго полуострова и сосѣдняго Кавказа. Не замѣтно однако, чтобъ эти источники были извѣстны въ то время своими лечебными свойствами, такъ какъ Константинъ знаетъ о нихъ только то, что они для питья не годятся, ибо производятъ во рту сыпь. Интересны нѣкоторые мѣстныя названія, здѣсь приведенныя. Предоставляемъ объясненіе ихъ знатокамъ кавказскихъ языковъ и обратимъ вниманіе только на слово *Сапакси*. (Слѣдующее затѣмъ названіе *Сапикіу*, можетъ быть, происходитъ отъ одного съ нимъ корня). Предложимъ вопросъ: не есть ли это слово въ нѣсколько искаженной передачѣ славянское *сопки*, то-есть, именно вулканы, извергающіе изъ себя грязные потоки? Далѣе: девять разноцвѣтныхъ источниковъ гдѣ-то за Таманскимъ полуостровомъ на западномъ

траканскій балванъ». Много было сдѣлано разныхъ догадокъ для объясненія послѣдняго выраженія, но все онѣ принимали слово *балванъ* въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно теперь у насъ употребляется. Мы думаемъ, что ключемъ къ разъясненію этого выраженія можетъ служить польское *balwan*, доселѣ употребляемое въ смыслѣ волны. Отсюда приходимъ къ тому заключенію, что Тмутраканскій балванъ Слова о Полку Игоревѣ просто означаетъ «Тмутраканскій проливъ», а въ переносномъ значеніи «Тмутраканскій край». (См. наши соображенія о томъ въ изданіи Москов. Археол. Общества *Древности* 1874 г.).

концѣ Кавказа—это число не находится ли въ какой-либо связи съ названіемъ „Девяти Хазарскихъ климатовъ“ (τα εννέα κλίματα της Χαζαρίας), о которыхъ Константинъ упоминаетъ въ 10-й главѣ того же сочиненія?

Хазарскіе климаты или округа надобно различать отъ климатовъ Греческихъ, которые лежали въ юго-восточномъ углу Таврическаго полуострова, по сосѣдству съ Херсонскою областью. Мы говоримъ: надобно ихъ различать, потому что у Константина иногда упоминаніе о нихъ довольно сбивчиво. Напримѣръ, въ 11-й главѣ онъ говоритъ, что Алане могутъ преграждать Хазарамъ путь „въ Саркелъ, Климаты и Херсонъ“. Здѣсь подъ климатами въ географическомъ смыслѣ могутъ быть понимаемы и тѣ, и другіе, если взять въ разчетъ, что тѣ и другіе лежали между Саркеломъ и Херсономъ; но соображаясь съ внутреннимъ смысломъ, надобно здѣсь разумѣть климаты Хазарскіе, о которыхъ Константинъ говоритъ въ предыдущей главѣ. Въ этой послѣдней онъ объясняетъ, что девять Хазарскихъ округовъ лежатъ по сосѣдству съ Аланіей, и, если Алане подвергали ихъ опустошеніямъ, то наносили тѣмъ большой вредъ Хазарамъ, такъ какъ изъ этихъ девяти округовъ Хазары получали все нужное для жизни. Очевидно, область этихъ округовъ лежала въ западной части Кавказа около Кубанской дельты, то-есть, тамъ, гдѣ находились упомянутые выше девять источниковъ; по видимому, то была часть Зихин и Панагин, подвластная собственнымъ Хазарамъ, то-есть, Касогамъ или Черкесамъ — Кабардинцамъ. Эта въ сущности небольшая область была дорога для нихъ, ибо, по словамъ Константина, отсюда они получали все нужное для жизни. Это все нужное, конечно, доставляла имъ торговля съ Греками и Руссо-Болгарами при помощи гаваней Азовскихъ и Черноморскихъ, изъ которыхъ товары шли въ Хазарію при посредствѣ области, прилегавшей къ Кубанской дельтѣ. Кромѣ греческихъ тканей и металлическихъ издѣлій, они получали отсюда хлѣбъ и рыбу. Послѣдняя особенно въ изобиліи ловилась въ Кубанскихъ лиманахъ. Такъ, Теофанъ преимущественно указываетъ на *бумарскую* рыбу ксисъ, а Константинъ на берзетикъ (по весьма вѣроятному мнѣнію г. Бруна, это одна и та же рыба; но онъ не могъ узнать, какая порода тутъ подразумѣвается. См. *Зап. Од. Общ.* V. 147).

Берзетикъ ловился именно въ Карагулѣ, то-есть, въ сѣверномъ рукавѣ Кубани. А страна, прилегавшая къ этому рукаву въ тѣ времена, можетъ быть, еще не была отвоевана Руссами отъ Хазаръ, и слѣдовательно, обитавшая здѣсь часть Черныхъ Болгаръ еще пла

тила дань Хазарамъ, и конечно, платила естественными произведеніями. Вотъ почему, въ случаѣ опустошенія Аланами девяти округовъ, Хазарамъ грозилъ голодъ. Это извѣстіе подтверждаетъ нашу мысль, что тутъ надобно разумѣть Хазаръ Кавказскихъ, а не Волжскихъ. У послѣднихъ, по извѣстію Ибнъ-Фодлана, главною пищею служили рисъ и рыба; но рыбою снабжала ихъ Каспійско-Волжская ловля; а рисъ они получали или отъ ближайшихъ покоренныхъ племенъ, или отъ торговцевъ, особенно восточныхъ. Однимъ словомъ. нѣтъ вѣроятности, чтобы Волжскіе Хазары питались хлѣбомъ и рыбою, доставлявшимися съ устьевъ Кубани или съ западнаго Кавказа. По всѣмъ признакамъ, Константинъ не имѣлъ яснаго представленія о положеніи и разныхъ частяхъ Хазарскаго государства: онъ смѣшивалъ Хазаръ Волжскихъ съ Черкесскими или Кавказско-Крымскими. Его извѣстія могутъ быть отнесены по преимуществу къ послѣднимъ, тогда какъ арабскія извѣстія того же вѣка относятся преимущественно къ первымъ.

Итакъ, мы можемъ положительно сказать, что около первой половины X вѣка Алане уже возвратили себѣ независимость отъ Хазарскихъ государей и тѣмъ нарушили связь Каспійско-Волжской Хазаріи съ западнымъ Кавказомъ или Кабардою. Но источники не даютъ опредѣленныхъ указаній на то, въ какихъ отношеніяхъ послѣдняя находилась къ Итилю. Мы можемъ только догадываться, что Черкесія или собственная Хазарія во времена Константина еще сохраняла вассальныя отношенія къ Итильскимъ каганамъ. Но безъ сомнѣнія, она также стремилась къ независимости, и возстаніе воинственныхъ Кабаровъ, о которомъ вспоминаетъ Константинъ, конечно, повторилось не одинъ разъ. Во второй половинѣ X вѣка, когда Хазарское государство ослабло подъ ударами Аланъ, Печенѣговъ и особенно Руссовъ, которые раззорили Саркель, тогда и собственные Хазары, то-есть, Крымскіе и Кавказскіе Черкесы, по видимому, возвратили себѣ самостоятельность и отдѣлились отъ Турко-Хазаръ Каспійскихъ. Указаніемъ на это обстоятельство могутъ служить войны Руси и Грековъ въ первой половинѣ XI вѣка съ Черкесскими князьями Георгіемъ Чуломъ и Редедею ¹⁾.

¹⁾ Мы уже упоминали, что часть Кабаровъ или Аваровъ ушла къ Уграмъ и соединилась съ ними, и что хусарская конница, по всей вѣроятности, получила свое начало отъ этихъ Черкесовъ-Хазаръ. Точно также и уланская конница ведетъ свое происхожденіе отъ кавказскихъ Аланъ. У Татаръ подъ названіемъ

Теперь въ короткихъ словахъ доскажемъ дальнѣйшую судьбу Тмутраканской Руси.

Кіево-русскіе князья, чтобъ упрочить за собою обладаніе Тмутраканскимъ краемъ, не разъ должны были возобновлять борьбу съ Хазарами-Кабардинцами, а иногда и съ ихъ сосѣдями Аланами. Такъ, Святославъ, по словамъ нашей лѣтописи, воевалъ съ Касогами и съ Ясами. Затѣмъ мы имѣемъ извѣстіе византійскаго писателя Кедрина о предпріятіи Грековъ противъ Хазаръ при императорѣ Василіѣ II. Въ 1016 году онъ послалъ къ Хазаріи флотъ подъ начальствомъ Монга; послѣдній, „вспомоществуемый Сфенгомъ, братомъ Владиміра, того самаго, который женился на сестрѣ императора Василя, покорилъ эту страну, взявъ въ плѣнъ въ первой же битвѣ князя ея Георгія Чула“. Извѣстіе это, по всѣмъ признакамъ, не совсѣмъ точно; по крайней мѣрѣ оно не совсѣмъ согласно съ русскою лѣтописью. Впервые, въ 1016 году Владиміра уже не было въ живыхъ: онъ скончался въ предыдущемъ году. Вторыхъ, по русской лѣтописи мы не знаемъ у него никакого брата, который назывался бы Сфенгомъ. Третьихъ, не понятно, о какой Хазаріи здѣсь говорится, во всякомъ случаѣ не о Волжской, куда греческія войска не проникали; притомъ имя князя Георгія показываетъ, что онъ былъ христіанинъ, а Итильскіе каганы исповѣдуютъ іудейскую вѣру. Здѣсь, по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о какомъ-либо хазарско-кабардинскомъ владѣніи, которое уцѣлѣло до начала XI вѣка въ Тавридѣ, по сосѣдству съ Корсунскою областью (можетъ быть, тамъ, гдѣ лежатъ развалины Мангуна и Черкесъ-Кермена). Русскіе помогали тогда Грекамъ и въ этой сторонѣ конечно, также, какъ помогали имъ въ борьбѣ съ Болгарами Дунайскими (вслѣдствіе родственнаго союза съ Греческими императорами) ¹⁾.

Вскорѣ потомъ, именно подъ 1022 годомъ, наша лѣтопись помѣщаетъ извѣстіе о войнѣ съ Касогами Владимірова сына Мстислава,

---

уланъ разумѣлось сословіе благородныхъ, что свидѣлствуетъ объ ихъ уваженіи къ воинственнымъ Аланамъ. Отличительнымъ оружіемъ гусаръ, какъ извѣстно, служилъ кривая сабля, а уланъ—копьѣ; вѣроятно, это вооруженіе отличало и самыя племена Касоговъ и Ясовъ. О кривой хазарской или гусарской саблѣ упомянуть и наша лѣтопись, противопоставляя ее русскому обоюдоострому мечу.

¹⁾ По извѣстіямъ армянскихъ историковъ, вспомогательный русскій отрядъ слѣдовалъ за императоромъ Василіемъ II и при его походѣ въ страны закавказскія. (См. изслѣд. г. *Васильевскаго* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1874 года, ноябрь).

которому отецъ назначилъ въ удѣлъ Тмутракань. Эти Хазары-Касоги были сосѣдями Тмутраканской Руси съ восточной стороны, и конечно, между ними происходили споры за границы. Но не видно, чтобы въ эти споры вмѣшивались каганы Итильскіе; слѣдовательно, Касоги-Кабардинцы въ то время были уже самостоятельны и не имѣли политической связи съ Хазарами Каспійско-Волжскими. Мстиславъ, какъ извѣстно, одолѣлъ въ единоборствѣ Касожскаго князя Редедю и заковоль его, послѣ чего, по условію, взялъ его семейство и наложилъ дань на Касоговъ, а по возвращеніи въ городъ Тмутракань, исполнивъ обѣтъ, построилъ церковь Богородицы. Эта церковь стояла еще во время лѣтописца, то-есть, въ XII вѣкѣ. Какъ сильно было въ ту эпоху Тмутраканское княжество, показываетъ успѣхъ Мстислава въ борьбѣ съ старшимъ братомъ Ярославомъ. Съ своею руссо-болгарскою дружиною и хазаро-черкесскою конницею онъ побѣдилъ Ярослава и заставилъ уступить себѣ всю восточную сторону Днѣпра. Мстиславъ перенесъ свою резиденцію въ Черниговъ, гдѣ и умеръ (въ 1036 году); не оставляя послѣ себя дѣтей, онъ всѣ свои земли передалъ брату Ярославу. Послѣдній при раздѣлѣ Руси между своими сыновьями отдалъ Тмутракань второму сыну, Святославу, то-есть, причислилъ ее къ удѣлу Черниговскому. Съ тѣхъ поръ она, за небольшими исключеніями, и оставалась въ родѣ Черниговскихъ Святославичей.

Святославъ отдалъ Тмутракань въ удѣлъ своему сыну Глѣбу. Дѣятельность Глѣба Святославича въ этомъ отдаленномъ концѣ древней Руси засвидѣтельствована дошедшимъ до насъ камнемъ съ слѣдующею надписью: „Въ лѣто 6570 индикта 6 Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тъмуторокана до Кърчева . . . . сажени“¹⁾. На этой надписи мы впервые встрѣчаемъ болгаро-русское названіе *Корчево* или *Корчева*, откуда явилось сокращенное Керчь. Это названіе замѣнило греческія „Пантикапея“ и „Боспоръ“, также какъ имя „Тмутракань“ смѣнило древнее „Фапагорія“. По видимому эти два города, лежавшіе другъ противъ друга на берегахъ пролива, ужь успѣли нѣ-

¹⁾ Камень этотъ найденъ былъ въ 1792 г. на островѣ Тамани. Онъ имѣетъ видъ плиты, и надпись высѣчена на боковой ея сторонѣ; хранится въ Петербургѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Число сажень (АИД) подвергается разночтеніямъ: по однимъ это 8054, по другимъ—11000. А что касается до обозначенія года, то мы читаемъ 6570 (сфо), то-есть, 1062, а не 6576 (1068), какъ это доселѣ полагали. Наше чтеніе болѣе согласно съ указаніемъ лѣтописи о времени княженія Глѣба въ Тмутракань.

сколько оправиться отъ разореній, причиненныхъ имъ во времена гунно-болгарскаго и потомъ турко-хазарскаго завоеванія. Керчь-Пантикапея, конечно, не достигала уже никогда своего прежняго блеска; однако сохраняла свой торговый характеръ, благодаря выгодному положенію на торномъ пути между Русью и Хазаріей, съ одной стороны, и Византийскою имперіей, съ другой. О торговомъ характерѣ Тмутраканской Руси, какъ мы говорили, особенно свидѣлствуютъ арабскія извѣстія. Тмутракань въ это время имѣлъ верхъ надъ Корчевомъ, ибо былъ стольнымъ городомъ княжества.

Отдаленное отъ Кіевской Руси положеніе, смѣшанный, разноплеменный составъ населенія и сосѣдство варварскихъ народовъ, готовыхъ доставлять наемныя дружины всякому предприимчивому вождю, дѣлали безпокойнымъ и довольно шаткимъ положеніе Тмутраканскихъ князей, когда начались междоусобія въ потомствѣ Ярослава I. Положеніе это сдѣлалось особенно шаткимъ съ того времени, какъ изъ-за Дона, около половины XI вѣка, надвинулись въ южно-русскія степи новыя орды кочевниковъ, дикіе Половцы, которые мало по малу стали отрѣзывать Тмутраканскую землю отъ остальной Руси и затруднять между ними сообщеніе.

Одинъ изъ внуковъ Ярослава, Ростиславъ Владиміровичъ, послѣ смерти отца своего Владиміра Новгородскаго, проживалъ въ Новгородѣ безъ удѣла. Этотъ смѣлый, воинственный князь, вмѣстѣ съ Выпатою, сыномъ посадника Остромира, ушелъ на югъ, набралъ дружину и изгналъ изъ Тмутраканя своего двоюроднаго брата Глѣба Святославича. Отецъ послѣдняго, Святославъ, явился было на помощь сыну и возвратилъ ему Тмутраканскій столъ (въ 1064 г.). Но едва отецъ отправился назадъ въ свой Черниговъ, какъ Ростиславъ снова выгналъ Глѣба и снова занялъ Тмутракань, гдѣ и княжилъ до своей смерти. Но княженіе это было кратковременно: оно продолжалось только два года. Храбрый Ростиславъ сдѣлался грозенъ для своихъ сосѣдей, то-есть, для Корсунскихъ Грековъ и Кавказскихъ Касоговъ; послѣдніе платили ему дань. Греки тяготились сосѣдствомъ такого воинственнаго князя и рѣшились извести его. Лѣтопись наша разсказываетъ, что какой-то греческій начальникъ или катапанъ пріѣхалъ къ Русскому князю, подольстился къ нему и потомъ отравилъ его въ то время, когда онъ по обыкновенію пировалъ съ своею дружиною (1066 г.). Преданіе, записанное русскимъ лѣтописцемъ, прибавляетъ, будто катапанъ, успѣвшій бѣжать въ Корсунь, былъ побитъ камнями отъ самихъ Корсунцевъ, когда Ростиславъ умеръ; но по-

слѣднее извѣстіе едва ли вѣроятно, такъ какъ, по словамъ той же лѣтописи, сами Греки подослали его къ Ростиславу. Этотъ князь погребенъ въ томъ же каменномъ храмѣ Богородицы, который былъ построенъ Мстиславомъ Владиміровичемъ.

Послѣ Ростислава Тмутраканскій удѣлъ снова перешелъ во владѣніе Черниговскихъ Святославичей. Тамъ мы встрѣчаемъ княземъ брата Глѣбова, Романа Святославича. Но и онъ не долгое время спокойно владѣлъ этимъ краемъ. Когда умеръ его отецъ Святославъ Ярославичъ, наступили извѣстныя междоусобія братьевъ его Изяслава и Всеволода съ племянниками Святославичами, которые хотѣли воротить себѣ отцовскую часть, то-есть, Черниговскую землю. Въ 1078 году знаменитый Олегъ Святославичъ убѣжалъ къ брату Роману въ Тмутракань, куда еще прежде явился и двоюродный братъ его Борисъ Вячеславичъ, тоже обдѣленный своими дядьями. Здѣсь эти безпокойные князья вошли въ связи съ варварами, особенно съ Половцами, и съ ихъ помощью начали рядъ своихъ попытокъ противъ дядей. Олегу и Борису не посчастливилось, и послѣдній палъ въ битвѣ на Нѣжатиной нивѣ. Тогда Романъ, съ новыми толпами Половцевъ пошелъ на помощь Олегу, чтобы добывать Черниговъ. Но варвары измѣнили братьямъ и заключили союзъ съ ихъ дядею Всеволодомъ, конечно, склоненные къ тому золотомъ. Мало того, на обратномъ походѣ варвары убили Романа. Олегъ, по смерти братьевъ сдѣлавшійся наслѣдникомъ Тмутраканскаго стола, былъ схваченъ и отправленъ за море въ Царьградъ (1079 г.). По поводу этихъ событій въ нашей лѣтописи упоминаются Тмутраканскіе Хазары: они подговорили Половцевъ убить Романа, они же схватили Олега и выдали Грекамъ (см. Ипатскую лѣтопись новое изданіе, 143—144). Итакъ мы имѣемъ ясное свидѣтельство, что часть населенія въ Тмутраканскомъ княжествѣ, и конечно, часть вліятельная, состояла изъ Хазаръ или Черкесовъ-Кабардинцевъ, которые прежде владѣли этимъ краемъ. Въ данномъ случаѣ туземные Хазары, очевидно, дѣйствовали въ согласіи съ великимъ княземъ Всеволодомъ, то-есть, по всей вѣроятности, были подкуплены деньгами или обѣщаніемъ какихъ-либо льготъ. По крайней мѣрѣ послѣ удаленія Олега въ Грецію мы видимъ въ Тмутраканіи Всеволодова посадника Ратибора, но не надолго. Въ слѣдующемъ году здѣсь явились два новые искателя удѣловъ, Давидъ Игоревичъ и Володаръ Ростиславичъ; они схватили Ратибора и завладѣли Тмутраканью. Всѣ эти быстрыя перемѣны, конечно, дѣла-

лись не безъ участія все того же вліятельнаго элемента въ Тмутра-
кани, то-есть, Хазарь.

Между тѣмъ наслѣдственный Тмутраканскій князь Олегъ Свя-
тославичъ изъ Константинополя былъ отправленъ далѣе на островъ
Родось, гдѣ провелъ два года. Объ этомъ пребываніи его на Ро-
досѣ упоминаетъ извѣстный паломникъ игуменъ Даниилъ при описа-
ніи своего хожденія въ Іерусалимъ. Въ то время на Византійскомъ
престолѣ царствовалъ Никифоръ Вотаниатъ, который, конечно, былъ
въ союзѣ съ врагами Олега; кромѣ того, Греки, вѣроятно, опасались
найти въ немъ такого же безпокойнаго сосѣда, какимъ былъ Ростис-
лавъ Владиміровичъ. Но когда Вотаниатъ былъ низверженъ, и на
престолѣ вступилъ знаменитый Алексій Комненъ, обстоятельства,
очевидно, измѣнились въ пользу Олега. Въ 1083 году онъ снова по-
является въ Тмутракани, которую, по всей вѣроятности, воротилъ
себѣ съ помощью прежнихъ непріятелей, а теперь новыхъ союзни-
ковъ — Грековъ. Володаря и Давида онъ отпустилъ на свободу, но
строга наказалъ крамольныхъ Тмутраканскихъ Хазарь, предавъ смерт-
ной казни своихъ главныхъ враговъ ¹⁾).

¹⁾ Очень можетъ быть, что именно къ этимъ Тмутраканскимъ Хазарамъ
и сосѣднимъ Касогамъ, платившимъ дань, относятся извѣстные слова нашей
лѣтописи о томъ, «что володѣютъ Русскіе князья Хазарами и до сего дня».

Обратимъ особое вниманіе изслѣдователей на двухъ наиболее знаменитыхъ
преслѣниковъ Мстислава Тмутраканскаго, то-есть на Ростислава и Олега. Оба
они прославились своею безпокойною дѣятельностію, и оба потерпѣли отъ сво-
ихъ сосѣдей Грековъ. Мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующія догадки. Въ
извѣстной греческой легендѣ о походѣ Русскаго князя, такъ называемаго
Бравляна, на Суроужъ говорится, что онъ пришелъ изъ Новгорода. Предла-
гаемъ вопросъ: къ болѣе древнему преданію о дѣйствительномъ нападеніи Рус-
совъ на Суроужъ или Сугдѣю не принявши-ли позднѣйшіе писатели воспоми-
наніе о князѣ Тмутраканскомъ Ростиславѣ, который дѣйствительно пришелъ
изъ Тмутраканъ прямо изъ Новгорода?

Другая догадка наша относится къ сказанію объ осадѣ Царьграда Киев-
скимъ княземъ Олегомъ, тѣмъ Олегомъ, который заключилъ съ Греками два
договора, въ 907 и 911 годахъ. Мы уже не разъ говорили, что это сказаніе по
всѣмъ признакамъ есть не историческое, а баснословное. Теперь къ прежнимъ
соображеніямъ прибавляемъ слѣдующее. Можетъ быть, поводъ къ означенному
сказанію о первомъ Олегѣ, на ряду съ его договорами, подавъ былъ Олегомъ
Святославичемъ, который дѣйствительно плавалъ въ Царьградъ, хотя въ ка-
чествѣ пѣшакки, а не завоевателя. Но послѣднимъ обстоятельствомъ легенда
не затрудняется. Для нея достаточно и одного имени, чтобы измыслить цѣлое
событіе. Не забудемъ, что Олегъ Святославичъ былъ одинъ изъ тѣхъ князей,
о которыхъ наиболѣе говорили въ древней Руси. Онъ и весь родъ его имѣли

Послѣ того, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, ничего не слышно объ Олгѣ. По видимому, онъ въ это время спокойно княжилъ въ Тмутраканѣ. Но въ 1093 году умеръ Всеволодъ. Тогда Олегъ снова выступилъ на сцену: онъ опять явился съ наемными Половцами добывать Черниговъ у Владиміра Мономаха, и на этотъ разъ, достигъ своей цѣли. Можетъ быть, къ тому же десятилѣтнему періоду относится одинъ вещественный памятникъ Олегова княженія въ Тмутраканѣ. Мы говоримъ о серебряной монетѣ, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдена на Тамани. На одной сторонѣ ея видно довольно неясное лицевое изображеніе, а на другой надпись: „Господи, помози Михаилу“. Олегъ Святославичъ въ крещеніи названъ Михаиломъ, и нѣкоторые изслѣдователи съ большою вѣроятностію приписываютъ ему эту монету (см. *Древности*, изданіе Моск. Археолог. Общества, т. III, вып. II.)

Съ переселеніемъ Олега Святославича въ Черниговъ, въ лѣтописи нашей прекращаются всѣ упоминанія о Тмутраканскомъ краѣ. Можемъ только догадываться, что этотъ край въ XII вѣкѣ былъ наконецъ оторванъ отъ Руси Половецкою ордою. Но Чернигово-Сѣверскіе князья не забывали о немъ и дѣлали иногда попытки воротить его въ свое владѣніе. На эти попытки указываетъ знаменитое Слово о Полку Игоревѣ. Оно прямо говоритъ, что Игорь Сѣверскій и его братья Всеволодъ Трубчевскій предприняли походъ на Половцевъ съ цѣлью „поискати града Тмуторокапѣ“. Вообще это Слово не одинъ разъ и съ замѣтнымъ сочувствіемъ упоминаетъ о Тмутраканѣ. Извѣстно обращеніе поэта къ „Тмутраканскому балвану“. Мы уже имѣли случай представить свои соображенія о томъ, что подъ словомъ *балванъ* тутъ не скрывается какой-то воображаемый идолъ, но что это значитъ проливъ, а въ переносномъ смыслѣ здѣсь надобно разумѣть весь Тмутраканскій край. Какого либо половецкаго идола нельзя здѣсь разумѣть и потому, что этотъ край, оторванный отъ Руси, во второй половинѣ XII вѣка снова подпалъ господству Византіи.

Византійская исторіографія XIII, XIV и XV вѣковъ мимоходомъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на дальнѣйшія судьбы Тмутраканской Руси.

своихъ поговѣй-панегиристовъ, къ которымъ принадлежитъ и авторъ Слова о Полку Игоревѣ. По всей вѣроятности, легенда имѣетъ объ осадѣ Царяграда Олгомъ, происхожденіе Черниговское, какъ легенда о призваніи трехъ Варяговъ — происхожденіи Новгородскаго; при чемъ имя Рюрика явилось не безъ связи съ извѣстнымъ Рюрикомъ Ростиславичемъ (о чемъ мы замѣтили въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1872 г. ноябрь.)

Въ первой половинѣ XIII вѣка вмѣстѣ съ сосѣдними Зихами, Абасгами и Готами она была покорена Татарами Чингисхана, по извѣстію Никифора Грегоры (онъ называетъ здѣсь Черноморскихъ и Азовскихъ Руссо-Болгаръ Тавроскинами и Бористенитами). Писатель второй половины XIII вѣка Георгій Пахимеръ говоритъ, что Алане, Зихи, Готы и Россы, покоренные Татарами, мало по малу стали усвоивать себѣ ихъ нравы, а вмѣстѣ съ одеждою стали употреблять и ихъ языкъ, будучи принуждены поставлять Татарамъ вспомогательныя войска. Одежда, а отчасти и нравы завоевателей довольно легко переходятъ къ покореннымъ народамъ. Подъ этою переменною нравовъ, конечно, надобно разумѣть постепенное огрубѣніе и одичаніе, которому подвергались Тмутраканскіе Болгаро-Руссы подъ игомъ дикихъ монголо-татарскихъ ордъ, наводнившихъ юго-востокъ Европы, Кавказъ и Закавказье. Но что касается до языка, то онъ, конечно, не скоро утратился изъ народнаго употребленія и замѣнился языкомъ господствующаго народа. По крайней мѣрѣ о Готахъ мы знаемъ, что они долго еще сохраняли свой языкъ. То же можемъ предположить и относительно Азовско-Черноморскихъ Руссо-Болгаръ, пока христіанство не было у нихъ вытѣснено мусульманствомъ. По крайней мѣрѣ во второй половинѣ XIII вѣка христіанская церковь еще вполне соблюдалась, судя по извѣстію Кодина о томъ, что архіепископъ Зихинъ и *Метраховъ* былъ возвышенъ въ санъ митрополита.

Въ началѣ XV вѣка Болгаро-Руссы еще разъ упоминаются по поводу войнъ Тамерлана. По извѣстію Дуки, въ его полчищахъ находились дружины Тавроскиновъ, Зиховъ и Авазговъ.

Открытіе новыхъ историческихъ источниковъ и особенно мѣстныхъ изысканія, можетъ быть, дадутъ въ послѣдствіи болѣе подробныя свѣдѣнія о судьбахъ этой Азовско-Черноморской Руси.

Д. Иловайскій.